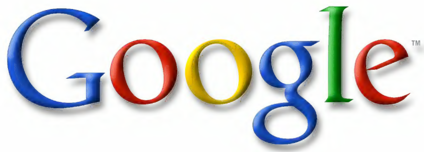

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

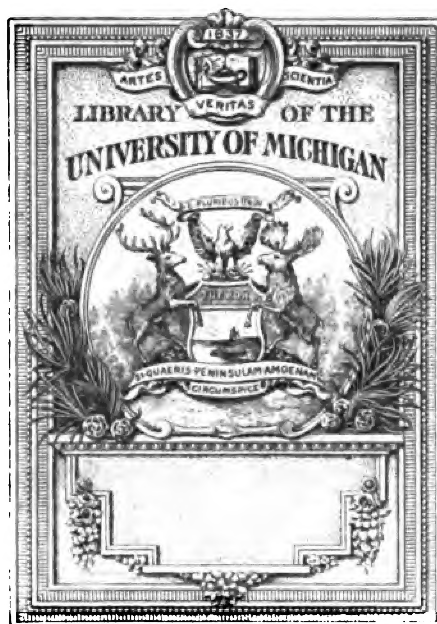
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at http://books.google.com/

Digitized by Google

МЫСЛИ ОБЪ ИСТОРІИ РУССКАГО ЯЗЫКА.

Digitized by Google

МЫСЛИ

ОБЪ

ИСТОРІИ РУССКАГО ЯЗЫКА

И

ДРУГИХЪ СЛАВЯНСКИХЪ НАРѢЧІЙ.

И. И. Срезневскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій кан., № 78.
1887.

Digitized by Google

Екатерининскій кан., д. № 78.
2810.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ.

Стран.

Дополнительныя примѣчанія:

Digitized by Google

3?5079

Digitized by Google

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ.

«Мысли объ исторіи Русскаго языка», бывшія предметомъ чтенія на актѣ С.-Петербургскаго университета 8 февраля 1849 года и въ томъ же году напечатанныя, давно уже стали библіографическою рѣдкостью. Въ настоящемъ изданіи трудъ этотъ является пополненнымъ многими прибавленіями и замѣтками, которыя И. И. Срезневскій дѣлалъ постепенно и въ разное время на экземплярѣ, бывшемъ у него въ постоянномъ употребленіи. Очень можетъ быть, что при этихъ прибавленіяхъ онъ имѣлъ въ виду лекціи, такъ какъ «Мысли» постоянно служили ему основаніемъ при чтеніи курса Исторіи Русскаго языка.

Какъ кажется, самъ И. И. не считалъ сдѣланныхъ имъ прибавленій достаточными для новаго изданія. Постоянныя изслѣдованія основъ Русскаго языка заставляли его смотрѣть на «Мысли» какъ на трудъ еще недостаточно полный, требующій значительной обработки. Этимъ, по всей вѣроятности, можно объяснить то, что на первой страницѣ своего экземпляра И. И. приписалъ въ видѣ эпиграфа слѣдующія слова Гримма: «Die in der ersten Ausgabe mitgetheilten allgemeinen Sätze über den historischen Gang der Sprache sind als unreife

Digitized by Google

Erörterungen jetzt bei Seite gelegt worden» (J. Grimm. D. Gram. 2-e Ausg.). Это же было, можетъ быть, причиной того, что И. И. не приступалъ къ новому изданію «Мыслей», не смотря на просьбы и совѣты многихъ.

Тѣмъ не менѣе, при печатаніи «Мыслей объ исторіи Русскаго языка», намъ казалось необходимымъ включить сдѣланныя И. И. прибавленія. Тѣ изъ нихъ, которыхъ мѣсто было имъ ясно указано или легко опредѣлимо, вставлены въ самый текстъ; другія же, мелкія замѣтки, приписанныя на поляхъ, помѣщены внизу страницы вмѣстѣ съ подстрочными примѣчаніями. Правописаніе въ выпискахъ изъ памятниковъ исправлено по указаніямъ И. И. и провѣрено по изданіямъ ихъ или по снимкамъ вездѣ, гдѣ это было возможно.

Digitized by Google

I.

Останавливаю вниманіе читателей на одной изъ тѣхъ задачь, которыхъ рѣшеніе должно зависѣть отъ усилій нашей Русской науки.

Она есть, эта Русская наука. На нее, какъ на частную долю науки общечеловѣческой, имѣетъ Русскій народъ право столь же исключительное, какъ и каждый другой народъ, сочувствующій успѣхамъ науки, на свою собственную долю. Чѣмъ народъ сильнѣе духомъ, своебытностію, любовію къ знаніямъ, образованностію, тѣмъ его доля въ наукѣ болѣе; но у каждаго народа, не чуждаго свѣта просвѣщенія, есть своя доля, есть своя народная наука. Народъ, отказывающійся отъ нея, съ тѣмъ вмѣстѣ отказывается и отъ своей самобытности — на столько же, какъ и отказываясь отъ своей доли въ литературѣ и искусствѣ, въ промышленности и гражданственности... Главный долгъ народной науки—изслѣдовать свой народъ, его народность, его прошедшее и настоящее, его силы физическія и нравственныя, его значеніе и назначеніе. Народная наука въ этомъ смыслѣ есть исповѣдь разума народа передъ самимъ собою и передъ цѣлымъ свѣтомъ.

Народъ выражаетъ себя всего полнѣе и вѣрнѣе въ языкѣ своемъ. Народъ и языкъ одинъ безъ другого представленъ быть не можетъ. Оба вмѣстѣ обусловливаютъ иногда нераз-

Digitized by Google

дѣльность свою въ мысли однимъ названіемъ: такъ и мы Русскіе вмѣстѣ съ другими Славянами искони соединили въ одномъ словѣ «языкъ» понятіе о говорѣ народномъ съ понятіемъ о самомъ народѣ.—Такимъ образомъ, въ той долѣ науки, которую мы можемъ назвать нашей Русской наукой, необходимо должны занять мѣсто и изслѣдованія о Русскомъ языкѣ.

Языкъ есть собственность нераздѣльная цѣлаго народа. Переходя отъ человѣка къ человѣку, отъ поколѣнія къ поколѣнію, изъ вѣка въ вѣкъ, онъ хранится народомъ какъ его драгоцѣнное сокровище, которое по прихотямъ частныхъ желаній не можетъ сдѣлаться ни богаче, ни бѣднѣе,—ни умножиться, ни растратиться. Частная воля можетъ не захотѣть пользоваться имъ, отречься отъ его храненія, отречься съ этимъ вмѣстѣ отъ своего народа; но за тѣмъ не послѣдуетъ уменьшеніе цѣнности богатствъ, ей непринадлежащихъ. Независимый отъ частныхъ волей, языкъ не подверженъ въ судьбѣ своей случайностямъ. Все, что въ немъ есть, и все, что въ немъ происходитъ, и сущность его и измѣняемость, все — законно, какъ и во всякомъ произведеніи природы. Можно не понимать, а потому и не признавать этой законности; но отъ того законы языка не перестанутъ быть законами. Можно не понимать ихъ, можно и понять, — и разумѣніе ихъ необходимо должно озарять своимъ свѣтомъ наблюденіе подробностей языкознанія.

Народъ выражаетъ себя въ языкѣ своемъ. Народъ дѣйствуетъ; его дѣятельностію управляетъ умъ: — умъ и дѣятельность народа отражаются въ языкѣ его. Дѣятельность есть движеніе; рядъ движеній есть рядъ измѣненій;—измѣненія, происходящія въ умѣ и дѣятельности народа, также отражаются въ языкѣ. Такимъ образомъ, измѣняются народы,—измѣняются и языки ихъ. Какъ измѣняется языкъ въ народѣ? Что именно въ немъ измѣняется, и по какому пути идетъ рядъ измѣненій? Безъ рѣшенія этихъ вопросовъ не возможно уразумѣніе законовъ, которымъ подлежитъ языкъ, какъ особенное явленіе природы. Рѣшеніе ихъ составляетъ исторію языка; изысканія о

Digitized by Google

языкѣ, входящія въ составъ народной науки, не возможны безъ направленія историческаго. — Исторія языка, нераздѣльная съ исторіей народа, должна входить въ народную науку, какъ ея необходимая часть. Къ исторіи языковъ примыкаетъ или, лучше сказать, тѣсно съ нею связана этнографія. Мѣстныя нарѣчія суть видоизмѣненія языка одного народа; различные языки одной отрасли народовъ суть видоизмѣненія одного и того же способа выражать словами чувства и понятія. Можно это разнообразіе разсматривать по-народно, группируя языки по племенамъ и племена по свойствамъ ихъ языковъ; можно отдѣлить и опредѣлить признаки сходства и сродства языковъ, — и наблюденія, на сколько они могли теперь быть вѣрны, привели къ заключенію, что всѣ языки по своему строю распадаются на два главныхъ разряда: на безстройные, въ которыхъ матерія не подчинилась формѣ, и стройные, въ которыхъ матерія и форма представляются въ правильномъ сліяніи. Тѣ и другіе распадаются на нѣсколько отраслей по-племенно. Такими-ли и всегда были, какими представляются теперь языки тѣ и другіе, и если измѣнялись, то какъ: это задача исторіи языковъ, задача, до нѣкоторой степени нерѣшимая, но только до нѣкоторой степени.

II.

Первоначальное образованіе языковъ—тайна, которая вскрывается очень медленно, болѣе угадывается, чѣмъ сознательно постигается въ слѣдствіе изысканій. Менѣе подлежатъ сомнѣнію выводы о дальнѣйшемъ развитіи языковъ, выводы о двухъ главныхъ періодахъ ихъ развитія.

Языкъ въ первомъ началѣ своемъ вѣроятно былъ собраніемъ звуковъ безъ внутренняго строя. Немного звуковъ, немного и словъ, образованныхъ изъ нихъ, гораздо менѣе чѣмъ представленій, которыя бы могли быть ими выражены. Каждое слово само себѣ корень, несродный съ другими, коротко, и не под-

Digitized by Google

лежало измѣненіямъ *). Темно, неопредѣленно, безотчетно выражалъ языкъ жизнь и мысль народа, столь же темную, неопредѣленную, безотчетную. Одно и то же слово было вмѣстѣ названіемъ и предмета, и дѣйствія его, и качества, и впечатлѣнія, ими производимаго въ умѣ, точно такъ же какъ и въ умѣ народа все это оставалось неотдѣленнымъ.

Въ этой безжизненности языка есть уже впрочемъ зачала жизни, и по времени они все болѣе развиваются. Звукъ одинъ постепенно развивается въ нѣсколько сродныхъ звуковъ, дробится, слагается и разлагается; одно слово-корень получаетъ различный выговоръ и разнообразитъ этимъ свое значеніе. Съ тѣмъ вмѣстѣ слова-корни прежніе умножаются новыми, иначе звучащими: многіе изъ нихъ погибаютъ; но многіе и остаются надолго, даже навсегда. Гораздо болѣе силы жизненной даетъ языку фантазія народа, управляя словами, какъ символами понятій. Представленія, почему нибудь кажущіяся сходными, выражаются однимъ и тѣмъ же словомъ; слово переходитъ отъ смысла къ смыслу, и съ пріобрѣтеніемъ каждаго новаго смысла все болѣе опредѣляется. Долго эта творческая сила фантазіи остается въ кругѣ видимаго міра; но переходитъ потомъ и въ міръ духовный, и становится тогда еще могучѣе. Сила эта никогда уже не оставляетъ языкъ. Обусловливаясь вліяніемъ природы, среди которой живетъ народъ, образомъ его жизни, взглядомъ на свой міръ внѣшній и внутренній, она крѣпнетъ все болѣе по мѣрѣ усиленія образованія народа.

Между тѣмъ, число понятій народа умножается: въ умѣ народномъ они слагаются и разлагаются. Сложеніе и разложеніе понятій отражается въ языкѣ сложеніемъ и разложеніемъ словъ. Слова отдѣляются отъ корней: корень слова, бывшій доселѣ словомъ, можетъ и остаться словомъ; но кромѣ словъ-

*) Pott. Et. Forsch. II. 359—360.

Grimm. Urspr. 24—25.—L. Benloew (De quelques caractères du langage primitif. Paris 1863) доказываетъ, что первичные языки были односложные, что м. пр. Китайскій и сохранилъ доселѣ.

Digitized by Google

корней являются во множествѣ слова не-корни, образованныя изъ разныхъ корней, слова опредѣленныя формально. Въ такомъ образованномъ словѣ сначала всѣ части одинаково важны для опредѣлительности его значенія; но постепенно одна часть дѣлается главною, остальныя сохраняютъ только придаточное значеніе. Къ одному и тому же главному корню прибавляются различные придаточные корни, какъ частицы опредѣлительныя, какъ члены, обусловливающіе смыслъ, выражаемый главнымъ корнемъ, срастающіеся въ нераздѣльныя слова съ тѣми словами, которыя опредѣляютъ. Съ этой поры въ языкѣ является производительность, столь же разнообразная, сколько и сильная. Умъ народа перестаетъ нуждаться въ средствахъ для выраженія оттѣнковъ своихъ понятій, и самъ развивается съ развитіемъ выразительности языка.

Необходимая принадлежность выразительности языка въ этомъ новомъ положеніи есть отличеніе разныхъ разрядовъ словъ—частей рѣчи, и вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняемость большей части словъ, отдѣльная для каждаго разряда. Являются условія отличенія трехъ родовъ, трехъ степеней сравненія, трехъ чиселъ, трехъ лицъ, трехъ главныхъ падежей, трехъ залоговъ, трехъ видовъ, трехъ главныхъ временъ, трехъ главныхъ формъ сочетаній словъ и т. п.

И мало по малу все, что могло жить въ языкѣ подъ условіями опредѣленной формы, все оживляется и живетъ, подчиненное этимъ условіямъ, — и народъ, вполнѣ сочувствуя формальной стройности языка своего, боится нарушить ее, бережетъ ее, какъ святыню.

Разумное начало возобладало въ языкѣ, на сколько могло выразиться строгостью формъ,—и нимало не ослабило начала поэтическаго, а только придало ему художественность. Какъ во всемъ, такъ и въ языкѣ поэтическое только тогда становится художественнымъ, когда подчиняется закону разума. Только на условіи этого подчиненія языкъ дѣлается художественнымъ выраженіемъ мысли народа. Художественность языка видна тогда не только въ красотѣ языка внутренней — въ прекрасно пра-

Digitized by Google

вильномъ его соотношеніи съ мыслію и въ его живописности, но и въ красотѣ внѣшней—въ благозвучности. Только къ этому времени въ языкѣ развивается правильная система звуковъ,—и сочетанія ихъ въ отдѣльныхъ словахъ и въ цѣлыхъ рѣченіяхъ становятся такъ же согласно плавны и пѣвучи, какъ онѣ согласно выражаютъ мысль народную. Благозвучность, какъ законная принадлежность языка въ этомъ положеніи, какъ слѣдствіе разумнаго вкуса народа, сближая языкъ съ другимъ художествомъ, владѣющимъ звуками, съ музыкой, подчиняя его тѣмъ же условіямъ, которымъ подчинена и музыка, условіямъ мѣры и размѣра, производитъ въ языкѣ формы стиховъ, въ которыхъ логическая связность словъ подчинена гармонической связности звуковъ....

Время развитія формъ языка составляетъ первый періодъ его исторіи. Этотъ періодъ долгъ, для иныхъ языковъ какъ будто безначаленъ и нескончаемъ; тѣмъ не менѣе онъ есть только первый; за нимъ долженъ послѣдовать и второй.

Этотъ второй есть періодъ превращеній. Не всегда онъ начинается тогда, когда уже совершенно оконченъ первый: онъ можетъ начаться и гораздо ранѣе, такъ что начало его совьется въ двойную нить съ продолженіемъ перваго; но рѣшительно отличный отъ перваго по основному началу, въ немъ господствующему, онъ всегда можетъ быть отличёнъ отъ перваго. Съ самаго начала этого періода прежняя стройность формъ языка разстраивается; новая стройность касается не формъ, а самой матеріи, не матеріи языка, а мыслей, имъ выражаемыхъ. Все равно помощію той или другой формы, лишь бы выразилъ языкъ то, что онъ долженъ выразить. Въ народѣ остается на долго стремленіе поддерживать прежнюю формальную самостоятельность языка; но тѣ или другія обстоятельства, внутреннія и внѣшнія, потрясаютъ ее все болѣе. Связи народа промышленныя, умственныя, политическія, религіозныя, кровно-родственныя съ другими народами: это самое важное изъ обстоятельствъ внѣшнихъ. Мысль о ненадобности грамматическихъ формъ, о возможности обойтись безъ нихъ, начинающая свое

Digitized by Google

дѣйствіе смѣшеніемъ формъ, и доходящая постепенно до почти полнаго ихъ отрѣшенія и забвенія, мысль не рѣдко зависящая въ своемъ проявленіи отъ трудности управиться съ богатствомъ и разнообразіемъ формъ, эта мысль есть самое важное обстоятельство внутреннее. Эта мысль и зарождается и крѣпнетъ въ умѣ народа безъ всякой зависимости отъ его сознанія, часто на перекоръ ему, безотчетно и непроизвольно; но крѣпнетъ по времени все болѣе, все болѣе получаетъ силу закона. Обстоятельства внѣшнія и внутреннія дѣйствуютъ на языкъ заодно,—и измѣняютъ языкъ иногда до того, что онъ возвращается, во внѣшнемъ своемъ видѣ, къ тому хаотическому состоянію, въ которомъ былъ сначала. Онъ уже конечно не тотъ, но почти таковъ же по своей безсвязности, по раздѣльности своихъ составныхъ частей, и можетъ начать съизнова путь своего развитія.... Впрочемъ только во внѣшнемъ своемъ видѣ: по содержанію, если только народъ не огрубѣетъ, отрекшись отъ просвѣщенія, онъ можетъ остаться вполнѣ выразительнымъ, богатымъ и сильнымъ орудіемъ мысли.—Такъ какъ второй періодъ исторіи языка обрисовывается всегда постепеннымъ паденіемъ прежнихъ формъ, постепеннымъ замѣненіемъ ихъ другими, замѣненіемъ такими другими формами, которыя не такъ неотрѣшимо спаиваются со словами, которыхъ употребленіе не такъ непроизвольно, которыя мѣняются, превращаются; то его едва ли можно назвать иначе, какъ періодомъ превращеній.

Вступая въ періодъ превращеній, языкъ прежде всего измѣняетъ свою звучность. Звуки перемѣшиваются, замѣняются одни другими, не берегутся по прежнему въ ихъ коренномъ значеніи; увеличиваются иногда числомъ, часто и пропадаютъ, ничѣмъ незамѣненные, слившись съ другими: увеличивается болѣе количество звуковъ сложныхъ, составныхъ, уменьшается болѣе количество звуковъ простыхъ, нераздѣльныхъ.

Отъ измѣненій въ системѣ звуковъ измѣняется и система корней языка. Корни словъ тоже перемѣшиваются; первоначально различные совпадаютъ въ одно сочетаніе звуковъ; первоначально однозвучные и однозначительные распадаются на

Digitized by Google

различные, повидимому совсѣмъ не похожіе. Нѣкоторые совершенно пропадаютъ или остаются въ бѣдныхъ остаткахъ, какъ ненужные, потому что въ языкѣ нашлись другія средства для выраженія тѣхъ же идей. Связи съ другими народами облегчаютъ заимствованія чужихъ словъ, и чужія слова становятся тѣмъ необходимѣе, чѣмъ сильнѣе эти связи.

Формы образованія словъ теряютъ постепенно коренное значеніе: формы, различныя по значенію, становятся однозначительными, однозначительныя—разными. Образованныя слова нуждаются въ приложеніи иныхъ формъ къ прежнимъ, для выраженія тѣхъ же понятій безъ малѣйшаго оттѣненія, изъ-за того только, что форма прежде данная уже потеряла силу выражать это оттѣненіе смысла. Мѣсто одного слова заступаетъ иногда два, три, и на оборотъ. Къ словамъ приставляютъ особенныя независимыя частицы для опредѣленія ихъ значенія. Чужія слова принимаются въ языкъ безъ примѣненія ихъ формы къ древнему характеру языка.

Формы измѣненія словъ теряютъ также свой прежній смыслъ и важность. Разнозначительныя формы смѣшиваются въ значеніи; изъ прежнихъ формъ образуются новыя; другія погибаютъ. Погибаніе старыхъ формъ начинается частностями: нѣкоторыя слова, прежде измѣнявшіяся по всѣмъ для нихъ возможнымъ формамъ, остаются только въ какой нибудь одной формѣ неподвижно, или въ немногихъ, болѣе рѣзкихъ. За частными случаями слѣдуютъ и общія перемѣны. То одно изъ чиселъ, то одинъ изъ родовъ, то одно изъ временъ становится ненужнымъ, излишнимъ. Мѣсто временъ простыхъ заступаютъ сложныя; сложныя мѣшаются, сокращаются. Окончанія падежныя теряютъ свою выразительность, обусловливаются предлогами, потомъ и совсѣмъ исчезаютъ....

Вслѣдствіе ослабленія формъ словоизмѣненія постоянно измѣняется и прежній характеръ формъ словосочетанія. Многія изъ нихъ пропадаютъ. Мѣсто ихъ занимаютъ другія, болѣе подвижныя. Потомъ и эти однѣ за другими исчезаютъ: отсутствіе формъ замѣняется условіями логики народа, вовсе не

Digitized by Google

зависящими отъ прежняго строя языка. Формальная опредѣленность смѣняется описательностью.

Превращеніе строя языка, будучи вмѣстѣ и превращеніемъ его состава, превратитъ и логику народа, и понятія его о красотѣ выраженій внутренней и внѣшней. Превращеніе языка въ отношеніи къ красотѣ его выразительности отразится на всемъ складѣ рѣчи въ прозѣ и въ стихахъ. И въ отношеніи къ складу рѣчи языкъ можетъ лишиться прежняго разнообразія и прежней опредѣленности формъ, даже потерять ихъ вовсе....

Все это можетъ идти въ разныхъ языкахъ до нѣкоторой степени различно и доходить не совершенно къ одному и тому же концу; но направленіе всегда одно и то же: превращеніе, ослабленіе формъ. Въ одномъ и томъ же языкѣ не все превращается равномѣрно, иное скорѣе, другое медленнѣе, — и вслѣдствіе этого, языкъ становится связью частей разновременно образованныхъ, древнихъ и новыхъ; но все-таки постепеннаго превращенія нельзя не видѣть въ измѣненіи всего его строя и характера. Сродненіе народа съ народомъ можетъ привести ихъ языки къ полному, совершенному превращенію. Изъ двухъ или нѣсколькихъ языковъ можетъ образоваться новый языкъ, по формамъ своимъ и похожій и непохожій на тѣ, изъ которыхъ онъ произошелъ, и до такой степени новый, что законы, которыми управлялись тѣ языки, въ своихъ формахъ могутъ до нѣкоторой степени служить только объясненіемъ его состава; но и въ его составѣ и въ строѣ господствовать должны уже не они, а другіе, и свою формальную организацію онъ начинаетъ снова.

Наблюдая явленія превращенія языка, нельзя не замѣтить, что при всей постепенности и непрерывности превращенія языка, бываютъ для него особенныя годины, когда онъ выражаетъ сильнѣе, рѣшительнѣе свое естественное стремленіе превращаться, когда онъ болѣе и болѣе овладѣваетъ новымъ, которое должно вытѣснить то или другое старое, когда новизна борется со стариной сильнѣе, упорнѣе. Такое состояніе языка,

Digitized by Google

состоянiе переходное можно въ нѣкоторомъ отношенiи сравнить съ состоянiемъ человѣка при переходѣ отъ дѣтства къ возмужалости, отъ мужества къ старости, или съ состоянiемъ растенiя при переходѣ отъ сѣмени къ стеблю, отъ цвѣта къ плоду и т. п. Безъ сомнѣнiя, такое состоянiе языка не независимо отъ состоянiя народа, который говоритъ имъ.

Таковъ вообще путь, проходимый языкомъ каждаго народа, но не каждаго отдѣльно отъ другихъ народовъ. У многихъ народовъ одного происхожденiя языкъ, по первоначальному своему образованiю, одинъ и тотъ же. Онъ развился на много разныхъ языковъ уже послѣ, съ теченiемъ времени, въ слѣдствiе различныхъ обстоятельствъ. Это развитiе языка въ языки и каждаго изъ языковъ отдѣлившихся идетъ однимъ и тѣмъ же путемъ, подлежа одному и тому же закону; но подъ влiянiемъ различныхъ обстоятельствъ выражается различно. Оттѣнки различiя могутъ касаться и состава и строя языка. Языкъ одного племени можетъ повести нить развитiя формъ далѣе и все болѣе умножать ихъ въ себѣ, между тѣмъ какъ языкъ другого сроднаго племени будетъ принужденъ ранѣе начать перiодъ превращенiй и по богатству формъ далеко отстать отъ перваго, не смотря на одинаковость начала. Тѣмъ не менѣе, начало того и другого одно и то же: языка племени нельзя объяснить исторически безъ знанiя языка семьи племенъ, изъ котораго онъ произошелъ. Народы одного племени остаются однимъ нераздѣльнымъ народомъ до тѣхъ поръ, пока не отдѣляются одинъ отъ другого, однимъ народомъ нераздѣльнымъ по условiямъ народности, по образованности, нераздѣльнымъ и по языку. Только со времени отдѣленiя отъ другихъ народовъ племени своего, народъ начинаетъ свою отдѣльную жизнь, но не съ самаго начала, а продолжая жизнь уже прежде бывшую, и отражаетъ ее въ языкѣ, но въ языкѣ, уже готовомъ къ этому, уже такъ или иначе образованномъ. Народъ развиваетъ свою личную народность изъ народности своего племени, и языкъ его, хотя и становящiйся постепенно выраженiемъ этой отдѣльной народности, только продолжаетъ путь, уже прежде начатый.

Digitized by Google

Путь этотъ можетъ быть имъ и не оконченъ. Языкъ не только до отдѣленія народа отъ родственныхъ народовъ, но и долго послѣ остается нарѣчіемъ другого языка; потомъ самъ дробится на нарѣчія; каждое изъ этихъ нарѣчій можетъ въ свою очередь образоваться въ отдѣльный языкъ. — Такимъ образомъ исторія языка каждаго отдѣльнаго народа есть только часть исторіи языка цѣлыхъ племенъ. Въ языкѣ каждаго отдѣльнаго народа остаются слѣды его прежнихъ судебъ: изъ его состава и строя можно увидѣть, въ какой онъ порѣ жизни, какую часть пути прошелъ онъ и что у него впереди. Все его прошедшее, хотя бы и не связанное исключительно съ судьбою его народа, какъ народа отдѣльнаго, есть его прошедшее. Не разумѣя этого прошедшаго, нельзя уразумѣть и того, что за нимъ послѣдовало. Само собою разумѣется впрочемъ, что изслѣдованіе первоначальныхъ судебъ языка какого бы то ни было народа должно быть сдержано въ тѣхъ границахъ, въ которыхъ не можетъ быть произвола для воображенія, въ которыхъ умъ изслѣдователя не нуждается въ очевидныхъ данныхъ и можетъ не смѣшивать видимое съ кажущимся. Языкъ, какъ самъ народъ, какъ всякое произведеніе природы, и безъ условій непосредственнаго сродства можетъ представлять родственныя черты сходства съ другимъ языкомъ: онѣ любопытны, онѣ важны для изслѣдователя, но какъ данныя для рѣшенія вопросовъ не генеалогіи языковъ, а ихъ природы, ихъ естественныхъ свойствъ, всѣмъ одинаково общихъ. Безграничность генеалогическихъ наведеній въ языкознаніи можетъ только мѣшать открытію истины; ихъ сдержанность уменьшитъ конечно количество выводовъ, но болѣе всего количество тѣхъ выводовъ, которые раньше или позже будутъ признаны невѣрными и не столько убѣждаютъ, сколько поражаютъ или забавляютъ. Позволю себѣ выразиться яснѣе. Языкъ, какъ и народъ, есть естественное произведеніе, удобно и правильно сравниваемое со всякимъ другимъ естественнымъ произведеніемъ. Основныя правила изслѣдованія разнообразія естественныхъ произведеній должны быть всюду общи—въ языкознаніи, какъ

Digitized by Google

напримѣръ, и въ зоологіи или въ ботаникѣ. Всѣ испытатели природы ищутъ единства въ разнообразіи и стараются подводить его подъ первообразы; но зоологу не приходитъ въ голову отыскивать рѣшеніе вопроса, какъ, напримѣръ, развились изъ своего общаго первообраза левъ, тигръ, ягуаръ, пантера, леопардъ, рысь, оцелотъ, кошка — и какой изъ этихъ родовъ древнѣе, и какой болѣе, какой менѣе утратилъ свойствъ общаго первообраза; такъ и ботанику не приходитъ въ голову добираться до отысканія общаго первообраза малины, ежевики, земляники, глога и до разъясненія судебъ, по которымъ онѣ сдѣлались такъ отличны. Такъ бы, казалось, не должно было добираться и языковѣду до первообраза языковъ той или другой отрасли, употребляя для этого въ помощь ихъ сравненіе, сравнивая языки сродные только какъ проявленіе первообраза, но не какъ порожденія его, не какъ потомство одного предка. Всякій пойметъ, какъ Греческій языкъ развился еще въ древности на нѣсколько нарѣчій и какъ изъ него же произошелъ языкъ Новогреческій, какъ отъ одного общаго предка явились нарѣчія Романскія, Германскія, Славянскія; но добираться тѣмъ же путемъ этимологіи до общаго предка языка Нѣмецкаго и Русскаго, Финскаго и Татарскаго, Санскритскаго и Славянскаго, сколько бы ни было въ нихъ чертъ сходства — едвали можно считать дѣломъ осторожной науки. Сдѣлаю еще сравненіе: языкъ, какъ даръ слова, принадлежитъ роду человѣческому столько же какъ всякое искусство, или какъ всякое знаніе, какъ, напримѣръ, письменность, театръ, медицина, ваяніе, астрономія, и еще въ своихъ связяхъ съ жизнію обществъ, гораздо менѣе общее разнымъ обществамъ, разнымъ племенамъ — и однако дознано, что, несмотря на повсюдную распространяемость знаній, каждое изъ нихъ зачиналось и развивалось много разъ независимо и сходно. Почему бы не было того же въ языкахъ? Почему племена сродныя по всему, а между прочимъ и по языку, отличались отъ другихъ менѣе сродныхъ, а не отличались между собой — по языку—только потому что сродны, а не какъ потомки языка одного народа? Священное преданіе

Digitized by Google

начинаетъ исторію рода человѣческаго разнообразіемъ языковъ: ужели отвергнуть его? Или гдѣ средства опредѣлить счетомъ это первоначальное разнообразіе? Въ вопросахъ, мною представляемыхъ, нѣтъ мысли отвергнуть этимологію; но дать ей безграничную свободу сравненій и выводовъ, внушаемыхъ близостью языковъ и качествъ ихъ строя и состава, ихъ матеріи и формы, едва ли законно. Нужно положить границу и тутъ, какъ полагается она на всякомъ пути человѣческаго ума къ отысканію первичныхъ началъ. Нельзя, мнѣ кажется, не уважать стремленій современнаго языковѣдѣнія отыскать и разъяснить родственную близость языковъ и ея различные признаки и явленія; нельзя не дорожить матеріаломъ, ими собираемымъ и разбираемымъ; но позволяю себѣ остаться при убѣжденіи, что бóльшая часть ихъ трудовъ будетъ современемъ пособіемъ для другихъ цѣлей. Одна изъ этихъ цѣлей—дознаться до основаній, по которымъ человѣческій разумъ достигалъ средствъ выраженія идей звуками, то одних и тѣхъ же, то сходныхъ, то несходныхъ. Попытки этого рода бывали очень издавна, есть онѣ и теперь, но направленіе, болѣе занимательное, заставляетъ ихъ забывать и даетъ этимологіи значеніе иногда не совсѣмъ ея достойное,—и между тѣмъ мѣшающее положительности изслѣдованій историческихъ о каждомъ языкѣ въ отдѣльности. Чѣмъ осторожнѣе опредѣлены будутъ данныя относительно, такъ сказать, предварительнаго образованія языка народа, тѣмъ съ большею отчетливостію можно будетъ приступить къ объясненію дальнѣйшихъ судебъ языка въ зависимости отъ развитія характера народа, его климатическаго и политическаго положенія, его образованности и т. п.

Такимъ образомъ, сближая съ исторіей каждаго отдѣльнаго народа исторію его языка, наблюдатель въ отношеніи къ этой послѣдней долженъ имѣть въ виду два вопроса:

— Одинъ вопросъ:—Что былъ языкъ народа въ то время, когда народъ, какъ особенный народъ, отдѣлился отъ другихъ народовъ своего племени?

— Другой вопросъ:—Какъ постепенно измѣнялся языкъ въ

Digitized by Google

народѣ, примѣняясь къ его особенному положенію, къ его личной народности, къ успѣхамъ его образованности, внѣшней и внутренней; какъ сохранялъ и распространялъ ее?

Оба вопроса суть только двѣ половины одной и той же задачи.

При ея рѣшеніи надобно обратить вниманіе: 1) на строй и на составъ языка и 2) на его измѣненія въ отношеніи къ его естественной измѣняемости и къ обстоятельствамъ внѣшнимъ, которыя имѣли вліяніе на его измѣненія въ народѣ и въ литературѣ.

Въ исторіи языка, какъ и во всякой исторіи, должно отличать явленія случайныя, одновременныя, остающіяся безъ всякихъ или по крайней мѣрѣ безъ важныхъ послѣдствій, отъ явленій, свивающихся какъ волокна въ одну нить. Слѣдить за первыми часто нѣтъ ни нужды, ни даже возможности, но тѣмъ болѣе нужно отличать значеніе вторыхъ. Къ числу первыхъ принадлежатъ временныя прихоти моды, высшаго общества, прихоти писателей и т. п. Безграмотный переводчикъ употребилъ то или другое слово или выраженіе, ту или другую форму словообразованія или словосочиненія; по случаю его переводъ остался однимъ изъ памятниковъ языка, важныхъ по древности: плоды его безграмотности—факты ли они исторіи языка? Часть общества, которому дѣла нѣтъ до стройности языка, пустила на время въ ходъ нѣсколько словъ и поговорокъ, обезображивающихъ языкъ и помыкала ими пока не наскучило: ужели это факты исторіи языка? Порывы ложнаго патріотизма или космополитизма, побуждавшіе того или другого писателя искусственно поддерживать чистоту языка или искусственно наводнять его чужимъ добромъ, порывы безъ слѣдствій: стоитъ ли ихъ считать фактами, замѣчательными въ исторіи языка? Въ общемъ ходѣ судебъ языка не все то важно, что касалось языка не всего народа, а той или другой его частички. Нельзя отвергать важности вліянія высшихъ классовъ общества [на писателей, но нельзя быть опрометчивымъ и легкомысленнымъ въ опредѣленіи степени его силы и позволять себѣ выводы для этого изъ фак-

Digitized by Google

товъ всякой цѣнности безъ разбора. Во всякомъ случаѣ судьбы языка въ народѣ и судьбы его въ письменности и въ высшемъ классѣ общества должно разсматривать какъ бы отдѣльные предметы, взаимно зависящіе, но зависящіе различно: судьбы языка въ народѣ зависятъ отъ письменности и высшей образованности въ частностяхъ, въ мелочахъ; судьбы языка литературы и высшаго класса зависятъ отъ народа въ общемъ ходѣ ихъ. Ограничивать всю исторію языка въ кругѣ одной изъ этихъ двухъ ея частей невозможно или, по крайней мѣрѣ, не должно. Разсматривая же обѣ во взаимномъ ихъ соотношеніи, нельзя будетъ не увидѣть, какъ явленіе, постоянно продолжающееся—бореніе двухъ противуположныхъ стремленій—отстать отъ старины какъ отъ пошлости и удержать старину какъ святыню. Какъ явленіе не перестающее, оно можетъ быть наблюдаемо всегда, теперь, какъ и прежде. Чтобы понять его, довольно наблюденій одного момента времени; а понявши помощію этихъ наблюденій, не трудно приложить ихъ ко всѣмъ временамъ. Сообразите требованія одного лица относительно чистоты, правильности и изящества языка—и наблюденіе сдѣлано, и вѣрная точка для направленія наблюденій всѣхъ временъ отыскана: одинъ и тотъ же скажетъ, что старинное соединеніе прошедшаго причастія на въ, въши съ временемъ настоящимъ или прошедшимъ вспомогательнаго глагола (я еще не уставши, мы были еще неужинавши) — пошлость; что ненарушеніе старины въ несклоненіи словъ иностранныхъ или вообще въ оставленіи ихъ въ ихъ иностранной формѣ (онъ не носитъ пальта; вы не увидите Марія)—пошлость; что несоблюденіе старины въ неизмѣненіи есть для всѣхъ лицъ и чиселъ—грубость, невѣжество; что несоблюденіе родовъ въ именахъ прилагательныхъ множ. (смиренныи вороныи) — невѣжество, безграмотность. Изъ такихъ примѣровъ состоитъ весь языкъ. Старину гонятъ, мертвятъ, — а она все еще живетъ; ее удерживаютъ мертвую, показываютъ какъ живую, а она предъ всѣми глазами разсыпается въ прахъ, а люди продолжаютъ увѣрять себя и другихъ, что это только такъ кажется. Кому долженъ тутъ вѣрить безпристрастный наблюда-

Digitized by Google

тель? Отгадать не трудно, какъ не трудно повѣрить, что «сильнѣющему сила, умершему покой».

А между тѣмъ этимъ борениемъ, постоянными уступками старины новизнѣ обозначается общій ходъ измѣненій языка. Считай прошедшимъ то, что удерживается силой, искусственно; считай будущимъ то, что все болѣе пробивается въ жизнь языка, хоть иногда частностями, по мелочамъ.

Но было бы странно ограничивать взглядъ на судьбы языка кругомъ наблюденій формъ языка и словъ, его составляющихъ, безъ отношенія къ словесности: слогъ и языкъ, словесная производительность и языкъ....

Какъ примѣнить этотъ общій взглядъ на исторію языка къ исторіи Русскаго языка? Я думаю, объ этомъ говорить не къ чему много. Границы времени—между столѣтіями IX и XIX; границы пространства—сосѣди Русской земли; границы сравненій и объясненій—въ однородствѣ всѣхъ Славянскихъ нарѣчій, какъ нарѣчій одного языка, и во вліяніи языковъ сосѣдей близкихъ и дальнихъ. Границы наведеній—въ родственномъ сходствѣ языковъ Индо-Европейскихъ, преимущественно Европейскихъ. Точка исхода наблюденій: чѣмъ былъ Русскій языкъ когда онъ отдѣлился отъ другихъ нарѣчій Славянскихъ, какъ отдѣльное нарѣчіе. Цѣль, ходъ: какимъ путемъ достигъ онъ современнаго состоянія въ народѣ и въ книгѣ?

Говорить ли о важности исторіи Русскаго языка такъ понимаемой? Въ отношеніи этнографическомъ—она пособіе для объясненія судебъ быта народа. Въ отношеніи литературномъ—она указатель хода литературы....

Нашей Русской наукѣ принадлежитъ рѣшеніе этой задачи въ отношеніи къ языку Русскому.

Digitized by Google

III.

Народъ Русскій есть одинъ изъ народовъ племени Славянскаго, племени, которое вмѣстѣ съ племенами Литовскимъ, Германскимъ, Кельтскимъ, Греческимъ, Романскимъ, Иранскимъ, Индійскимъ, принадлежитъ къ одной семьѣ народовъ, къ отрасли Индо-Европейской. Хотя издавна различныя племена и народы этой отрасли, разселяясь почти по всему пространству земной суши, вѣтвями своими сроднялись узами крови и образованности съ народами другихъ отраслей, до сихъ поръ однако удержали всѣ главныя черты своего родства. Всѣ языки народовъ этой отрасли, отличаясь отъ всѣхъ другихъ, поразительно сходны между собою и по составу, и по строю; всѣ они—только разнообразныя видоизмѣненія одного первообраза. Каждый народъ, отдѣляясь отъ другихъ народовъ соплеменныхъ, только продолжалъ измѣненіе языка уже начатое,—одни скорѣе, другіе медленнѣе, — одни такъ, другіе иначе, но по одному и тому же направленію. Такъ и начало Русскаго языка теряется въ глубинѣ вѣковъ давнопрошедшихъ, и его собственная, такъ сказать, личная исторія, какъ языка исключительно Русскаго народа, есть только продолженіе исторіи языка племени Славянскаго, а эта — часть исторіи языка всей отрасли Индо-Европейской.

И такъ въ исторіи Русскаго языка прежде всего долженъ быть рѣшенъ вопросъ:

— Что былъ языкъ Русскій въ то время, когда онъ только что отдѣлился—какъ мѣстная доля языка, общаго всѣмъ Славянамъ, какъ одно изъ нарѣчій Славянскихъ,—отъ другихъ нарѣчій своего племени? Что былъ онъ тогда по своему строю и составу, т. е. въ какой порѣ развитія былъ по своимъ формамъ и что выражалъ своими словами, какъ символами понятій и нравовъ, быта и обычаевъ народа?

Digitized by Google

Сколько филологи, столько же и историки, могутъ оцѣнить важность этого вопроса. Для изученія событій временъ позднѣйшихъ есть у историковъ много различныхъ матеріаловъ,— есть лѣтописи, записки современниковъ, памятники юридическіе, памятники литературы, наукъ, искусствъ, живыя преданія народа. Отъ перваго же времени жизни нашего народа не сохранилось почти ничего подобнаго, — и первыя страницы нашей исторіи остаются ненаписанными. Онѣ и останутся бѣлыми до тѣхъ поръ, пока не приметъ въ этомъ участія филологія. Она одна можетъ написать ихъ. Пусть она и не скажетъ ничего о лицахъ дѣйствующихъ, пусть обойдется въ своемъ разсказѣ и безъ собственныхъ именъ; безо всего этого она будетъ въ состояніи разсказать многое и обо многомъ. Она передастъ быль первоначальной жизни народа, его нравовъ и обычаевъ, его внутренней связи и связей съ другими народами—тѣми самыми словами, которыми выражалъ ее самъ народъ,—передастъ тѣмъ вѣрнѣе и подробнѣе, чѣмъ глубже проникнетъ въ смыслъ языка, въ его соотношеніе съ народной жизнію, и проникнетъ тѣмъ глубже, чѣмъ большими средствами будетъ пользоваться при сравненіи языковъ и нарѣчій сродныхъ. Она не можетъ отказаться отъ возстановленія древнѣйшаго первобытнаго Русскаго языка во всемъ его строѣ и составѣ, со всѣми его формами и словами—если не со всѣми безъ исключенія, то по крайней мѣрѣ со всѣми главными. Объ этомъ думать могутъ ученые не какъ о мечтѣ, не какъ о забавѣ, за которою привольно отдыхать воображенію, утомленному мелочными изысканіями, а какъ о прямомъ своемъ долгѣ. Выполнить его окончательно, безъ сомнѣнія, будетъ не по силамъ одного человѣка, и не одинъ изъ ученыхъ, отъ недостатка силы соображенія и знанія всего того, что слѣдуетъ сообразить, можетъ обмануть и себя и другихъ увлекательной невѣрностью своихъ выводовъ; но тернистый путь ошибокъ, вольныхъ и невольныхъ, долженъ привести наконецъ къ желанной и уже видной цѣли, и раньше или позже филологія наша, съ отчетливой правдивостью науки, покажетъ, какъ и что выражали наши древніе предки на языкѣ своемъ...

Digitized by Google

Вспомогательныя изысканія только что начаты ею; но начаты такъ разнообразно и при такомъ счастливомъ стеченіи обстоятельствъ, что и теперь можно видѣть, къ какимъ главнымъ выводамъ приведутъ они.

Позволяя себѣ остановиться на главныхъ чертахъ древняго первобытнаго Русскаго языка, я ограничиваюсь на этотъ разъ немногими общими замѣчаніями о его состояніи въ то время, когда уже онъ отдѣлился отъ другихъ Славянскихъ нарѣчій, сдѣлавшись исключительнымъ достояніемъ Русскаго народа.

Языкъ Русскій этого времени, въ отношеніи къ своему строю, былъ при исходѣ развитія своихъ первобытныхъ формъ, уже начавъ періодъ ихъ превращеній. Это выражалось и въ правильной системѣ звуковъ, и въ богатомъ разнообразіи формъ словообразованія и словоизмѣненія, и въ опредѣленномъ различіи формъ словосочетанія. По своему составу онъ былъ уже богатъ какъ языкъ народа осѣдлаго, земледѣльческаго и до нѣкоторой степени промышленнаго, народа съ развитыми понятіями о бытѣ семейномъ и общинномъ, приготовленнаго къ соединенію въ одно цѣлое, народа съ разнообразными понятіями о природѣ и человѣкѣ и съ вѣрованіями, хотя и закрытыми пеленой суевѣрій, но оживленными мыслію о единомъ Богѣ и безсмертіи духа. Внутреннюю силу языка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и народа, доказываетъ между прочимъ то, что другіе Славяне, жившіе вмѣстѣ съ Русскими, каковы были, кромѣ другихъ, переселенцы Польскіе, роду Ляшскаго, Радимичи и Вятичи, поселясь между Русскими, хотя и сохраняли нѣкоторое время свою независимость, но подъ конецъ должны были отказаться отъ нея, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ особенностей своего говора, и, перенявши отъ Русскихъ ихъ языкъ, не передали своего Русскимъ.

Вникая въ подробности строя древняго Русскаго языка, не можемъ не замѣтить въ немъ чертъ, дающихъ ему право на особенное вниманіе филологіи.

Между звуками гласными отличались рѣзко широкіе и тонкіе, чистые или полные и глухіе. Защищая мнѣніе, что гласныхъ

глухихъ (ъ и ь) не было никогда въ языкѣ Русскомъ, не было какъ настоящихъ гласныхъ, а не какъ знаковъ, показывающихъ значеніе предъидущихъ согласныхъ, едва ли можно его подтвердить какими-нибудь основательными доказательствами. Доказательства же мнѣнія противнаго представляются не только въ памятникахъ Русскихъ, но и въ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ. Они есть и были и въ другихъ языкахъ. Гласные глухіе относятся къ гласнымъ чистымъ, какъ краткіе къ долгимъ. Въ памятникахъ Русскихъ даже позднѣйшаго времени, напр. XIII—XIV вѣка, они стоятъ часто такъ правильно на мѣстахъ своихъ, что не можетъ быть никакого сомнѣнія, что употреблявшіе ихъ понимали особенность ихъ значенія. Въ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, напр. въ Болгарскомъ, Сербскомъ, Хорутанскомъ, Словацкомъ, Чешскомъ, они придаютъ особенный характеръ звучности даже и до сихъ поръ. Нельзя никакъ, съ другой стороны, допустить предположенія, что глухіе гласные звуки не были древней, коренной принадлежностью звучности языка всѣхъ Славянъ, а явились уже въ слѣдствіе измѣненія его строя. Такое предположеніе опровергается тѣмъ, что, присматриваясь къ правильности соотвѣтствія гласныхъ глухихъ съ гласными чистыми, въ каждомъ изъ нарѣчій Славянскихъ, отдѣльно и во всѣхъ вмѣстѣ, нельзя не видѣть, что въ нихъ не глухіе произошли изъ чистыхъ, а, напротивъ, большею частью чистые изъ глухихъ, и что отъ этого одинъ и тотъ же глухой звукъ измѣнялся, сообразно съ мѣстными требованіями звучности, въ различные чистые; напр. вмѣсто древняго тръгъ стали говорить торг, тарг, терг, вмѣсто срьпъ— сєрп, серп, сарп, вмѣсто длъгъ—долг, доуг, дуг, длуг, вмѣсто влъкъ—волк, воук, вук, вильк, вмѣсто дьнь—дєнь, ден, дан, дзєнь, джєнь и пр. Не во всѣхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ одинаково употребленіе гласныхъ глухихъ по времени уменьшалось: нѣкоторыя нарѣчія, напр. Болгарское и Хорутанское, хотя и высказали до нѣкоторой степени стремленіе замѣнять глухіе чистыми, но, съ другой стороны, еще болѣе высказали стремленіе противоположное замѣнять гласные чистые глухими;

Digitized by Google

впрочемъ это пристрастіе къ гласнымъ глухимъ нельзя не разсматривать какъ явленіе мѣстное и позднѣйшее, недоказывающее ни мало новости происхожденія глухихъ звуковъ. Можетъ быть, глухіе гласные звуки и не всегда были въ языкѣ Славянскомъ глухими; но это, кажется, трудно доказать фактами Славянскаго языка, а тѣмъ менѣе Русскаго. Сравнивая съ сродными языками, ъ уравнивается часто съ у и о, а ь съ и и е: этимъ ясно доказывается только то, что ъ и ь сохранили правильно свои мѣста—ъ въ слогахъ твердыхъ, а ь въ мягкихъ.— Что касается до гласныхъ носовыхъ (ж и ѧ), то хотя ихъ выговоръ и утратился, вѣроятно, съ самаго начала отдѣленія Русскаго языка отъ другихъ Славянскихъ нарѣчій, но сознаніе ихъ коренного значенія, отличнаго отъ значенія тѣхъ гласныхъ чистыхъ (у и а), звуки которыхъ они приняли, оставалось еще долго: и въ новомъ своемъ видѣ они сохранили свою характеристическую особенность превращаться въ согласные м и н (напр. дути—дъму, жати—жьну).—Къ числу особенностей древней звучности Русскаго языка нельзя не причислить стремленія къ перемѣнѣ коренного е въ о въ началѣ словъ (одинъ, осетьръ, олень, Ольга и пр.), и къ перемѣнѣ ѣ и а, послѣ р и л, при соединеніи съ другой согласной, въ два о или два е (берегъ, серебро, молоко, молоти, ворогъ, норовъ, голова, золото и пр.) *). Какъ быстро проникло въ языкъ это стремленіе, рѣшить трудно; можно впрочемъ думать, что, хотя оно и обнаружилось съ рѣшительною силой при началѣ отдѣленія Русскаго языка отъ другихъ нарѣчій, однако не разомъ разошлось по всему составу языка, и потому-то могло не тронуть нѣкоторыхъ корней, оставивши ихъ при прежнемъ, общемъ Славянскомъ ихъ произношеніи (блѣдьнъ, плѣсти, плѣшь, слѣпъ, слѣдъ, хлѣбъ, хлѣвъ, брѣдъ, брѣсти, грѣхъ, дрѣмати, крѣпъкъ, стрѣла, стрѣмя, трѣпати, трѣбуха, хрѣнъ, грань, гладъкъ, класти, красти, платъ, плакати, страхъ, трава, трата, и пр.).— Гласные звуки долгіе и короткіе не смѣ-

*) Ср. Гр. κλαμβός и κολοβός.

Digitized by Google

шивались одни съ другими, оттѣняя смыслъ рѣчи тѣ и другіе отдѣльно по своему, и долгота гласнаго звука отличалась отъ ударенія, съ которымъ смѣшалась въ послѣдствіи: это можно заключить отчасти по тѣмъ примѣрамъ удвоенія гласныхъ, которые встрѣчаются въ памятникахъ даже позднѣйшаго времени, отчасти по самому нынѣшнему выговору простого народа, въ которомъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ довольно строго наблюдается различіе между долготой ударенія и долготой безъ ударенія, всего же болѣе по сравненію Славянскихъ нарѣчій въ ихъ прежнемъ, древнемъ видѣ и въ нынѣшнемъ *).—Звуки согласные, соподчиняясь съ гласными, удерживали правильно свою твердость и столь же правильно смягчались. Древняя переходная смягчаемость (г въ ж и з, к въ ч и ц, х въ ш и с, д въ ж, т въ ч, з въ ж, ц въ ч, с въ ш, и т. д.) не была смѣшиваема со смягчаемостью непосредственною (ръ въ рь, лъ въ ль, дъ въ дь, съ въ сь и т. п.); послѣдняя, не замѣняя первой, не распространялась внѣ своихъ коренныхъ предѣловъ: отъ этого г, к, х не могли, при соединеніи съ ы, измѣнять ы въ и, и пр. **).

---

*) Здѣсь же мѣсто вниманію къ ъ и ь какъ къ гласнымъ краткимъ, противоположнымъ съ долгими.

ъ=о, ы: з҆вати, зовъ, призывати; н҆рѣти, нора, ныряти; сълати солъ, сылати.

ъ=ы, ȣ, ѫ: глъбъкъ, глыба, глѫбина; гъбнѫти, гыбнѫти, гȣбити; дъхнѫти, дыхати, дȣхъ, дѫти; нърѣти, нырıати, нȣрити; рыдѣти, рыжь, рȣдо.

ъ=а: влъна, влати; влъгъкъ, влага.

ь=е, и: б҆рати, берȣ, забирати; сь, сеи, сикъ.

ь=и, ѣ, ѧ: в҆рѣти, вирати, виръ; ж҆дати, жидати; съньмъ, имȣ; ньзȣ, низати; врьгȣ, врѣчи; гльбнȣти, глѣбати; сльпнȣти, слѣпити; жрьдь, града.

ь=а: жьрѣти, жарити; мрьзнȣти, мразъ: смрьдѣти, смрадъ.

**) Соотношеніе между д и жд, т и шт представляетъ въ нарѣчіяхъ Русскихъ особенныя обстоятельства:

1) т и д, смягчаясь сами по себѣ, дѣлаются тш и дж (=ж); дж сохранилось въ Южно-Русскомъ: вожджь, дожджь (=жч).

2) т соединяясь съ ж, ц, ч, превращается въ ч: беречь=берегти, сѣчь=сѣкти (сѣчься=сѣктися), (однако дрождjи).

3) т, соед. съ с, превращается въ щ: роща, овощь.

Digitized by Google

Многія изъ условій этой древней правильности теперь уже утрачены, но не всѣ и не вездѣ, болѣе всего въ склоненіи, и эти остатки вмѣстѣ съ данными, представляющимися въ памятникахъ письменности Русской, и въ другихъ нарѣчіяхъ Славянскихъ, достаточно убѣждають, что подвижность согласныхъ звуковъ была въ древнемъ Русскомъ языкѣ столь же сильна, какъ и въ Старославянскомъ, и въ большей части случаевъ одна и та же. Можемъ ли мы проникнуть въ древній выговоръ Русскій? Можемъ—при помощи сравнительнаго изученія народныхъ мѣстныхъ нарѣчій, хотя бы даже и нашего времени, имѣя при этомъ въ виду и другія Славянскія нарѣчія. Возьмемъ одинъ примѣръ, одинъ изъ тѣхъ, которые касаются самыхъ важныхъ чертъ выговора: отдѣленіе слоговъ твердыхъ и мягкихъ теперь всюду смѣшалось. Великорус. е и и требуютъ постояно смягченія, а въ Малорос. почти постоянно тверды. Такъ, Мр. землёю=Вр. землёю=Др. землѥю; Мр. отцꙗ=Вр. отца=Др. отцꙗ. Мр. днэвати или днёвати=Вр. днѥвать=Др. днѥвати; Мр. дневатъи=Вр. днѥватъи; но ти въ соединеніи съ ж, ч измѣняется въ ч, слѣд. ти мягкій слогъ: слѣд.= Древ. тъи (Поль. ći); Вр. кое-гдѣ на концѣ глагольныхъ окончаній тъ, въ другихъ краяхъ ть=Мр. ть=Бр. ць=Поль. ць=Дрв. ть (будеть, ходять).

— Подчиняясь условіямъ выраженія оттѣнковъ понятій, корни древняго Русскаго языка и сами по себѣ видоизмѣнялись, и легко принимали многообразныя формы словообразованія и словоизмѣненія.—Такъ, между прочимъ, въ именахъ существительныхъ и прилагательныхъ, въ причастіяхъ и мѣстоименіяхъ строго соблюдались—и законъ наращенія, и законъ опредѣляемости: слова наращаемыя и опредѣленныя разнились въ образованіи и въ измѣненіяхъ своихъ отъ ненаращаемыхъ и неопредѣленныхъ. Съ существительными мужескаго и женскаго рода на ы (рѣмы, любы), мужескаго и средняго на а=ꙗ (Старослав. ѧ напр. рамѧ, сѣмѧ, телѧ), средняго на о (напр. тѣло, небо), женскаго на и (мати, дъчи), принимавшими наращеніе въ косвенныхъ падежахъ, были въ соотвѣтствіи на-

Digitized by Google

ращаемыя прилагательныя сравнительной степени мужескаго рода (свѧтѣи, болѥ) и причастія (веды=веда, велѧ=Старослав. велѧ), принимавшія наращеніе и въ косвенныхъ падежахъ мужескаго рода, и во всѣхъ падежахъ женскаго и средняго (имен. жен. будучи, велѧчи, ведъши, имен. средн. будуче, велѧче, ведъше). Прилагательныя и причастія неопредѣленныя удерживали склоненіе существительное (чистъ, чиста, чисту, чистомь, чистѣ—веды=веда, ведуча, ведучу и пр.), между тѣмъ какъ опредѣленныя имѣли свое особенное (чистыи, чистаaго=чистого, чистууму=чистомꙋ, чистыимь=чистымь, чистѣемь=чистѣмь,—ведыи, ведучаaго и пр.), а мѣстоименія свое отдѣльное (тъ, того, тому, тѣмь, томь и пр.).—Рѣзко отличались три рода и три числа, и хотя не всѣ три принимали особенныя окончанія для каждаго изъ семи падежей склоненія, но три главные падежа даже въ двойственномъ числѣ были различны.—Въ глаголахъ отдѣлялись правильно три вида, три залога, три наклоненія, три времени, три лица, три числа.—Наклоненіе неопредѣленное не потеряло еще своей неизмѣняемости и употреблялось въ двухъ особенныхъ формахъ: прямой и достигательной (на и и на ъ или ь: нести—нестъ, печи—печь).—Время настоящее простое употреблялось и въ значеніи будущаго, какъ и во всѣхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ *). Отдѣлялись два прошедшихъ простыхъ: совершенное и преходящее (на хъ и на ахъ: велѣхъ и велѧахъ); и при томъ время прошедшее совершенное выражалось двумя отдѣльными формами (напр. обрѣхъ, рѣхъ—обретохъ, рекохъ).—Времена сложныя

*) Шафарикъ (Čas. Čes. Mus. 1847. 167 и слѣд.) предположилъ, что была и особенная форма будущаго: измишѫ (tabescam) - отъ мити, минѫти, обрьснѫ (tondam)—отъ брити, tondere, пласнѫ (ardebo)—будто бы отъ плати. Впрочемъ примѣровъ найдено мало, и тѣ еще ничего положительно не доказываютъ: обрьснѫ съ обрьснѫти (ср. брисати), пласнѫ съ пласнѫти суть глаголы вида совершеннаго, для котораго настоящее есть будущее.

Миклошичь (Formenlehre 73) прибавляетъ: измишѫ (tabescam), отъ ми, въскопыснѫ (calcitrabo) отъ коп, тъкыснѫ (tangam) отъ тък, бѣгаснѫ (curso) отъ бѣг.

Digitized by Google

были очень разнообразны не только для оттѣненія понятій залога страдательнаго, но также и для дѣйствительнаго и средняго, особенно для выраженія условности и соотношенія дѣйствій (напр. видꙗи ѥсмь, видꙗи бѣхъ, видѣлъ ѥсмь, видѣлъ бѣхъ, видѣлъ быхъ, видѣлъ буду, видѣти буду, видѣти хочу, видѣти имамъ=иму, и пр.) и для безличныхъ формъ (напр. бѣ видѣти). —Особенными окончаніями отдѣлялись лица: между прочимъ 3-е лице всегда почти удерживало при себѣ мѣстоименное окончаніе т (напр. виѥть, виѥта, виють—витъ, виста, виша(ть)—виꙗшеть, виꙗста, виꙗхуть) *).

— Богатство, разнообразіе и опредѣленность словоизмѣненія отражались въ складѣ рѣчи богатствомъ, разнообразіемъ и опредѣленностью формъ словосочетанія. Для каждаго изъ трехъ главныхъ сочетаній словъ—прямаго, вопросительнаго и относительнаго—были свои отдѣльныя условія расположенія словъ. Многообразію формъ словосочетанія помогали между прочимъ времена сложныя, формы возвратнаго глагола вмѣсто страдательныхъ (напр. слышиться вмѣсто слышимъ ѥсть), дательный самостоятельный причастный (напр. дьню бывъшю, грозѣ будучи), винительный причастный (напр. менꙗшать ѥго умрьша), самостоятельное неопредѣленное наклоненіе въ смыслѣ повелительномъ и условномъ (напр. дати ѥму вмѣсто даи ѥму, дати ѥму не даи, говорити не говори). Особенную опредѣленность выраженіямъ придавало употребленіе падежей, изъ которыхъ ни одинъ не требовалъ передъ собою предлога непремѣнно, и между тѣмъ каждый могъ съ нимъ соединяться: понятіе принадлежности выражалось родительнымъ и дательнымъ

---

*) ть въ 3-мъ лицѣ прош. сов.: Изверже его изъ землѣ Ростовьскы, отъиметь отъ него умъ (Лавр. л. 1169 г.). Такъ же читать кажется надобно: Изъ негоже озера (Ильмеря) потечеть Волховъ и вътечеть... внидеть...

Възяша градъ Кыѥвъ... а кого доидеть рука, цьрньця ли цьрницѣ ли, попъ ли, попадье ли, а ты ведоша въ поганꙗ. Новг. I. л. 1203 г. Изыма дворяне и посадника оковаша, а товары ихъ кого рука доидеть. т. ж. 1210 г.

Digitized by Google

(рабъ господа, кънязь Кыеву), орудіе—родительнымъ, дательнымъ, творительнымъ (плѣнъ духа, бысть чуду, кльнеться небомь), время—винительнымъ, творительнымъ, предложнымъ (зимусь, зимою, зимѣ), мѣсто—дательнымъ и предложнымъ (идеть Кыеву,—бысть Кыевѣ) и пр.

Если сравнить древній Русскій языкъ, въ отношеніи къ строю, съ другими Славянскими нарѣчіями въ ихъ древнемъ видѣ, то нельзя не замѣтить, что онъ въ первобытномъ своемъ состояніи ближе всего подходилъ къ нарѣчію Старославянскому и вмѣстѣ съ нимъ всего болѣе сохранялъ черты первообразнаго общаго Славянскаго строя. Онъ даже превосходилъ его до нѣкоторой степени въ этомъ отношеніи: уступалъ ему, а вмѣстѣ съ нимъ Хорутанскому и Польскому, въ отличеніи гласныхъ носовыхъ, но вѣрнѣе сохранялъ непосредственное смягченіе согласныхъ (р, л, с и другихъ), употребленіе мѣстоименнаго окончанія ть для означенія третьяго лица въ спряженіи и т. д.

Почти всѣ выводы о строѣ древняго языка Русскаго не иначе возможны, какъ на основаніи наблюденій надъ памятниками X — XIV вѣка и еще болѣе поздними памятниками, въ которыхъ языкъ представляется уже въ большей или меньшей степени уклонившимся отъ первоначальнаго своего положенія, и которые при томъ отпечатлѣли на себѣ, одни менѣе, другіе болѣе, черты вліянія языка Старославянскаго, а чрезъ него и Греческаго. Не должно забывать при этомъ, что нѣкоторые изъ нихъ писаны людьми не Русскими, даже не Славянами, людьми, которые худо знали по-Русски, худо понимали требованія языка Славянскаго, мало заботились о томъ, какъ бы избѣгать ошибокъ въ своихъ выраженіяхъ. Въ такихъ памятникахъ нельзя пользоваться одинаково всѣмъ, для опредѣленія особенностей языка даже и того времени, когда они писаны, не только времени прежняго и еще болѣе отъ насъ отдаленнаго. Тѣмъ не менѣе странно было бы отвергать возможность ими пользоваться, и всѣ выводы изъ нихъ о древнемъ Русскомъ языкѣ считать сомнительными. Русскихъ памятниковъ X—XIV вѣка,

Digitized by Google

даже не прилагая къ нимъ болѣе позднихъ, довольно для того, чтобы правильно судить о языкѣ Русскомъ этого времени, отличать въ нихъ элементъ Старославянскій отъ чисто Русскаго, не смѣшивать описокъ вольныхъ и невольныхъ съ тѣмъ, что правильно, и при сличеніи элементовъ, одного съ другимъ, видѣть, что, не смотря на ихъ отличія, было между ними и много общаго, гораздо болѣе общаго, чѣмъ между языкомъ Старославянскимъ и нынѣшнимъ языкомъ Русскимъ. Отдѣливши изъ языка этихъ памятниковъ все то, что не могло принадлежать языку Русскому, и попалось въ нихъ или по вліянію Старославянскаго или по ошибкѣ, не трудно будетъ замѣтить, что Русскій языкъ X—XIV вѣка, точно такъ же какъ и другія Славянскія нарѣчія этого времени, былъ въ состояніи переходномъ. Древнее мѣшалось въ немъ съ новымъ; формы древнія и новыя употреблялись безразлично, — новыя формы, какъ выраженіе того направленія, которое языкъ долженъ былъ принять въ послѣдствіи, а древнія, какъ голосъ еще неумершаго прошедшаго. Отличать древнія формы отъ новыхъ также не трудно, если только не опускать изъ виду общаго хода измѣненія языка, понимать ходъ измѣненій другихъ родственныхъ языковъ и нарѣчій, и, не отказываясь отъ сравненій всего, что можетъ и должно быть сравниваемо, помощію методы сравнительной присматриваться въ памятникахъ къ тѣмъ отрывочнымъ остаткамъ древности, которые, какъ ни кажутся незначительны каждый въ отдѣльности, сближенные между собою, почти всегда очень важны для объясненія условій характера древняго языка. Если же только древнія формы языка отличены отъ новыхъ, и поняты общія качества языка, оставшіяся въ немъ, не смотря на всѣ его измѣненія, неизмѣнными, то остается ихъ систематизировать, — и если весь трудъ веденъ съ должной осторожностью, то и общіе выводы наблюдателя о древнемъ языкѣ не могутъ подлежать сомнѣнію. Наблюдатель можетъ, безъ сомнѣнія, надѣлать въ выводахъ ошибокъ своей невнимательностію при разборѣ фактовъ, своимъ незнаніемъ того, что должно знать, слабостью соображенія; но это его

Digitized by Google

личная вина, которую поправятъ другіе, а не вина методы, имъ употребленной для рѣшенія вопроса.

Всего болѣе можетъ мѣшать увѣренность, при которой позволяютъ себѣ оставаться многіе, что языкъ Русскій, при переходѣ отъ древняго своего состоянія къ новому, измѣнялся въ словахъ и слогѣ болѣе чѣмъ въ формахъ, и что въ древнихъ памятникахъ нашихъ формы языка, отличныя отъ нынѣшнихъ, чуть ли не всѣ взяты книжниками изъ Старославянскаго, а въ народѣ никогда не были. При такой увѣренности невозможно дойти до уразумѣнія Русскаго языка не только въ его древнѣйшемъ первобытномъ видѣ, но и ни въ одномъ изъ тѣхъ періодовъ, которые пережилъ языкъ Русскій послѣ. Сравнительное изученіе Славянскихъ нарѣчій, подкрѣпленное разумѣніемъ сходства и сродства, въ характеристическихъ чертахъ и въ измѣненіяхъ языковъ Индо-Европейскихъ вообще, одно можетъ побѣдить эту неосновательную увѣренность и помочь глядѣть на прошедшія судьбы Русскаго языка не какъ на призракъ воображенія. Особенно поучительны для Русскаго филолога памятники Чешскіе, Хорватскіе и Сербскіе XIII—XIV в., какъ памятники нарѣчій, до сихъ поръ живущихъ и уже однако во многомъ противъ прежняго измѣнившихся: изъ нихъ ясно видно, что̀ значитъ смѣшеніе формъ древнихъ и новыхъ и постепенное угасаніе первыхъ. Сравните формы этихъ памятниковъ съ формами памятниковъ позднѣйшихъ,—и увидите, какъ наконецъ многія древнія формы совершенно угасли, и какъ въ слѣдствіе этого языкъ получилъ новый видъ, хотя большая часть словъ и осталась та же, а въ произведеніяхъ переводныхъ, напримѣръ въ книгахъ Св. Писанія, остался тотъ же и слогъ. Такое переходное состояніе было и въ языкѣ Русскомъ, и выразило себя рѣзко, кажется, въ то же время какъ и въ западныхъ нарѣчіяхъ Славянскихъ—въ XIII—XIV вѣкѣ. Чѣмъ болѣе будутъ изучаемы памятники Русскіе этого времени и прежняго, тѣмъ яснѣе будетъ понятъ языкъ Русскій въ его древнѣйшемъ состояніи.

Digitized by Google

IV.

Другой вопросъ исторіи Русскаго языка:

— Какъ языкъ Русскій измѣнялся съ тѣхъ поръ, какъ народъ Русскій занялъ свое отдѣльное мѣсто между народами Европы? Какимъ путемъ достигъ своего нынѣшняго положенія подъ вліяніемъ своебытной дѣятельности духа Русскаго народа и подъ вліяніемъ обстоятельствъ внѣшнихъ?

Желая остановиться на нѣкоторыхъ подробностяхъ этого вопроса, позволяю себѣ предварительно сказать нѣсколько словъ объ измѣненіи границъ Русскаго языка и о необходимости разсматривать въ исторіи Русскаго языка отдѣльно языкъ народа и языкъ книжный.

Границы Русскаго языка измѣнялись постепенно. Не тѣ онѣ были въ древности, что нынѣ. Съ одной стороны онѣ раздвигались все далѣе на востокѣ; съ другой, отодвинулись отъ запада къ востоку.

Граница пространства, которое занимали Славяне Русскіе издревле, сколько можно судить по соображенію отрывочныхъ данныхъ, на сѣверѣ шла по украинѣ бассейна сѣверныхъ Чудскихъ озеръ, такъ что въ ней были берега Пейпуса и Волхова и озера Ладожскаго; на востокѣ — по Тверцѣ она спускалась къ Волгѣ, а по Москвѣ рѣкѣ къ Окѣ, потомъ отъ истоковъ Дона внизъ по Дону къ Соснѣ, мимо вершинъ Оскола къ Донцу и по Орѣли къ Днѣпру и степямъ; на югѣ — касаясь этихъ дикихъ полей, тянулась она къ устью Буга, а за Бугомъ по Черноморскому побережью къ устью Дуная; на западѣ—отъ Дуная поднималась она по Серету къ Бескидамъ, перегибалась по южнымъ скатамъ хребта ихъ къ верховьямъ водъ Тисы и по сѣвернымъ скатамъ къ верхнему Дунайцу, далѣе черезъ восточныя верховья водоската Вислы къ среднему Нѣмню и черезъ Вилью и Двину къ озерамъ. Тутъ на сѣверо-западѣ Славяне Русскіе сосѣдили съ народомъ Литовскимъ и съ по-

Digitized by Google

морскими колоніями корсаровъ Балтійскихъ; на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ съ Чудью; на востокѣ и юго-востокѣ съ народами Турецко-Татарской крови; на югѣ отчасти съ ними же, отчасти съ поселеніями Грековъ и Румуновъ; на западѣ Русскіе примыкали къ соплеменникамъ своимъ, Славянамъ западнымъ. Нельзя сказать, чтобы въ этихъ границахъ все народонаселеніе было исключительно Русское: колоніи чужеродцевъ не только у границъ, но кое-гдѣ и въ серединѣ земель были, можетъ быть, и довольно значительны; равнымъ образомъ были и колоніи западныхъ Славянъ, подобныя поселеніямъ Радимичей и Вятичей, происходившихъ изъ Ляшскаго рода. Тѣмъ не менѣе главная масса была Русская, которой части отличались болѣе мѣстными нравами, обычаями, степенью образованности, чѣмъ строемъ и составомъ языка. Съ другой стороны, нельзя сказать, чтобы только въ этихъ границахъ и былъ заключенъ весь народъ Русскій: его колоніи издревле выходили изъ этихъ границъ и на востокѣ и на западѣ. Къ такимъ колоніямъ Русскимъ на востокѣ должно, кажется, причислить Славянское народонаселеніе Болгарскаго Поволжья и Черноморья Тмутараканскаго. На западѣ колоніи Русскія были въ земляхъ Литовскихъ и Польскихъ, между Словаками въ горахъ Карпатскихъ, въ Венгріи, Трансильваніи, Валахіи, въ Болгаріи, Ѳракіи, Македоніи, Албаніи, Элладѣ. Впрочемъ на западѣ не только не удержались эти колоніи, но и пограничныя части народа Русскаго, смѣшиваясь съ народонаселеніемъ не-Русскимъ, отодвигали, въ продолженіе періода удѣловъ, народную границу Русскую на востокъ и на сѣверъ. Сильно было и вліяніе Литовцевъ, Венгровъ, Поляковъ, Румуновъ и вліяніе степныхъ Ордынцевъ. Уже послѣ періода удѣловъ и еще болѣе съ XVI—XVII вѣка границы языка Русскаго на западѣ, преимущественно на юго-западѣ стали опять раздвигаться и наконецъ дошли до береговъ Чернаго моря и Дуная. На сѣверо-востокѣ и юго-востокѣ, хотя нѣкоторыя колоніи и были въ древнее время задавлены наплывомъ чужеродцевъ, но за то позже новыя колоніи промышленниковъ Русскихъ все болѣе увеличивались, все болѣе стѣсняли

Digitized by Google

жилья прежнихъ обитателей, распространяли между ними знаніе Русскаго языка, въ замѣнъ ихъ природнаго, достигли морей Бѣлаго и Каспійскаго и хребта Урала, и потомъ перешли въ Азію. Исторія довольно подробно написала на своихъ страницахъ это и дальнѣйшее распространеніе Русскаго языка вмѣстѣ съ ходомъ развитія политическаго могущества Россіи. И кому не извѣстно, какъ то, что дѣлалось прежде безсознательно торговымъ духомъ купцовъ Новогородскихъ и воинскимъ духомъ ватагъ казацкихъ, получило новый характеръ, силу и прочность съ тѣхъ поръ, какъ разселеніемъ Русскихъ и распространеніемъ Русскаго языка на востокѣ стало управлять правительство Русское, употребляя Русскій языкъ какъ орудіе просвѣщенія и образованности. Нельзя при этомъ не замѣтить, что не смотря на разнородныя сближенія Русскаго языка съ иноплеменными, въ очень немногихъ пограничныхъ краяхъ образовались тѣ смѣшанные говоры, въ которыхъ оба языка смѣшивающіеся одинаково тратятъ самостоятельность своего строя *). Несравненно болѣе примѣровъ тому, что и Русскіе переселенцы, при сближеніи съ инородцами, и инородцы, сближавшіеся съ Русскими, только обогащали свой природный языкъ словами для выраженія понятій и предметовъ, прежде для нихъ чуждыхъ, и что за этимъ слѣдовало почти постоянно то, что инородцы принимали Русскій языкъ, только примѣняя его къ своему выговору.

Какъ бы то ни было, исторія Русскаго языка, слѣдя за географическимъ измѣненіемъ его пространства, при обозрѣніи его измѣненій, не можетъ не отдѣлять языка собственно народнаго отъ языка книгъ и людей, образуемыхъ книгами.

Исторія многихъ народовъ запада и востока представляетъ разительные примѣры силы обстоятельствъ, заставлявшихъ вѣру, законъ, науку и искусство чуждаться общенародности выраженія своихъ положеній, узаконять для себя языкъ, совершенно непонятный народу, и книгу, существующую для жизни, оста-

*) Кяхтинское нарѣчіе.

Digitized by Google

ваться хоть и подлѣ, но внѣ народной жизни. Такъ было на востокѣ Браминскомъ, Буддійскомъ, Магометанскомъ; такъ было и на Латинскомъ западѣ, гдѣ слѣды этого остаются еще и до сихъ поръ. У насъ было не такъ. Русскій народъ, сколько ни испытывалъ волненій въ бытѣ политическомъ, всегда однако твердо удерживалъ свою самобытность, никогда не поддавался насильственному господству другихъ народовъ, никогда не подчинялъ своего языка игу другихъ языковъ, никогда не былъ принужденъ признавать языка, чужого своему смыслу, орудіемъ вѣры, закона и литературы. Въ христіанствѣ православномъ, прежде чѣмъ Русскій народъ сдѣлался его причастникомъ, уже поднятъ былъ вопросъ о выраженіи его вѣчно-живыхъ истинъ живымъ народнымъ словомъ. Вѣроятно не слишкомъ долго спустя послѣ Готѳовъ, и Славяне стали пытаться передавать на своемъ языкѣ мѣста изъ книгъ св. Писанія и молитвы. Славяне юго-западные могли начать эти попытки въ VI—VII вѣкахъ, если не ранѣе, Славяне сѣверо-западные и восточные въ IX. О Русскомъ переводчикѣ Евангелія и Псалтыря сохранилось преданіе, какъ о современникѣ первоучителей Славянскихъ, братьевъ Константина и Меѳодія, совершившемъ свой подвигъ прежде, чѣмъ начали свой подвигъ для Славянъ эти святые братья; Чешскія глоссы къ Латинскому тексту Евангелія Іоанна также современны Константину и Меѳодію. Подобныя попытки Славянъ переводить Слово вѣры на свой языкъ не могли не содѣйствовать водворенію мысли о народности богослуженія, такъ удачно защищенной братьями первоучителями передъ своими Латинскими противниками,—и когда Русскій народъ обратился къ христіанству, онъ нашелъ уже всѣ книги, необходимыя для богослуженія и для поученія въ вѣрѣ, на нарѣчіи, отличавшемся отъ его народнаго нарѣчія очень немногимъ. Книги эти послужили основаніемъ письменности Русской: она пошла по пути, указанному ими, удерживая постоянно въ близкомъ сродствѣ языкъ свой съ языкомъ народа.

Не смотря впрочемъ на то, что многое, по видимому, содѣйствовало постоянной близости книгъ и народа, въ языкѣ

Digitized by Google

Русскомъ постепенно отдѣлились одинъ отъ другого, какъ два нарѣчія, языкъ книжный и языкъ простонародный. Главная причина этого отдѣленія заключалась въ необходимой неподвижности языка, освященнаго Церковью: какимъ бы измѣненіямъ ни долженъ былъ подвергнуться языкъ народа, языкъ книгъ богослужебныхъ долженъ былъ оставаться тѣмъ же самымъ, чѣмъ былъ сначала; самъ народъ, чѣмъ болѣе крѣпъ въ вѣрѣ и благочестіи, тѣмъ болѣе почиталъ этотъ языкъ, и, сохраняя его особенности, сколько могъ понимать ихъ, нарушалъ ихъ въ пользу своего народнаго только безсознательно. Скорѣе могли быть допущены въ этотъ священный языкъ заимствованія изъ чужихъ языковъ, не нарушавшія важности его, чѣмъ заимствованія изъ языка обыденнаго, болѣе богатаго жизнью, но за то и болѣе связаннаго съ мелочами жизни. Наука, оставаясь подъ покровомъ вѣры, также должна была держаться языка принятаго вѣрой, и по мѣрѣ того какъ нуждалась въ выраженіи своихъ положеній, развивала этотъ языкъ, не заботясь о томъ, что тѣмъ удаляла его все болѣе отъ языка народнаго. А между тѣмъ, въ слѣдствіе связей съ западомъ, вліяніе иноземное на вкусъ и понятія высшихъ классовъ вообще и особенно людей, въ рукахъ которыхъ была письменность, возрастало все болѣе и все сильнѣе отражалось на языкѣ книгъ и образованнаго общества: языкъ этотъ умножалъ свой составъ массами словъ, болѣе чуждыхъ для народа по звукамъ и значенію, чѣмъ самыя понятія, которыя выражаемы были ими; а вслѣдъ за словами принималъ въ себя и обороты, и формы общаго склада рѣчи, столько же чуждыя обычаю народному.—Съ другой стороны языкъ народный самъ подчинялся обстоятельствамъ, удалявшимъ его отъ прежней близости съ языкомъ книгъ. Подчиненный внутреннему закону измѣняемости, онъ шелъ все далѣе по пути измѣненій въ своемъ составѣ и строѣ. Вліяніе тѣхъ народовъ, съ которыми вступалъ онъ въ связи въ разныхъ краяхъ своего пространства, отражалось на немъ такъ же сильно и разнообразно, какъ вліяніе чуженародной образованности на языкѣ книжномъ. Причины внутреннія и внѣшнія дробили языкъ народа на мѣстные

Digitized by Google

говоры и нарѣчія. Такъ съ теченіемъ времени должны были языкъ книгъ и языкъ народа отдѣлиться одинъ отъ другого довольно рѣзкими особенностями,—и только въ слѣдствіе иныхъ благопріятныхъ причинъ могли они опять сблизиться хотя до нѣкоторой степени въ одно цѣлое.—Такимъ образомъ исторія Русскаго языка представляется связью нѣсколькихъ исторій отдѣльныхъ, и двѣ главныя изъ нихъ — исторія языка простонароднаго и исторія языка книжнаго, литературнаго. На ту и на другую филологъ долженъ обращать вниманіе отдѣльно, и такъ какъ жизнь языка въ книгѣ возможна только потому, что есть или была жизнь языка въ народѣ, то исторію народнаго языка онъ долженъ изучать прежде и даже болѣе, чѣмъ исторію языка книжнаго.

V.

Доказывая, что народный языкъ Русскій теперь уже далеко не тотъ, что былъ въ древности, довольно обратить вниманіе на его мѣстные оттѣнки, на нарѣчія и говоры, въ которыхъ его строй и составъ представляются въ такомъ многообразномъ развитіи, какое конечно никто не станетъ предполагать возможнымъ для языка древняго, точно такъ же, какъ никто не станетъ защищать, что и нарѣчія Славянскія и всѣ сродные языки Европы всегда различались одни отъ другихъ на столько, на сколько различаются теперь. Давни, но не испоконны черты, отдѣляющія одно отъ другого нарѣчія сѣверное и южное—Великорусское и Малорусское; не столь уже давни черты, разрознившія на сѣверѣ нарѣчія восточнос — собственно Великорусское и западное — Бѣлорусское, а на югѣ нарѣчія восточное—собственно Малорусское и западное—Русинское, Карпатское; еще новѣе черты отличія говоровъ мѣстныхъ, на которые развилось каждое изъ нарѣчій Русскихъ. Конечно всѣ эти нарѣчія и говоры остаются до сихъ поръ только оттѣнками одного и того же нарѣчія и ни мало не нарушаютъ своимъ несходствомъ единства Русскаго языка и народа. Ихъ несходство вовсе

Digitized by Google

не такъ велико, какъ можетъ показаться тому, кто не обращалъ вниманія на разнообразіе мѣстныхъ говоровъ въ другихъ языкахъ и нарѣчіяхъ, напр. въ языкѣ Итальянскомъ, Французскомъ, Англійскомъ, Нѣмецкомъ, въ нарѣчіи Хорутанскомъ, Словацкомъ, Сербо-Лужицкомъ, Польскомъ. Очевидно, что хотя мѣстныя обстоятельства и имѣли свое вліяніе на Русскій языкъ, но, сравнительно, вовсе не столь рѣзкое и сильное какъ въ другихъ языкахъ. Все это правда; тѣмъ не менѣе правда и то, что мѣстныя обстоятельства дѣйствовали и на измѣненія Русскаго языка, что не каждое изъ его мѣстныхъ нарѣчій и говоровъ одинаково сохранило то, что въ немъ было прежде, что всякое нарѣчіе къ тому, что было прежде, прибавило свое новое, что̀ только въ немъ одномъ и есть. У каждаго нарѣчія была своя собственная судьба, болѣе или менѣе отличная отъ судьбы другихъ. Каждое нарѣчіе отличилось отъ другихъ не только особенными сло̀вами и выраженіями, но и формами образованія, измѣненія и сочетанія словъ, болѣе всего впрочемъ выговоромъ, и каждый говоръ отъ другихъ близкихъ почти исключительно однимъ выговоромъ.

Нарѣчіе Великорусское отдѣлилось отъ Малорусскаго болѣе всего необходимою смягчаемостью согласныхъ при ихъ сліяніи съ гласными тонкими и неудержаніемъ кореннаго выговора гласныхъ, неопредѣляемыхъ удареніемъ. Въ слѣдствіе необходимости смягчать согласныя передъ гласными тонкими буквы г, к, х потеряли свое природное свойство оставаться постоянно твердыми: ы послѣ нихъ стало невозможно. Въ слѣдствіе неудержанія кореннаго выговора гласныхъ, на которыхъ нѣтъ силы ударенія, е безъ ударенія выговаривается то какъ а, то какъ и, въ обоихъ случаяхъ удерживая передъ собою согласную мягкую, о безъ ударенія выговаривается во многихъ мѣстахъ какъ а, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже какъ у. Къ этому прибавить еще должно, что переходная смягчаемость согласныхъ при измѣненіи словъ во многихъ случаяхъ и во многихъ мѣстахъ пропала тамъ, гдѣ бы ее можно было ожидать (р ѣ к ѣ вмѣсто р ѣ ц ѣ), р о г и вмѣсто р о з и, б ѣ г и т ь вмѣсто б ѣ ж и т ь и т. п.

Digitized by Google

Вмѣстѣ съ тѣмъ она появилась тамъ, гдѣ прежде выговоръ народный могъ обойтись и безъ нея: хотя и не на всемъ пространствѣ нарѣчія, однако во многихъ мѣстахъ вмѣсто дь и ть стали выговаривать дзь и ць (говорицъ вмѣсто говорить, радзѣць вмѣсто радѣть и т. п.). Это «цвяканье», какъ обыкновенно говорится въ народѣ, считаютъ исключительно особенностью говора Бѣлорусскаго, и столь важною, что по одной ей дали говору Бѣлорусскому названіе особеннаго нарѣчія, въ слѣдствіе чего и дѣлятъ народный Русскій языкъ на три главныхъ нарѣчія, а не на два. Но «цвяканье» можно слышать не въ однихъ западныхъ краяхъ Великорусскаго нарѣчія: на востокѣ, по Окѣ и далѣе къ Волгѣ оно также въ обычаѣ, и, придавая собою звучности рѣчи какую-то рѣзкость, отмѣчается народомъ къ нему непривычнымъ, какъ что-то отвратительное или по крайней мѣрѣ смѣшное. Къ этой особенности говора Бѣлорусскаго прибавляютъ въ дополненіе нѣсколько другихъ, какъ напр. перемѣшиваніе у и в, выговоръ г какъ h, и т. п.; но все это можно слышать въ разныхъ мѣстныхъ говорахъ Великорусскихъ. Вообще до сихъ поръ не отмѣчено въ Бѣлорусскомъ говорѣ ни одной такой черты, которая бы не повторилась хотя гдѣ нибудь въ Великой Руси. Вотъ почему, кажется, гораздо правильнѣе Бѣлорусскій говоръ считать мѣстнымъ говоромъ Великорусскаго нарѣчія, а не отдѣльнымъ нарѣчіемъ. Въ Бѣлорусскомъ есть, конечно, много особенныхъ словъ, непонятныхъ каждому Великоруссу; но и всякій другой говоръ богатъ ими.

Нарѣчіе Малорусское отдѣлилось отъ Великорусскаго преимущественно сжатостью выговора согласныхъ твердыхъ и переходомъ разныхъ гласныхъ широкихъ изъ коренного звука въ другой. Въ слѣдствіе сжатости выговора согласныхъ твердыхъ, нѣкоторые изъ нихъ утратили свой полный звукъ: такъ между прочимъ л твердый или переходитъ въ у полугласное (говориу, поуный), или выговаривается какъ западное l. Отъ сжатости же согласныхъ произошла и утрата ы, которое смѣшалось съ и (мило и мыло, лисъ и лысъ выговариваются одинаково).

Digitized by Google

Что касается до перехода гласных широких изъ коренного звука въ другой, то въ этомъ отношеніи болѣе всего замѣчательна буква о: на востокѣ она переходитъ въ и, смягчающее предъидущую согласную, не только коренную, но и призвучную, а на западѣ чаще въ у, кое-гдѣ не смягчающее и большею частью смягчающее согласную (вмѣсто богъ говорятъ биг, буг, (буиг), бјуг, вмѣсто отъ—вид, вуд, вјуд, вмѣсто овца—вивця, вувця, вјувця и т. п.). Переходъ о въ и повторился еще только въ одномъ нарѣчіи Славянскомъ, въ нарѣчіи уже исчезнувшемъ Славянъ Эльбскихъ Люнебургскихъ. Въ числѣ важныхъ особенностей Малороссійскаго нарѣчія ставятъ и выговоръ ѣ какъ и; но это повторяется и въ говорахъ Великорусскихъ. Гораздо важнѣе то, что Малоруссы сохранили несравненно болѣе чѣмъ Великоруссы переходную смягчаемость согласныхъ (бережи—береги, на рици—на рѣкѣ, на порози—на порогѣ и т. п.), не перемѣнили ы и и на о и е въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ этимъ,—хотя и не всегда,—отличили отъ Старославянскаго свой выговоръ Великоруссы (крыти—крыю, крый, а не крою, крой,—мыти—мыю, мый, а не мою, мой,—лити—лій, а не лей,—вити—вій, а не вей,—хромый, а не хромой,—кый, а не кой,—сій, а не сей). Также очень важно сохраненіе нѣкоторыхъ формъ измѣненія словъ, напр. особеннаго окончанія звательнаго падежа (сестронько, козаче, братику), будущаго сложнаго съ помощью глагола иму-имешь (напр. знат-иму, знат-имешь, знат-иметь—буду знать) и т. п. Мѣстные говоры Малорусскіе такъ же разнообразны какъ и Великорусскіе, и болѣе другихъ замѣчательны своими особенностями говоры западные—въ Черниговской губерніи, въ Галиціи и въ Венгріи, преимущественно говоры горцевъ Бескидскихъ. Тамъ, гдѣ сблизилось Малорусское нарѣчіе съ говоромъ Бѣлорусскимъ, образовались особенные смѣшанные говоры; это явленіе повторилось отчасти и на другихъ границахъ Великорусскаго нарѣчія, напр. въ губерніи Воронежской. То же самое нельзя не замѣтить и на западныхъ границахъ нарѣчія Малорусскаго въ Венгріи: тамъ сближеніе Малороссовъ со Слова-

Digitized by Google

ками породило нѣсколько говоровъ Словацко-Русскихъ и Русско-Словацкихъ.

Довольно обратить вниманіе на мѣстныя видоизмѣненія Русскаго языка, чтобы указать, что народный Русскій языкъ теперь уже далеко не тотъ, что былъ въ древности, довольно, если бы даже и не было возможности узнать ни одного факта касательно древняго Русскаго языка. Но однимъ изученіемъ нынѣшняго разнообразія мѣстныхъ нарѣчій и говоровъ не можетъ ограничиться филологъ, если у него въ виду объяснить исторически ходъ измѣненій Русскаго языка въ народѣ. Вмѣстѣ съ постепеннымъ развитіемъ языка на мѣстныя нарѣчія шло и его общее постепенное удаленіе отъ первоначальнаго его вида на всемъ его пространствѣ. Идя путемъ превращеній, онъ всюду терялъ, хотя и не всюду въ одно и то же время, свои древнія формы и слова, и вмѣсто ветшающихъ принималъ новыя, хотя и не всюду совершенно однѣ и тѣ же, но всюду сходныя, и въ этомъ ходѣ превращеній зависѣлъ не отъ мѣстныхъ причинъ, подъ вліяніемъ которыхъ отчасти образовывались нарѣчія, а отъ общихъ законовъ измѣняемости языковъ. На каждомъ изъ нарѣчій отпечатлѣлся общій ходъ измѣненій языка, но только отчасти, и такъ, что многое, что было въ языкѣ прежде, не сохранилось ни въ одномъ изъ нихъ.

Въ измѣненіяхъ своихъ Русскій языкъ шелъ тѣмъ самымъ путемъ, которымъ шли и всѣ остальныя Славянскія нарѣчія. Почти все, что было въ немъ прежде, было и въ нихъ; многое, что по времени терялъ и вновь пріобрѣталъ онъ, теряли и вновь пріобрѣтали также и они. Всѣ нарѣчія Славянскія чѣмъ болѣе измѣнялись, тѣмъ болѣе удалялись одни отъ другихъ, и взаимное удаленіе ихъ во многомъ зависѣло отъ разновременности и разнохарактерности ихъ удаленія отъ первоначальнаго вида подъ вліяніемъ причинъ мѣстныхъ; тѣмъ не менѣе ходъ измѣненій въ его главныхъ чертахъ и условіяхъ былъ одинъ и тотъ же, и только примѣнялся къ обстоятельствамъ мѣстнымъ.

Digitized by Google

Такъ измѣненія звучности языка представляютъ между прочимъ слѣдующіе факты:

— Измѣнялась постепенно вся система звуковъ гласныхъ:—одни изъ нихъ—именно носовые ж и ѧ, глухіе ъ и ь, широкое ы—постепенно выходили изъ употребленія, прежде ограничивали кругъ своего значенія, потомъ и совершенно пропадали; другіе звуки—именно двугласные и средніе—являлись вновь, все болѣе умножаясь числомъ и расширяя кругъ значенія. Удаленіе гласныхъ звуковъ отъ первоначальнаго своего значенія выразилось переходомъ ихъ однихъ въ другіе, превращеніемъ въ согласные, выпущеніемъ изъ словъ и приставкою къ словамъ, гдѣ ихъ требуетъ не смыслъ, а понятіе народа о гармоніи или нужда облегчить выговоръ слова. Кромѣ всего этого, звуки гласные долгіе тратили свой характеръ, смѣшивались съ ударенными; ударенія тоже теряли свое прежнее значеніе, подчиняясь условіямъ внѣшнимъ, независимымъ отъ значенія слова.

Вотъ нѣсколько частныхъ замѣчаній объ этихъ измѣненіяхъ въ системѣ звуковъ гласныхъ:

«Гласные звуки долгіе и короткіе, съ удареніемъ и безъ ударенія слышны во всѣхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, но вовсе не съ одинаковымъ значеніемъ. Въ нарѣчіяхъ югозападныхъ, равно и въ Чешскомъ и Словацкомъ долгота отличается отъ ударенія, и гласные долгіе выговариваются вдвое длиннѣе противъ гласныхъ короткихъ; въ одномъ словѣ можетъ быть на одной изъ гласныхъ долгота, а на другой удареніе; въ нѣкоторыхъ словахъ слышны только долгіе звуки, въ другихъ только короткіе; въ нѣкоторыхъ долгота соединена съ удареніемъ на одномъ слогѣ, и всюду, гдѣ употребляется, употребляется какъ необходимость. Въ нарѣчіяхъ Польскомъ, Лужицкомъ, Полабскомъ долгота уже не необходимость, а только украшеніе, совершенно произвольное, такъ сказать риторическое, принадлежащее почти исключительно слогамъ, обозначеннымъ удареніемъ, и зависящее въ употребленіи отъ воли говорящаго, а не отъ требованій звучности языка.—Равнымъ

Digitized by Google

образомъ и удареніе не во всѣхъ нарѣчіяхъ одинаково сохранило давній свой характеръ. Съ корней ихъ стали переносить въ словахъ на слоги прибавочные, и наконецъ, подчинивши ихъ внѣшнимъ условіямъ образованія словъ, оставили ихъ неподвижно на опредѣленномъ мѣстѣ во всѣхъ словахъ одинаково, вовсе безъ отношенія къ составнымъ частямъ и формамъ образованія словъ. Такъ въ нарѣчіяхъ югозападныхъ большая часть словъ удерживаютъ удареніе на предпослѣднемъ или на первомъ слогѣ; въ нарѣчіи Польскомъ удареніе на предпослѣднемъ слогѣ сдѣлалось необходимостью; въ нарѣчіи Лужицкомъ слова двусложныя и трехсложныя удерживаютъ удареніе на первомъ слогѣ, а слова, состоящія болѣе чѣмъ изъ трехъ слоговъ—на третьемъ отъ конца; въ Чешскомъ однимъ кажется необходимостью обозначать удареніемъ первый слогъ слова, другимъ произносить слова вовсе безъ ударенія.—Въ Русскомъ для ударенія нѣтъ опредѣленнаго мѣста, и дознаться до правилъ употребленія ударенія очень трудно: слоги и первые, и послѣдніе, и средніе, коренные и придаточные, и тѣ, на которыхъ была, и на которыхъ не была въ древности долгота, одинаково могутъ быть обозначаемы удареніемъ. Повидимому много произвола должно было замѣшаться въ употребленіе ударенiй; тѣмъ не менѣе на всемъ пространствѣ Русскаго языка большая часть словъ произносятся въ отношеніи къ ударенію одинаково. Равно и долгота слоговъ во всемъ Русскомъ народѣ одинаково сдѣлалась принадлежностью риторики народной, независимой отъ строя языка.

«Звуки носовые уцѣлѣли теперь только въ Польскомъ и то уже не во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ бы можно было ихъ ожидать: полный, ясный выговоръ ихъ сталъ зависѣть отъ ихъ положенія въ словѣ, и число словъ, въ которыхъ они перестаютъ быть слышны, все болѣе увеличивается: такъ въ концѣ словъ (są, idą, ręką, mię, mrę), и передъ окончательнымъ ł (wziął, dął) они выговариваются глухо, въ иныхъ краяхъ безъ всякого оттѣнка носового продолженія; такъ нѣкоторыя производныя слова отъ корней съ носовымъ звукомъ остаются безъ

него (gusła, nudzić, piekrzyć, sobota, trud). Еще въ большей степени нарушено было правильное употребленіе носовыхъ звуковъ въ нарѣчіи Балтійскихъ Славянъ. Въ другихъ нарѣчіяхъ остались они только въ нѣкоторыхъ словахъ: такъ въ Хорутанскомъ въ Каринтіи, въ Болгарскомъ въ Македоніи и т. д. Въ большей части нарѣчій мѣсто носовыхъ заняли чистые или глухой ъ: въ Сербскомъ у и е, въ Хорутанскомъ о и е, въ Чешскомъ у, а, е, и, въ Болгарскомъ а, у, е, ъ.—Въ Русскомъ носовыхъ звуковъ не было, кажется, уже при самомъ началѣ его отдѣленія отъ нарѣчій западныхъ: широкій носовой звукъ ж замѣненъ въ немъ посредствомъ у (судъ, рука, беру, воду, водою, т. е. водоју), а тонкій ѧ посредствомъ а, смягчающаго предъидущую согласную (мѧсо=мѩсо, имѧ=имѩ, летѧтъ = летѩтъ), иногда посредствомъ и и е: землѧ= земле=земли, своѩ=своки=своее=своей.

«Смѣшеніе ж и ѧ (у и а) произвело формы въ родѣ слѣдующихъ: держутъ=держатъ, садютъ=садятъ, стôютъ= стôятъ. Письменный языкъ силится удержать а (я), а общій выговоръ все болѣе настаиваетъ на перемѣнѣ а (я) въ у (ю).

«Звуки глухіе хотя еще и сохраняются, слившись въ одинъ (ъ), въ Сербскомъ, Чешскомъ, Словацкомъ, но только въ тѣхъ словахъ, гдѣ ихъ выговору помогаютъ р и л, и то не вездѣ съ одинаковою силой. Въ Хорутанскомъ и Болгарскомъ глухой гласный ъ слышенъ несравненно чаще, и не вездѣ тамъ, гдѣ бы его можно было ожидать, но и на мѣстѣ другихъ гласныхъ звуковъ: Болгарское нарѣчіе замѣняетъ имъ носовые звуки; Хорутанское—всѣ гласные безъ исключенія, доводя это пристрастіе къ глухому звуку въ нѣкоторыхъ краяхъ до такой крайности, что въ иныхъ выраженіяхъ нѣтъ вовсе никакихъ гласныхъ кромѣ глухого ъ. (Вотъ для примѣра поговорка: Къ съм вързв вът въргъ, съм съ търдъ търн въ пърст вдърл; пишутъ ее впрочемъ иначе: Ko sim vèrv v' vèrt vèrgel, sim si tèrdi tèrn v' pèrst vdèrl, но нигдѣ и никогда такъ не выговаривая, какъ пишется). Во всѣхъ другихъ нарѣчіяхъ его нѣтъ: въ Хорватскомъ мѣсто его заняли е, у,

Digitized by Google

въ Лужицкомъ о, е, въ Полабскомъ о, е, а, въ Польскомъ о, е, а, у, и. И въ Чешскомъ вездѣ, гдѣ нѣтъ подлѣ ъ ни р, ни л, онъ выговаривается какъ е или у, въ Словацкомъ какъ о, е, у, а, въ Сербскомъ какъ а. Равно и въ Болгарскомъ мѣсто ъ заступаетъ нерѣдко о, е, а, а въ Хорутанскомъ о, е. Во всѣхъ нарѣчіяхъ, кромѣ этого, есть обычай совершенно опускать глухой гласный звукъ, ничѣмъ его не замѣняя: болѣе другихъ замѣчательно въ этомъ отношеніи нарѣчіе Польское, въ которомъ это опущеніе возможно и тамъ, гдѣ бы, казалось, ему должно было помѣшать стеченіе согласныхъ (brwi, brzmienie, grzmi, drwa, drzwi, trwoga).—Въ Русскомъ глухіе гласные звуки оставались долго: ихъ употребляли довольно правильно еще и въ XIV вѣкѣ; хотя впрочемъ и въ памятникахъ XIII вѣка и даже болѣе раннихъ есть уже ясные слѣды уклоненія отъ нихъ выговора народнаго. Въ послѣдствіи времени они совершенно пропали, будучи или замѣнены чистыми гласными о и е, или же совершенно выпавши изъ выговора (листокъ—листка, палка—палокъ, левъ—льва, тьма—темъ). Правописаніе удерживаетъ буквы ъ и ь, но дало имъ совершенно другой характеръ, характеръ не звуковъ, отдѣльно выговариваемыхъ, а знаковъ, показывающихъ, какъ должна быть произнесена предъидущая согласная, твердо или мягко. Выговариваніе глухого звука ъ въ нѣкоторыхъ словахъ (гмъ, бръ, чъла-екъ вмѣсто человѣкъ [срав. древнее Ст. Слав. ч'ловѣкъ], гътъ вмѣсто говоритъ) безъ сомнѣнія замѣчательно, какъ остатокъ старины, но такихъ словъ очень не много. Нельзя также опускать изъ виду, что въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ говорахъ Русскихъ, такъ какъ и въ нарѣчіи Хорутанскомъ, обнаруживается стремленіе замѣнять глухимъ звукомъ всѣ гласные, если на нихъ нѣтъ ударенія; впрочемъ это стремленіе не получило еще, кажется, нигдѣ характера постояннаго обычая, такъ что одинъ и тотъ же человѣкъ въ томъ же словѣ произнесетъ и звукъ глухой и гласный чистый.

«Широкое ы остается на западѣ въ общенародномъ выговорѣ только въ нарѣчіи Польскомъ и отчасти Лужицкомъ. Въ

Digitized by Google

другихъ западно-Славянскихъ краяхъ его можно слышать только въ немногихъ мѣстныхъ говорахъ—болѣе всего въ долинахъ между горъ, гдѣ народъ упрямѣе удерживаетъ свой старинный бытъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и старинный языкъ и выговоръ. Чехи правильно отличали ы отъ и въ XV и даже въ XVI вѣкѣ; теперь же хотя и удерживаютъ его въ правописанiи, но этому должны учиться такъ же, какъ учимся мы правильному употребленiю буквы ѣ. Долгое ы они выговариваютъ какъ еи (беити, меилити вмѣсто быти, мылити); но этимъ однако не отличилось у нихъ ы отъ и, которое тоже иногда обращается въ двугласное еи, напр. зеима=зима. Сербы правильно употребляли ы, не смѣшивая съ и въ XIII и XIV вѣкѣ; и теперь еще они стыдятся выбросить его изъ азбуки, но вовсе не понимаютъ его значенiя, и пишутъ гдѣ случится, очень часто не впопадъ.— Русскiе равнымъ образомъ уже не всѣ сохранили ы: его удержали Великоруссы и отчасти западные Малоруссы въ горахъ Карпатскихъ; но Бѣлоруссы тратятъ все болѣе, а восточные Малоруссы утратили совершенно, выговаривая безразлично ы и и, не смягчающее предъидущей согласной, какъ замѣчено было прежде. Впрочемъ и Великоруссы, сохранивши звукъ ы въ выговорѣ, не удержали его вездѣ, гдѣ было оно въ древности: очень издавна, по крайней мѣрѣ съ XIII—XIV вѣка, мѣсто его стало заступать о въ прилагательныхъ муж. р. имен. пад. (великой вмѣсто великый), въ настоящемъ и повелительномъ глаголовъ на ы-ти (кры-ти—крою, крой).

«Появленiе двугласныхъ довольно давне: слѣды ихъ есть въ Чешскихъ памятникахъ XIII—XIV вѣка и въ Хорутанскихъ памятникахъ XV вѣка. Теперь двугласные слышны уже во многихъ нарѣчiяхъ: въ Чешскомъ есть оу, еи, въ Словацкомъ оу, уо, ои, въ Лужицкомъ ие, въ Хорутанскомъ оу, оа, уо, уе, еи, въ Сербскомъ иjе. Вездѣ они занимаютъ мѣсто гласныхъ чистыхъ и носовыхъ долгихъ. — Въ Великорусскомъ двугласные вообще не обычны (кромѣ такихъ случаевъ какъ ае въ словѣ чъласкъ), впрочемъ не вездѣ одинаково: въ сѣверныхъ краяхъ слышно уо вмѣсто о; въ Малорусскомъ на западѣ они уже

Digitized by Google

стали необходимостью: уи, уа замѣняютъ мѣсто долгаго о (вмѣсто конь говорятъ куинь, куань).

«Гласные средніе, въ лѣствицѣ звуковъ занимающіе середины между гласными чистыми, сдѣлались также необходимостью нѣкоторыхъ мѣстныхъ говоровъ въ разныхъ нарѣчіяхъ. Между ними болѣе другихъ замѣтны по употребленію: å, занимающее середину между а и о, слышно въ Хорутанскомъ; ô, среднее между о и у—въ Хорутанскомъ, Лужицкомъ, Словацкомъ и Польскомъ; ä, среднее между а и е—въ Хорватскомъ, Хорутанскомъ; ö, среднее между о и е—тамъ же; ÿ, среднее между у и и—въ Хорутанскомъ, Словацкомъ; ė, среднее между е и и—въ Польскомъ и пр.—Употребленіе этихъ среднихъ звуковъ уже проникло и въ говоры Русскіе: въ Великорусскомъ на югѣ слышны å и ä, на сѣверѣ ô; въ Малорусскомъ ä, ė; и др.

«Изъ другихъ гласныхъ звуковъ ранѣе прочихъ подверглась удаленію отъ первоначальнаго звука буква ѣ. Переходъ ѣ въ а и въ и замѣтенъ въ древнѣйшихъ памятникахъ Славянскихъ и теперь повторяется во многихъ нарѣчіяхъ: въ и болѣе всего въ Сербскомъ у Римско-Католиковъ и въ Чешскомъ всегда, когда оно должно выговариваться протяженно (бида, вира); въ а болѣе всего въ Польскомъ (biada, wiara). Кромѣ того въ Сербскомъ оно выговаривается какъ ије (сриједа, мијесто), въ Хорутанскомъ какъ еи (среида, меисто).—Замѣненіе ѣ посредствомъ и обычно и въ Русскомъ во всѣхъ краяхъ (дитя=дѣтя, дира=дѣра); во многихъ краяхъ на сѣверѣ въ Великорусскомъ и вездѣ въ Малорусскомъ оно сдѣлалось необходимою принадлежностью выговора. Замѣненіе ѣ посредствомъ а не такъ часто, однако встрѣчается не только теперь въ говорѣ народа Великорусскаго, но и въ древнихъ памятникахъ.

«Звукъ а перешелъ теперь въ Чешскомъ въ е во всѣхъ случаяхъ, когда соединенъ въ одинъ слогъ съ предъидущею согласною мягкою (душе, праце вмѣсто душа, праца), а иногда даже и безъ этого условія (напр. тейни вмѣсто тайный, ней вмѣсто

Digitized by Google

най и т. п.). То же повторилось и въ западномъ Малорусскомъ (конѥ, рѥб вмѣсто коня, рябъ).

«Звукъ е довольно часто замѣняется въ Лужицкомъ посредствомъ а (вѩцор вмѣсто вечеръ, ѩден вмѣсто ѥдинъ), въ Лужицкомъ и Чешскомъ посредствомъ долгаго и (хвалени́ вмѣсто хваленје), въ Польскомъ посредствомъ о (wiodę, biorę вмѣсто ведѫ, берѫ).—Всѣ эти три формы удаленія е отъ коренного звука повторились и въ Русскомъ. Мѣсто е заступаетъ а или и съ предъидущей согласной мягкой не только въ Великорусскомъ восточномъ и западномъ (Бѣлорусскомъ), если на немъ нѣтъ ударенія, (вѩлик, лѩгкó, нѩсу вмѣсто великъ, легко, несу; хочишь, будишь, минѩ, вмѣсто хочешь, будешь, меня), но отчасти и въ Малорусскомъ (шчастѩ, здоровлѩ, вмѣсто счастье, здоровье,—вечир, симь вмѣсто вечеръ, семь). Мѣсто е въ Великорусскомъ, хотя и не во всѣхъ говорахъ, заступаетъ о почти всегда, когда на немъ должно опираться удареніе слова (лјон, идјот, вечор, самъ-сјом вмѣсто ленъ=льнъ, идетъ, вечеръ, самъ-семъ), а иногда и безъ этого условія. Этотъ послѣдній случай повторяется чаще въ Малорусскомъ (јого, јому, чого, чому, ѥго, ѥму, вмѣсто чего, чему).

«Есть случаи перехода и въ е въ Болгарскомъ (прерода, стотена вмѣсто природа, стотина), въ еј въ Чешскомъ (зејма, сејто вмѣсто зима, сито).—Несравненно послѣдовательнѣе, какъ важная особенность нарѣчія Великорусскаго, представляется переходъ и въ е въ нарѣчіи Великорусскомъ, будучи необходимъ въ именительномъ падежѣ существительныхъ и прилагательныхъ мужескаго рода, и въ повелительномъ глаголовъ, если вслѣдъ за и будетъ й (соловей, сей, чей, нижней, вмѣсто соловій, сій, чій, нижній,—вей, вейте вмѣсто вій, війте, какъ удержалось всюду въ нарѣчіи Малорусскомъ). Въ Великорусскомъ остатокъ и вмѣсто е виденъ въ глаголѣ гнить: повел. гнійте, а не гнейте, какъ пейте, лейте, вейте. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ и совершенно пропало: въ существительныхъ женскаго и средняго рода, въ неопредѣленномъ наклоненіи, во 2-мъ лицѣ

Digitized by Google

настоящаго времени (напр. мать, дочь вмѣсто мати, дъчи, веселье вмѣсто веселиѥ, быть вмѣсто быти, ходишь вмѣсто ходиши), хотя и не до такой степени, какъ кажется: народъ не только въ Малороссіи, но и въ очень многихъ краяхъ Великороссіи удерживаетъ и въ неопредѣленномъ наклоненіи (быти, ходити), равно и въ словѣ мати и т. п.

«Звукъ у перешелъ въ Чешскомъ послѣ всякой согласной мягкой въ и (ıитро, либ, чити вмѣсто ıутро, лıуб, чıути), въ Хорутанскомъ на сѣверовостокѣ въ ӱ (=французское u, напр. крӱг, глӱп вмѣсто кругъ, глупъ). Всякое долгое у превратилось въ Чешскомъ въ двугласное о͡у (ло͡уч, о͡удоли́ вмѣсто лучь, удолје). Передъ согласными во многихъ нарѣчіяхъ у стало выговариваться какъ в (вже вмѣсто уже)—Въ Русскомъ повторяется то же (завтра вмѣсто заутра, вже вмѣсто уже и т. п.).

«Звукъ о переходитъ въ â въ Хорутанскомъ (аче, панижьн, вмѣсто отьче, понижьнъ). Въ Чешскомъ, Польскомъ, Лужицкомъ всякое долгое о перешло въ у (кура, двур, буг вмѣсто кора, дворъ, богъ); то же замѣтно и въ Хорутанскомъ Нижнекраинскомъ (нуч, сирута вмѣсто ночь, сирота), въ Болгарскомъ (голему чуду вмѣсто големо чудо). Въ Полабскомъ вмѣсто долгаго о употребляется и (нис, сливи вмѣсто носъ, слово). Въ Хорутанскомъ долгое о перешло кое-гдѣ въ уо, такъ же какъ и въ Словацкомъ (буог, двуор, куора) или въ оа (боаг, двоар, коара), а въ Польскомъ Кашубскомъ въ уе (буег, нуеч).— Почти всѣ эти формы замѣненія коренного о другими звуками повторились и въ Русскомъ языкѣ. Такъ въ южномъ Великорусскомъ и въ Бѣлорусскомъ о безъ ударенія перешло въ â (гâлâва, хâрâшо); въ Малорусскомъ западномъ, за Карпатами, о долгое перешло въ у (буг, рудный, вмѣсто богъ, родный: ср. Великорусское черемуха вмѣсто черемоха=черемха, муравей вмѣсто моровей); въ Малорусскомъ восточномъ и въ нѣкоторыхъ краяхъ западнаго о долгое перешло въ и, смягчающее предъидущую согласную (биг, пид, рид, кинь вмѣсто богъ, подъ, родъ, конь), а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ у͡и и въ у͡о (бу͡иг=бу͡аг, ку͡инь=ку͡ань).

Digitized by Google

— Въ системѣ звуковъ согласныхъ происходили подобныя превращенія: одни изъ согласныхъ пропадали, другіе вновь появлялись, пропадали болѣе согласные простые, появлялись вновь согласные сложные и средніе; терялось равновѣсіе между согласными твердыми и мягкими; въ употребленіи согласныхъ мягкихъ смѣшивались взаимно двѣ различныя формы смягченія—смягченіе непосредственное (дъ въ дь) и посредственное (дъ въ ждь=ж=з); нѣкоторые изъ согласныхъ (в, н, л, j, г), стали употребляться какъ евфоническія придыханія къ гласнымъ все чаще. Вотъ нѣсколько подробностей объ этихъ измѣненіяхъ въ системѣ согласныхъ:

«Согласныхъ простыхъ—г (g), г' (h), к, х, ж, ш, з, с, д, т, р, л, н, м, б, п, в, ф — ни одно изъ нарѣчій Славянскихъ не удержало всѣхъ сполна, такъ какъ это должно было быть прежде. Звукъ ф, хотя и слышится во многихъ нарѣчіяхъ, но ни въ одномъ его нѣтъ въ коренныхъ словахъ: вмѣсто его видимъ в, б, п (сравните: ferveo—вру, faba—бобъ, fodio—боду, ferio—перу, flamme—пламя, faust—песть и пр.). Случайное удержаніе ф въ очень немногихъ корняхъ (напр. Польское ufać) есть исключеніе. Звукъ ф слышится только какъ отзвукъ звука в тамъ, гдѣ в не можетъ быть произнесено (напр. всяк по неволѣ выговаривается какъ фсяк, ровъ какъ роф, лавка какъ лафка). Ни въ одномъ нарѣчіи не удержалось правильнаго различенія г (g) и г' (h); напротивъ того въ однихъ нарѣчіяхъ, какъ въ Польскомъ, нижнемъ Лужицкомъ, во всѣхъ югозападныхъ господствуетъ г (g), а въ другихъ, какъ въ Чешскомъ, Словацкомъ, верхнемъ Лужицкомъ—г' (h). Во многихъ нарѣчіяхъ Славянскихъ совершенно пропалъ чистый твердый звукъ лъ и чистый мягкій ль.—Въ Русскомъ слышится г и г', но въ немногихъ говорахъ одно при другомъ, а большею частію преобладаетъ одно изъ двухъ: въ большей части говоровъ Великорусскихъ г, въ Малорусскомъ нарѣчіи г'. Исторію этой пары звуковъ въ Русскомъ языкѣ прослѣдить очень трудно, потому что азбука никогда не отличала ихъ. Что касается до западныхъ Славянскихъ нарѣчій, то болѣе другихъ замѣча-

Digitized by Google

тельные факты представляются въ нарѣчіяхъ верхнемъ Лужицкомъ и Чешскомъ: въ первомъ господствуетъ теперь г', между тѣмъ въ собственныхъ именахъ мѣстностей сосѣдніе Нѣмцы издавна писали и теперь выговариваютъ г; во второмъ г теперь остается въ немногихъ словахъ, а древнѣйшіе памятники (Судъ Любуши и Евангеліе Іоанна IX—X вѣка) не представляютъ ни одного h, но постоянно g. Изъ этого можно бы заключить, что г древнѣе чѣмъ г'; но едва ли такое заключеніе совершенно справедливо. Мнѣ кажется, справедливѣе думать, что оба звука для Славянскаго языка одинаково древни такъ же, какъ одинаково древни два подобныхъ звука—к и х.

«Звуки сложные (дж, дз, жд — ждж,—тш=ч, тс=ц, шт—штш=щ) не всѣ одинаково употребляются во всѣхъ нарѣчіяхъ. Общи всѣмъ нарѣчіямъ только три: ч, ц, щ (послѣдній различно выговаривается, гдѣ какъ шт, а гдѣ какъ шч). Замѣчательно, что всѣ три принадлежатъ къ разряду отзвучныхъ. Три другіе—звучные—слышны только въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ (дз преимущественно въ Польскомъ, жд — въ Болгарскомъ). И между тѣмъ, предположивши, что одинаково древни г и г', какъ к и х, надобно предположить, что дж и ж, дз и з такъ же древни, какъ тш = ч и ш, тс = ц и с; потому что въ лѣствицѣ звуковъ дж и дз относится къ г (g), а ж и з къ г' (h) такъ же, какъ тш = ч и тс = ц къ к, а ш и с къ х; равнымъ образомъ и жд—ждж на столько же должно предположить рядомъ съ д и съ зг, какъ шт — штш = щ рядомъ съ т и съ ск. Не смотря однако на древность этихъ сложныхъ звуковъ, большая часть случаевъ ихъ употребленія въ нарѣчіяхъ не должна быть отнесена къ древнѣйшему времени (таковы между прочимъ Польскіе дз и тс=ц, Сербскіе и Серболужицкіе джь и чь, употребляемые вмѣсто мягкихъ дь, ть и т. п.). Кромѣ этихъ сложныхъ, издавна бывшихъ, появились вновь прежде не бывшіе сложные звуки. Между ними особеннаго вниманія достойно шепелявое ř, состоящее изъ соединенія р съ ж или съ ш: въ Чешскомъ и Польскомъ оно сдѣлалось необходимымъ, какъ единственная форма смягченія

Digitized by Google

твердаго р; въ Лужицкомъ оно принадлежитъ также къ числу звуковъ очень обычныхъ. Что звукъ р̆ не древній—это очевидно доказывается въ Лужицкомъ Нѣмецкимъ выговоромъ чистаго р въ тѣхъ мѣстныхъ названіяхъ, гдѣ Лужицкій выговоръ требуетъ р̆ вмѣсто р; въ Чешскомъ—древнѣйшими памятниками (IX—X вѣка), въ которыхъ употребленъ одинъ чистый р, а для показанія его смягченія написано послѣ него і; въ Польскомъ — народнымъ обычаемъ выговаривать при произношеніи напр. Русскихъ словъ, вмѣсто рь всегда или твердое р или р̆. Къ числу согласныхъ сложныхъ должно отнести и тѣ согласные, которые соединяются съ j, л, н вмѣсто того, чтобы непосредственно смягчиться. Соединеніе губныхъ согласныхъ съ л во всѣхъ югозападныхъ нарѣчіяхъ (напр. землꙗ, каплꙗ, въпль, погублꙗти, ловлѥн). Вмѣсто л употребляется для такого же смягченія предъидущихъ согласныхъ и звукъ j почти во всѣхъ нарѣчіяхъ. Не столь распространены сложные звуки: кх, употребляемый въ верхнемъ Лужицкомъ вмѣсто чистаго к, тх (что то въ родѣ ѳ), употребляемый въ среднемъ Лужицкомъ вмѣсто мягкаго ть и т. д.; не стоитъ доказывать, что это—явленіе послѣдующее.—Въ Русскомъ языкѣ, какъ и въ западныхъ нарѣчіяхъ Славянскихъ, съ теченіемъ времени появились звуки сложные. Особенно замѣтны соединенія согласныхъ чистыхъ съ j, ль и нь для выраженія ихъ смягченія. Смягченіе согласныхъ посредствомъ послѣдующей ль есть такая же принадлежность Русскаго языка, какъ и нѣкоторыхъ нарѣчій югозападныхъ: земля вмѣсто земя, каплетъ вмѣсто капетъ, люблю вмѣсто любю и т. п. Въ Малорусскомъ говорится и здоровля вмѣсто здоровье. Въ такомъ же смыслѣ употребляется нь въ нарѣчіи Малорусскомъ (напр. мнясо вмѣсто мясо), а j и въ Малорусскомъ, и во многихъ говорахъ Великорусскихъ (напр. вjану вмѣсто вяну).—Звуки согласные сложные вообще нельзя не сравнивать въ историческомъ отношеніи съ звуками гласными сложными, т. е. двугласными: тѣ и другіе, отсутствуя въ первобытномъ періодѣ развитія языка, сдѣлались его необходимою при-

Digitized by Google

надлежностью уже въ послѣдствіи времени, когда въ языкѣ стала превращаться древняя система звучности.

«Къ числу послѣдующихъ явленій звучности языка надобно отнести, подобно гласнымъ среднимъ, и согласные средніе. Въ западныхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ такихъ согласныхъ среднихъ есть уже довольно много, хотя и нѣтъ знаковъ для ихъ выраженія ни въ одной изъ азбукъ Славянскихъ. Между ними всѣхъ замѣтнѣе звукъ средній l, ясно выражающійся буквой Латинской: теряя способность смягчать и удерживать твердость звука л (т. е. отличать лъ отъ ль), многія изъ нарѣчій стали вмѣсто лъ и ль употреблять одинъ l. Такъ Чешское нарѣчіе удержало теперь только его, и уже Гусъ жаловался на пренебреженіе Чеховъ къ правильному отличенію лъ отъ ль и на употребленіе l вмѣсто того и другого. Другія западныя нарѣчія Славянскія, за исключеніемъ Польскаго и нѣкоторыхъ говоровъ Словацкихъ, тоже включили въ свою систему звуковъ этотъ l, употребляя его вмѣсто твердаго лъ.—Въ Русскомъ языкѣ вездѣ еще слышны лъ и ль, но слышно уже и l: въ Малорусскомъ съ е, съ и можетъ соединиться только средній l. Такимъ же образомъ е, и измѣнили передъ собою въ Малорусскомъ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, выговоръ н, м, б, п и пр., сдѣлавши ихъ изъ твердыхъ средними.

«Какъ гласные звуки издревле въ языкѣ Славянскомъ раздѣлялись на долгіе и короткіе, такъ согласные—на твердые и мягкіе; — и въ самыхъ древнихъ памятникахъ Славянскихъ можно отличить два рода смягченія согласныхъ: одно посредственное, переходное смягченіе, предполагавшее необходимость перехода звука въ другой (напр. г въ ж, к въ ч и т. п.), другое—непосредственное (лъ въ ль, нъ въ нь и т. п.). Первый родъ смягченія, кажется, древнѣе; по крайней мѣрѣ его необходимость проникла въ строй и составъ каждаго изъ нарѣчій Славянскихъ; впрочемъ издревле существовалъ и второй. Для каждаго рода смягченія было свое особенное мѣсто въ языкѣ: согласные гортанные подчинялись исключительно смяг-

Digitized by Google

ченію посредственному, переходя въ соотвѣтственные шипящіе и свистящіе (г въ ж, з; х въ ш, с; к въ ч, ц); согласные губные, зубные и язычные подлежали преимущественно смягченію непосредственному, до тѣхъ поръ пока не потеряли силы смягчаться и не стали нуждаться въ помощи ль или j, или же въ помощи звука шипящаго для соединенія съ гласными, требовавшими передъ собою согласныхъ мягкихъ. Той и другой смягчаемости согласныхъ не потеряло вполнѣ ни одно изъ нарѣчій Славянскихъ; особенно хранилась смягчаемость переходная, оставшись всюду необходимою принадлежностью видоизмѣненія корней и образованія словъ, а во многихъ нарѣчіяхъ и измѣненія словъ; но прежняя правильность употребленія согласныхъ мягкихъ все болѣе тратилась: оба рода смягченія взаимно мѣшались, и смягчаемость непосредственная постепенно изчезала. Такъ уже въ древнѣйшихъ памятникахъ нарѣчія Старославянскаго замѣтны слѣды пренебреженія къ сохраненію мягкихъ з, с, ц, р (къназа и къназꙗ, вьсꙗкъ и вьсакъ, царꙗ и цара, отьцю и отьцꙋ и т. д.). Въ нынѣшнихъ западныхъ нарѣчіяхъ Славянскихъ утраты смягчаемости согласныхъ несравненно болѣе чувствительны: такъ въ Польскомъ нѣтъ жь, шь, зь, ть, рь; въ Чешскомъ изъ согласныхъ чистыхъ остались при смягченіи непосредственномъ только дь, ть, нь, j; въ Сербскомъ—только нь, ль, j и пр. Лужицкое нарѣчіе болѣе другихъ сохранило смягчаемость согласныхъ, но и въ немъ далеко не всегда она слышна тамъ, гдѣ бы ее должно было ожидать. — Языкъ Русскій въ этомъ отношеніи также потерялъ многое. Въ говорахъ Великорусскихъ все чувствительнѣе становится пренебреженіе и къ переходному смягченію согласныхъ (на рѣкѣ вмѣсто на рѣцѣ, лягемъ вмѣсто ляжемъ и т. п.) и къ смягченію непереходному (лицо, лица, лицу, лицомъ вмѣсто лице, лиця, лицю, лицемъ, боюса вмѣсто боюся, купецъ, отецъ вмѣсто купьць, отьць, хочетъ вмѣсто хочеть и т. п.): случаи этого пренебреженія мягкихъ встрѣчаются и въ древнихъ памятникахъ,

4*

Digitized by Google

но въ сравненіи съ нынѣшнимъ состояніемъ языка несравненно рѣже *).

«Употребленіе придыханій тамъ, гдѣ они не требовались обще-Славянскими условіями звучности словъ, съ теченіемъ времени все увеличивалось. Нарѣчія Славянскія въ этомъ отношеніи хотя и пользовались однимъ и тѣмъ же числомъ согласныхъ, именно пятью—j, л, н, в, г'; но каждое по своему. Только j и н удержались вездѣ въ тѣхъ границахъ, какъ было и въ древности (напр. jего, jему, — него, нему и т. п.). Вмѣсто j употребляется л въ говорахъ Польскихъ и Словацкихъ (напр. ледва = ледвѣ вмѣсто едва). Что касается до г' и в, то они употребительны преимущественно передъ о (г'остры = востры вмѣсто острыи). Придыханіе в употребительно впрочемъ и передъ другими гласными: такъ въ Польскомъ всякое слово, начинающееся коренныимъ носовымъ звукомъ, требуетъ передъ нимъ придыханія в (węgiel, wątroba). Придыханія господствуютъ издавна и въ Русскомъ языкѣ, попадаясь впрочемъ въ древнихъ памятникахъ гораздо рѣже чѣмъ въ позднѣйшихъ, и теперь гораздо чаще чѣмъ прежде (юдоль, союзъ, юха вмѣсто удоль, съузъ = сънузъ, уха, — Вольга, вонъ, вотчина, воспа, восемь, вмѣсто Ольга, онъ, отьчина, осъпа, осьмъ,—євга, Парасковгиѩ, гето, генварь вмѣсто Євва, Параскевиѩ, ето, ѩнварь, и пр.). Между говорами Русскими есть въ этомъ отношеніи и довольно чувствительная разница (напр. онъ = вопъ = вйнъ = jонъ = г'онъ).

«Изъ представленныхъ примѣровъ уже довольно ясно, что согласные переходили одни въ другіе по времени все болѣе. Согласные равнымъ образомъ переходили и въ гласные. Важнѣе другихъ случаевъ — переходъ твердаго лъ въ гласные у, о, а, и въ согласное в. Въ древнихъ памятникахъ Славянскихъ такого перехода не замѣчено; въ памятникахъ XIII — XIV вѣка

*) Нельзя опустить изъ виду и смягченій новаго времени: въ Великорусскомъ и Польскомъ всякая согласная смягчается передъ *е* и *и*; это есть и въ Хорутанскомъ (Каринт.): шитро вмѣсто хытро.

Digitized by Google

попадаются примѣры этого, въ нѣкоторыхъ рукописяхъ довольно часто. Теперь почти каждое изъ нарѣчій Славянскихъ представляется съ особенными условіями такого перехода. Ученое правописаніе большею частію не признаетъ надобности и въ этомъ случаѣ, какъ въ другихъ подобныхъ, отличать требованій выговора народнаго; но требованія народнаго выговора отъ этого не слабѣютъ. Особенно рѣзко отличаются силою такихъ требованій выговора нарѣчія Сербское, Хорутанское, Словацкое и Польское: во всѣхъ четырехъ, въ большей части говоровъ, каждое лъ, оканчивающее слогъ, выговаривается какъ одинъ изъ означенныхъ переходныхъ звуковъ (напр. ходио = ходив = ходиу = ходиа вмѣсто ходилъ, котао = кота = коату = коту = коцјов вмѣсто котьлъ и т. д.); въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно на сѣверѣ, даже и при соединеніи съ гласною въ одинъ слогъ, твердое л выговаривается какъ у или в (напр. шов, шва, шво вмѣсто шьлъ, шьла, шьло). — Въ Русскомъ языкѣ повторяется то же самое на югѣ и на западѣ въ Малорусскомъ нарѣчіи, во многихъ говорахъ Бѣлорусскихъ и въ нѣкоторыхъ Великорусскихъ: твердый лъ, оканчивая слогъ, выговаривается какъ в или почти какъ у — пока еще не всегда, а только въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ случаяхъ (преимущественно въ прошедшихъ причастіяхъ на лъ), но съ очевиднымъ стремленіемъ измѣнять все болѣе свой первобытный звукъ.

— Формы словообразованія и словоизмѣненія тратили постепенно свой видъ, значеніе и употребленіе. Видъ этихъ формъ измѣнялся отъ произношенія, въ однихъ случаяхъ сокращался, въ другихъ растягивался. Значеніе формъ измѣнялось такъ, что слова, уже опредѣленныя какою нибудь формою, для того чтобы сохранить свою прежнюю опредѣленность, принимали къ прежней формѣ еще другую: слова опредѣленныя безъ члена стали требовать члена; падежъ, ясно выражавшій свое значеніе безъ предлога, сталъ требовать предлога и т. п. Употребленіе нѣкоторыхъ формъ все болѣе тратилось: вездѣ утрачивались постепенно прилагательныя опре-

Digitized by Google

дѣленныя, неокончательное достигательное, нѣкоторые изъ падежей, во многихъ нарѣчіяхъ простыя прошедшія, двойственное число; мѣсто причастій стали заступать вновь явившіяся дѣепричастія и т. д. Позволяю себѣ остановиться на нѣкоторыхъ изъ подробностей измѣненій западныхъ нарѣчій Славянскихъ и языка Русскаго въ отношеніи къ значенію и употребленію формъ словообразованія и словоизмѣненія.

«Древній обычай отличать въ наращаемыхъ *) именахъ существительныхъ и прилагательныхъ и въ причастіяхъ именительный падежъ единственнаго числа отъ падежей косвенныхъ одинаково слабѣлъ съ теченіемъ времени во всѣхъ нарѣчіяхъ Славянскихъ. Это удаленіе словъ отъ древней первобытной формы пошло двумя путями; или забываема была совершенно идея наращенія, и слово измѣняться стало въ косвенныхъ падежахъ какъ будто не наращаемое, или же и падежъ именительный получалъ форму наращенную. Случаевъ послѣдняго рода гораздо болѣе, но есть и первые: такъ среднія имена на о (тѣло, небо) въ большей части Славянскихъ нарѣчій потеряли наращаемость по крайней мѣрѣ въ единственномъ числѣ; въ нарѣчіяхъ югозападныхъ удержалась она только для множественнаго числа и то не безъ исключеній, и только въ Хорутанскомъ да кое-гдѣ въ Хорватскомъ не совсѣмъ забыта въ числѣ единственномъ (око род. ока и очеса и т. д.). Наращеніе принято и для именительнаго падежа вездѣ для именъ мужескаго и женскаго рода на ы (камень=камен, црьква=церква: црькев=церкев и т. д.): въ Хорутанскомъ удержало всюду форму не наращенную только кры (въ род. кръви). Слово мать=мати удержалось вездѣ въ именительномъ также безъ наращенія, а дочь только въ нарѣчіяхъ югозападныхъ, и то не безъ исключеній, въ сѣверозападныхъ же нарѣчіяхъ приняло р (дцера, цера = цора = цурка и пр.).

*) Оставляю терминъ, къ которому всѣ привыкли, хотя онъ и не выражаетъ идеи, какъ не выражаютъ подлинной идеи и многіе другіе термины.

Digitized by Google

Имена средняго рода съ наращеніемъ н и т удержались въ именительномъ падежѣ безъ наращенія въ большей части нарѣчій, впрочемъ въ Чешскомъ и Словацкомъ наращеніе н господствуетъ уже въ народѣ, все болѣе уничтожая изъ обычая именительный безъ наращенія (рамено, племено, имено). Прилагательныя сравнительной степени вездѣ потеряли возможность являться въ томъ видѣ, въ которомъ видимъ мы ихъ въ древнихъ памятникахъ: въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ, особенно въ Сербскомъ, образовались они, безъ помощи наращенія, на и′ со смягченіемъ предъидущей согласной (манји′, болји′, дужи′, тврђји), или сдѣлались неизмѣнными нарѣчіями (болје манје и т. п.), а во всѣхъ другихъ приняли и для именительнаго падежа наращеніе ш (худши′=худѣйши′, бѣльши′=бѣлѣйши′). То же самое превращеніе испытали и причастія прошедшаго времени, принимавшія наращеніе ш: они или превратились въ неизмѣняемыя дѣепричастія (знав=знавши), или, принявши опредѣленное окончаніе для каждаго изъ родовъ, сдѣлались по формѣ обыкновенными прилагательными. Замѣчательное уклоненіе отъ этого представляется въ Чешскомъ нарѣчіи: сдѣлавшись дѣепричастіями, они однако сохранили возможность принимать на себя знакъ числа (един. знав=знавши, множ. знавше). Въ такомъ же положеніи находятся теперь и причастія настоящаго времени, принимавшія наращеніе щ: въ сѣверозападныхъ нарѣчіяхъ, принимая окончаніе рода, съ наращеніемъ въ именительномъ падежѣ, они сдѣлались по формѣ обыкновенными прилагательными (напр. въ Польскомъ: pijący, znający, въ Лужицкомъ: pijacy, znajacy, въ Чешскомъ: pijicí, znajicí), или, не принимая знака рода, превратились въ дѣепричастія (Польск. znając, Луж. znajo), отличая только въ Чешскомъ нарѣчіи единственное число отъ множественнаго (един. buda, budouc, множ. budouce); а въ нарѣчіяхъ югозападныхъ совершенно потеряли измѣняемость (напр. Хорут. delaje, delajo, delajoc, Серб. играјучи).—Въ Русскомъ языкѣ законъ наращаемости именъ и причастій долго былъ въ силѣ; нѣтъ сомнѣнія, что не только въ XIV вѣкѣ, но и позже

Digitized by Google

былъ онъ въ памяти народа; но потомъ все болѣе былъ забываемъ, и теперь представляетъ въ говорахъ народныхъ только бѣдные остатки. Во многихъ именахъ наращеніе срослось съ именительнымъ падежемъ (какъ напр. колесо, веретено, колѣно, матерь, дочерь, церковь = церква, любовь, ремень и т. п.); во многихъ другихъ оно пропало совершенно (напр. небо, слово, ухо, дерево); въ нѣкоторыхъ только — именно средняго рода, наращаемыхъ посредствомъ т и н, коегдѣ удерживается въ косвенныхъ падежахъ, но и то уже все болѣе колеблясь (говорится стремя и стремень, вымя и вымень, темя и темень, дитятью и дитею и т. п. Имена прилагательныя сравнительной степени или обратились въ нарѣчія, или, получивши характеръ степени превосходной, приняли наращеніе и для именительнаго мужескаго (низшій, высшій, большій,—ниже, выше, болѣе и т. п.). Причастія дѣйствительныя настоящія равнымъ образомъ сдѣлались или неизмѣнными дѣепричастіями, или прилагательными, въ первомъ случаѣ безъ необходимости принимать наращеніе (веда, ведучи, пловучій мостъ, толкучій рынокъ, живучій червякъ, трескучій морозъ, падучая болѣзнь, сыпучій песокъ). Причастія прошедшія сохранили болѣе свой прежній характеръ, не отдѣлившись отъ глаголовъ до такой степени какъ причастія настоящія; но и они или сдѣлались неизмѣнными дѣепричастіями, или приняли наращенія и для именительнаго падежа мужескаго рода (ведши, — ведшій). Нѣкоторыя изъ нихъ даже получили характеръ настоящихъ прилагательныхъ именъ (моченыя яблоки, мощеная улица, суженый ряженый, соленые огурцы, запрещеный товаръ).

«Отличеніе прилагательныхъ и причастій опредѣленныхъ отъ неопредѣленныхъ, столь яркое въ древнихъ памятникахъ Славянскихъ нарѣчій, проникавшее во весь строй ихъ склоненія, постепенно терялось: опредѣленныя все чаще употреблялись вмѣсто неопредѣленныхъ, а неопредѣленныя все болѣе выходили изъ употребленія. И въ древнихъ памятникахъ встрѣчаются случаи этого смѣшенія однихъ съ другими, но рѣдко.

Digitized by Google

Въ памятникахъ болѣе позднихъ такихъ случаевъ уже много. Теперь въ большей части нарѣчій Славянскихъ или вовсе утратилась неопредѣленная форма, или сохранилась въ нѣкоторыхъ падежахъ и въ нѣкоторыхъ поговорочныхъ выраженіяхъ. Болѣе всѣхъ другихъ нарѣчій удержало особенности прилагательныхъ неопредѣленныхъ нарѣчіе Сербское, болѣе по тому, что почти каждое прилагательное можетъ быть поставлено въ формѣ неопредѣленной и опредѣленной (добар, добра, добро,— добри́, добро́, добра̀); но и въ немъ уже невозможно просклонять неопредѣленнаго во всѣхъ падежахъ безъ помощи опредѣленныхъ окончаній: въ единственномъ числѣ творительный мужескаго рода, дательный и предложный женскаго, а во множественномъ всѣ падежи кромѣ именительнаго и винительнаго принадлежатъ склоненію опредѣленному. Нарѣчіе Чешское удержало склоненіе неопредѣленное почти только для прилагательныхъ притяжательныхъ и то не всѣхъ и не для всѣхъ падежей склоненія: самыя правильныя изъ нихъ склоняются какъ существительныя въ единственномъ числѣ, за исключеніемъ падежа предложнаго, а во множественномъ только въ именительномъ и винительномъ; другія только въ именительномъ и винительномъ и по требованію глагола въ дательномъ (welik — welika — weliku). Въ другихъ нарѣчіяхъ пропало склоненіе неопредѣленное почти все сполна.— Русскій языкъ въ народѣ сохраняетъ еще нѣкоторые падежи неопредѣленныхъ прилагательныхъ почти исключительно для единственнаго числа, но и въ немъ они все болѣе выходятъ изъ обычая: въ пѣсняхъ, сказкахъ, пословицахъ они встрѣчаются гораздо чаще, чѣмъ въ живомъ разговорѣ. Въ единственномъ числѣ можно употребить всѣ падежи, во множественномъ только именительный и винительный, но уже смыслъ ихъ до такой степени смѣшался съ падежами опредѣленной формы, что тѣ и другіе можно употреблять безразлично, если только имя прилагательное можетъ принять форму опредѣленную въ именительномъ. Впрочемъ и здѣсь народъ уже не такъ строгъ, какъ правила литературнаго языка: даже и притяжательныя, безъ различія формъ ихъ об-

Digitized by Google

разованія, начинають принимать форму опредѣленную; нѣкоторыя даже не могуть быть безъ нея (напр. тѣ, которыя оканчиваются на ск: отцовской, дѣтской; даже и окончаніе ск въ названіяхъ городовъ перемѣняется на ской: Курской, въ Курскомъ). Примѣры смѣшенія прилагательныхъ неопредѣленныхъ и опредѣленныхъ попадаются уже въ памятникахъ Русскихъ XIV вѣка.

«Въ измѣненіяхъ, которыя потерпѣли нарѣчія Славянскія въ отношеніи къ склоненіямъ, болѣе многаго другого замѣчательна потеря двойственнаго числа. Что оно было во всѣхъ нарѣчіяхъ, это очевидно отчасти изъ древнихъ памятниковъ, отчасти изъ уцѣлѣвшихъ остатковъ его употребленія въ говорѣ народномъ. Примѣры правильнаго употребленія двойственнаго числа видимъ въ Чешскихъ памятникахъ не только IX—X, но и XIII—XIV вѣка, въ Сербскихъ памятникахъ XIII—XIV вѣка, въ Польскихъ памятникахъ XIV вѣка и позже. Теперь двойственное число сохранилось въ цѣлости, какъ необходимая принадлежность языка народнаго, только у Сербовъ-Лужичанъ и у Хорутанскихъ Словенцевъ, но и то не вполнѣ: родительный падежь совпалъ съ родительнымъ множественнаго (Лужиц. rakow, żenow, Хорут. rakow, żen). Въ другихъ нарѣчіяхъ уцѣлѣли только напоминанія о его прежней жизни въ народѣ— въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ: такъ Полякъ доселѣ говоритъ dwieście,—а не dwa sta, rękoma, uszyma,—а не rękami, uszami; такъ и Чехъ говоритъ dwěstě, dwě ruce,—а не dwě ruky, rukou, rukama, kolenou, kolenama, — а не ruk, rukach, rukam, kolen, kolenach, kolenam, oči, očima,—а не oka, oky и т. д.—Такъ потерялось двойственное число и изъ Русскаго языка: въ XIV вѣкѣ смыслъ его былъ еще понимаемъ; но послѣ оно было все болѣе забываемо, и теперь забыто уже до такой степени, что нечаянныхъ случаевъ его употребленія даже менѣе чѣмъ въ западныхъ нарѣчіяхъ Славянскихъ: двойственное число очевидно только въ словахъ двѣстѣ—вмѣсто два ста (какъ триста), уши, очи — вмѣсто уха, ока или ухи, оки (какъ окна или окны) и въ очень

Digitized by Google

немногихъ подобныхъ. Соединеніе существительнаго въ родительномъ единственнаго съ числительнымъ два—двѣ, три, четыре (два, три, четыре слова, двѣ, три, четыре руки) можетъ казаться тоже остаткомъ двойственнаго, но только казаться: эта странная особенность Славянскаго словосочетанія можетъ быть и сродна съ употребленіемъ двойственнаго числа, но получила вездѣ издавна свое независимое значеніе.

«Не менѣе потери двойственнаго числа замѣчательно смѣшеніе склоненія мужескаго и женскаго. Въ древнѣйшихъ памятникахъ есть уже слѣды неотличенія родовъ въ склоненіи, но болѣе неотличенія, зависѣвшаго отъ коренныхъ правилъ Славянскаго склоненія. Такъ напр. въ Старославянскомъ одинаковы для всѣхъ трехъ родовъ именъ существительныхъ — окончанія предложнаго падежа единственнаго числа, родительнаго и предложнаго двойственнаго числа, родительнаго множественнаго,— и для всѣхъ трехъ родовъ именъ прилагательныхъ опредѣленныхъ и мѣстоименій — окончанія родительнаго, предложнаго, дательнаго и творительнаго двойственнаго и множественнаго числа; для мужескаго и женскаго рода одинаковы окончанія винительнаго множественнаго числа; для средняго и женскаго — именительнаго двойственнаго числа. Не смотря на это, въ древности Славянскія нарѣчія представляли много признаковъ, рѣзко отдѣлявшихъ роды, особенно мужескій и женскій. Съ теченіемъ времени каждое изъ нарѣчій по своему уменьшало число этихъ признаковъ, и теперь нѣтъ уже ни одного нарѣчія, въ которомъ бы сохранились они ненарушимо. Лучше другихъ удержали древній строй нарѣчія Польское и Чешское; но и въ нихъ есть уже отпаденія отъ старины. Такъ, между прочимъ, въ Польскомъ смѣшались признаки отличія рода мужескаго и женскаго во всѣхъ падежахъ множественнаго числа кромѣ родительнаго: въ именительномъ смягченіе предъидущей согласной съ мужескаго перешло отчасти и на женскій и не вполнѣ удержалось для мужескаго, въ предложномъ и въ творительномъ женскія окончанія ахъ и ами сдѣлались общими для всѣхъ трехъ родовъ, такъ же какъ въ дательномъ му-

Digitized by Google

жеское окончаніе омъ. Въ Лужицкомъ смѣшеніе несравненно рѣзче: въ двойственномъ числѣ приняты для женскаго рода почти исключительно окончанія мужескаго рода (ов, омай), равно и во множественномъ въ падежахъ предложномъ, дательномъ и творительномъ (амъ, ахъ, ами), а въ падежѣ родительномъ множ. числа женскій родъ принялъ окончаніе мужескаго (ов: женов, вмѣсто жен). Въ нарѣчіяхъ югозападныхъ во множественномъ числѣ господствуютъ преимущественно женскія окончанія.—Русскій языкъ отклонился отъ древняго своего вида не менѣе другихъ соплеменныхъ нарѣчій, особенно во множественномъ числѣ: именительный мужескаго рода уже во многихъ случаяхъ не обозначается мягкостью послѣдней согласной по примѣру женскаго рода (воины, миры—какъ и воды, жены), и при томъ въ именахъ прилагательныхъ принимаетъ для всѣхъ трехъ родовъ окончательное и (свѣтлыи, лучи, зори); предложный, дательный, творительный приняли тоже окончанія женскія (ахъ, амъ, ами: воинахъ, воинамъ, воинами, какъ водахъ, водамъ, водами). Въ нѣкоторыхъ только поговорочныхъ выраженіяхъ сохранились старыя формы (пять человѣкъ вмѣсто человѣковъ, по дѣломъ вмѣсто по дѣламъ, мы ради вмѣсто мы рады и т. п.).

«Падежи равнымъ образомъ не удержались всѣ въ томъ видѣ какъ были въ древности, хотя впрочемъ и въ древности ихъ отличительные признаки уже нѣсколько перемѣшались въ своихъ значеніяхъ. Такъ между прочимъ въ Старославянскомъ: падежи родительный и предложный, отличенные во многихъ случаяхъ особенными признаками въ склоненіи существительныхъ именъ, въ склоненіи прилагательныхъ и мѣстоименій множественнаго числа смѣшались въ одно окончаніе (великыихъ, васъ); звательный падежь удержалъ свое особенное окончаніе только въ единственномъ для существительныхъ и т. д. Что касается до предложнаго множественнаго числа, равнаго по окончанію съ родительнымъ, то въ этомъ отношеніи замѣчательнѣе другихъ нарѣчій Сербское, удержавшее окончаніе это исключительно для родительнаго падежа (човеках, сръда-

Digitized by Google

цах, женах — вмѣсто човеков, срђдац, жен). Вмѣстѣ съ этимъ Сербское нарѣчіе смѣшало въ одномъ окончаніи творительнаго (двойственнаго числа) падежи творительный, дательный и предложный множественнаго числа (јеленима значитъ—оленямъ, оленями, оленяхъ). Звательный падежъ еще сохранился для существительныхъ единственнаго числа въ нарѣчіяхъ сѣверозападныхъ и въ Сербскомъ, но и то уже не во всѣхъ случаяхъ; въ Хорутанскомъ и Хорватскомъ онъ почти пропалъ. Болгарское нарѣчіе почти совершенно потеряло измѣняемость словъ по падежамъ: бѣдные остатки падежей остаются почти исключительно только въ мѣстоименіяхъ, въ существительныхъ отличается только звательный. — Значительныя утраты понесъ въ отношеніи къ падежамъ и Русскій языкъ: звательный сохранился еще въ Малорусскомъ, но въ Великорусскомъ въ большей части говоровъ объ немъ напоминаютъ только нѣкоторыя слова (Боже, Господи). Родительный падежъ единственнаго числа женскаго рода въ существительныхъ мягкаго окончанія и въ прилагательныхъ окончанія твердаго и мягкаго принялъ окончаніе предложнаго и дательнаго (земли, твоей, пахатной) — еще не вездѣ, но въ большей части говоровъ мѣстныхъ, такъ что и тамъ, гдѣ еще слышится старый родительный (на ꙗ, ѥ, вмѣсто Старослав. ѧ: землꙗ, твоѥ, пахотноѥ), онъ уже употребляется съ исключеніями (особенно въ существительныхъ) и смѣшанно съ предложнымъ и дательнымъ. Винительный множественнаго числа слился совершенно съ именительнымъ и родительнымъ. Это ослабленіе значенія формъ падежныхъ показалось въ языкѣ Русскомъ уже издавна: его можно замѣтить уже и въ памятникахъ XIV вѣка. Расширяя все болѣе свой кругъ, оно дошло теперь до такихъ, какъ называется, неправильностей, которыя не могутъ не поражать людей, знакомыхъ съ языкомъ старымъ или съ правилами книжнаго языка. Такъ, между прочимъ, и окончаніе дательнаго множественнаго числа (амъ) употребляется во многихъ краяхъ вмѣсто творительнаго (съ намъ вмѣсто съ нами) и т. п.

«Наклоненіе неопредѣленное довольно долгое время сохра-

Digitized by Google

няло свою достигательную форму (на ъ и ь): примѣры его сознательнаго употребленія находятся въ памятникахъ XIV и даже XV вѣка. Теперь эта форма сохранилась только въ нарѣчіяхъ Хорутанскомъ и Хорватскомъ, но и въ этихъ нарѣчіяхъ уже она не всегда выражается ясно: въ Хорутанскомъ окончательное и выговаривается въ иныхъ мѣстахъ какъ гласный ъ очень глухо, почти неслышно (борити=боритъ [три слога]= борит [два слога]; а въ Хорватскомъ и употребляется и опускается часто по произволу (вмѣсто идем га зват — можно слышать и идем га звати, вмѣсто не хтео звати—не хтео зват). Въ Чешскомъ нарѣчіи можно тоже замѣтить только темное воспоминаніе о формѣ достигательной: вездѣ слышно выраженіе jdi spat, даже и тамъ, гдѣ окончательное и въ неопредѣленномъ наклоненіи не отбрасывается, или гдѣ послѣднее т не выговаривается твердо; но съ одной стороны такихъ выраженій очень немного, а съ другой немного и такихъ мѣстъ, гдѣ бы народъ удерживалъ окончательное и. — Въ Русскомъ, удерживается ли и, или при опущеніи его смягчается согласная т въ ть (чь) или ць, объ отличеніи достигательной формы нѣтъ уже никакого помину. Даже и въ старыхъ памятникахъ она соблюдается не всегда правильно. Появляться стало удвоеніе формы неопр. накл: иттить, клятитися (отъ клять, клясть), клясть = клятть (с = т).

«Двѣ простыя формы времени прошедшаго въ изъявительномъ наклоненіи были въ древности въ общемъ употребленіи у всѣхъ Славянъ, и уже довольно поздно, въ XIV—XV вѣкѣ, стали быть пренебрегаемы все болѣе и болѣе, будучи замѣняемы формами сложными. Впрочемъ и до сихъ поръ онѣ еще не забыты въ большей части нарѣчій Славянскихъ. Во всѣхъ югозападныхъ нарѣчіяхъ онѣ хотя и перестаютъ быть необходимостью, но еще твердо удерживаются обычаемъ народнымъ. Болѣе всего онѣ обычны у коренныхъ Сербовъ, которые правильно отличаютъ форму прошедшую (онъ игра, они играше, онъ би, они бише) отъ формы преходящей (онъ играше, они играху, онъ биjаше = беше, они биjаху = беху). У

Digitized by Google

Славянъ, живущихъ на востокъ и на западъ отъ нихъ, т. е. съ одной стороны у Болгаръ, съ другой у Хорватовъ и Хорутанскихъ Словенцевъ. обѣ эти формы отчасти перемѣшиваются въ значеніи, отчасти замѣняются сложными. У Болгаръ есть обѣ формы, но отличаются только въ единственномъ числѣ (играхъ—игра, би—биха, и играх—играше, бех—беха). Менѣе всего онѣ обычны въ Хорутанскомъ нарѣчіи: каждый Словенецъ пойметъ ихъ значеніе, но уже немногіе употребятъ ихъ сами; только въ нѣкоторыхъ горныхъ говорахъ можно слышать ихъ, и то болѣе въ поговоркахъ, чѣмъ въ простомъ разговорѣ, или же въ значеніи не прошедшаго, а настоящаго времени (учисте, дѣласте вмѣсто учите, дѣлате). Что касается нарѣчій сѣверозападныхъ, то изъ нихъ простая прошедшая форма употребляется народомъ, какъ необходимая принадлежность глагола, только въ нарѣчіи Лужицкомъ; но уже только одна преходящая (волах, волаше, волаху). Въ нарѣчіи Чешскомъ простыя формы были обѣ, но уже смѣшаны были одна съ другою (такъ что въ третьемъ лицѣ множественнаго и преходящее и прошедшее принимали одинаково окончаніе ху: несјаху—несеху). Теперь онѣ забыты, и остатки ихъ (bych, bys, bychom, byste), получили характеръ сослагательный. Въ такомъ же смыслѣ употребляются остатки ихъ и въ нарѣчіи Польскомъ bym и bych, byś, byśmy и bychmy, byście), имѣя впрочемъ (безъ прибавленія by) значеніе и настоящаго времени (cnotą śmy sczęsliwi—мы счастливы добродѣтелью). При этомъ нельзя не замѣтить особенной сложной формы настоящаго времени, сохраняющейся въ мѣстныхъ говорахъ Польскихъ: jam jest, tyś jest, myśmy są, wy ście są, т. е. я есмь есть, ты еси есть, мы есмы суть, вы есте суть, болѣе правильной, чѣмъ употребительная въ другихъ говорахъ и въ литературномъ языкѣ: jestem, jesteś, jest, jesteśmy, jesteście, są, въ которой съ помощію jest вмѣсто są образованы и два лица множественнаго числа. Форма эта, замѣчательная отчасти и для объясненія образованія формы прошедшей, употреблялась прежде и у писателей: такъ у Кохановскаго читаемъ — cnotą

Digitized by Google

śmy są szczęśliwi.—Въ Русскомъ языкѣ простыя формы прошедшаго времени господствовали еще и въ XIV вѣкѣ. Въ памятникахъ не только XIV, но XIII и XII вѣковъ, встрѣчаются, правда, ошибки противъ ихъ правильнаго употребленія, въ которыхъ выражается незнаніе отличій лицъ; но ихъ вообще такъ немного въ сравненіи съ тѣми случаями, гдѣ бы ошибки могли повториться и однако не повторялись, что этого достаточно для доказательства, что ошибки сдѣланы переписчиками позднѣйшаго времени. Въ Словѣ Даніила Заточника есть выраженіе «умъ мой яко нощны вранъ на нырищи забдѣхъ»; но то, что въ немъ кажется ошибкой, произошло не по ошибкѣ, а по желанію дословно внести выраженіе св. Писанія (Псал. CI. 7—8) «яко нощный вранъ на нырищи (за)бдѣхъ». Въ нѣкоторыхъ спискахъ Хожденія Даніила есть выраженія явно ошибочныя: «тогда онъ поклонихся; азъ ту стояше»; но всѣ списки Хожденія Даніила такъ поздни, что въ нихъ подобныхъ описокъ нельзя не ожидать. Такъ и въ спискахъ Сказанія о побоищѣ Мамаевомъ выраженіе «Дмитрій же слышахъ» есть очевидная описка поздняго писца. Для того чтобы убѣдиться, что это описки, а не ошибки сочинителя, стоитъ сравнить списки, и не въ томъ, такъ въ другомъ найдется и правильное чтеніе. Какъ бы впрочемъ то ни было, въ XIV — XV вѣкѣ простыя формы прошедшаго были народомъ оставлены, такъ же какъ и въ нѣкоторыхъ западныхъ нарѣчіяхъ, и сохранились только въ бѣдныхъ остаткахъ. Къ числу этихъ остатковъ должно отнести форму условную, образуемую посредствомъ бы; хотя, лишившись видоизмѣняемости по лицамъ и числамъ, это бы могло показаться союзомъ, тѣмъ не менѣе оно точно такъ же образуетъ сложное время, какъ образовывало и прошедшее быхъ въ языкѣ древнемъ (я писалъ есть сокращеніе древней формы: я (язъ) есмь писалъ; такъ и я бы писалъ употреблено вмѣсто древняго: я (язъ) быхъ писалъ: писалъ въ обоихъ случаяхъ есть причастіе, только соединенное съ двумя разными формами вспомогательнаго глагола). Мы не измѣняемъ бы на томъ же основаніи, какъ не измѣняемъ и есть, упо-

Digitized by Google

требляя это третье лице единственнаго для всѣхъ трехъ лицъ обоихъ чиселъ. И какъ не вездѣ въ языкѣ Русскомъ осталось неизмѣннымъ есть, такъ не вездѣ осталось неизмѣннымъ и бы. Въ Великорусскомъ осталось еще еси не въ однихъ пѣсняхъ (гой ты еси) какъ знакъ второго лица; въ Малорусскомъ восточномъ еще чаще слышится еси и есте; въ Малорусскомъ западномъ употребительны не только вторыя лица, но и первыя: емь, есмо = смо; — такъ и въ сослагательной формѣ въ Бѣлорусскомъ и въ нѣкоторыхъ говорахъ собственно Великорусскаго еще слышно быси=бысь, въ Малорусскомъ восточномъ бысь и бысте, а въ Малорусскомъ западномъ и бымь, бысмо (отличныя отъ бывъ емъ, бывъ си, были смо, были сте). Къ числу остатковъ простыхъ формъ прошедшаго времени должно отнести и буде = будеть, употребляемое теперь безлично, т. е. въ 3-мъ лицѣ единственнаго. Форма буду, будешь и пр., хотя осталась издавна въ значеніи будущаго во всѣхъ нарѣчіяхъ Славянскихъ, есть однако форма настоящаго времени на столько же, какъ и иду, веду, хожу, ношу и пр., и предполагаетъ подобныя формы для выраженія прошедшаго. Какъ отъ иду было идохъ и идѧахъ, такъ и отъ буду—будохъ и будѧахъ. Отъ будѧахъ третье лице единственнаго будяше извѣстно (напр. изъ лѣтописи Нестора: аще ли будяше нужьное орудье, то оконцемъ малымъ бесѣдоваше. Пов. вр. л. 1074 г. Сбудяшется старче слово. т. ж. 1074 г. Хотя видѣти абье уязвенъ будяше. т. ж. 1092 г.) Отъ будохъ третье лице единственнаго было бы буде или съ окончаніемъ т — будеть, какъ отъ идохъ — иде или идеть Это буде=будеть такое же прошедшее совершенное какъ и бы, и такъ же какъ бы могло употребляться въ смыслѣ сослагательномъ или условномъ. Но оно издавна утратило уже свою измѣняемость, получивши смыслъ безличный (въ Русской Правдѣ есть будеть видили), а потому легко могло смѣшаться съ настоящимъ=будущимъ и замѣниться имъ (какъ и въ Русской Правдѣ будутъ крали вмѣсто будоша крали). Не одинъ Русскій языкъ представляетъ форму будѧахъ и будохъ. Въ

Digitized by Google

Чешскихъ старыхъ памятникахъ budjech—budješe встрѣчается довольно часто (напр. у Далимила: w staršich budješe rada, w kupěli je zmyjechu, tak wsje nemoci zbudjechu и пр.). Въ Лужицкомъ budźich—budźiše въ смыслѣ сослагательномъ измѣняется вполнѣ и столько же обычно въ простомъ разговорѣ, какъ и другая форма прошедшаго простаго—běch, běše. Въ Болгарскомъ есть быдох—быде, тоже для всѣхъ лицъ обоихъ чиселъ, отличное отъ бех — беше; а по мѣстамъ слышно и быдjах—быдjаше тоже въ смыслѣ сослагательномъ.

«Формы сложныя очень разнообразныя представляются и въ самыхъ древнихъ памятникахъ Славянскихъ. Нѣкоторыя изъ нихъ постепенно вышли изъ употребленія; но другія, болѣе сложныя, появились позже на ихъ мѣсто, прежде чѣмъ тѣ были забыты. Теперь формы сложныя не такъ разнообразны по составу, но за то числомъ ихъ болѣе. Въ числѣ вышедшихъ изъ употребленія особеннаго вниманія достойны тѣ, которыя составлялись помощью причастій дѣйствительныхъ наращаемыхъ. Соединеніе причастія дѣйствительнаго настоящаго со вспомогательнымъ глаголомъ быть было въ древнемъ языкѣ такъ же обычно, какъ и соединеніе съ этимъ глаголомъ причастія настоящаго страдательнаго: примѣры его можно найти и въ памятникахъ Старославянскихъ (напр. въ Остромировомъ Евангеліи: и бѣ учѧ въ сѫботы), и въ Чешскомъ (напр. въ одномъ изъ очень старыхъ списковъ Псалтыря: neni kto dobuda duše mé=нѣсть взыскаяй душу мою. Псал. CXLI, 5), и въ Русскомъ (напр. у Нестора: бяше около града лѣсъ и бяху ловяще звѣрь). Форма эта не совершенно погибла: въ приморскомъ Сербскомъ и Хорватскомъ ее можно еще слышать, хотя мѣсто причастія и заступило дѣепричастіе (напр. он jе био ходеч, када га позвали — онъ былъ ходя, когда его позвали). Что касается до причастія дѣйствительнаго прошедшаго, то его окончаніе въ сравнивали съ окончаніемъ 1-го лица прошедшаго простаго хъ, думали, что оба эти окончанія, вмѣстѣ съ окончаніемъ прошедшаго причастія лъ, значатъ одно и то же, «какъ придыханія для устройства слоговъ», и что по

Digitized by Google

этому-то употреблялись будто бы безъ различія. Съ этимъ никакъ нельзя согласиться: хъ есть знакъ перваго лица, равный по смыслу съ мъ (срав. ego—me, Герм. ich—mich, Лит. as, mas—mene, Слав. азъ — мѧ), между тѣмъ какъ лъ и въ — мѣстоименія указательныя, употребленныя для образованія причастій, какъ прилагательныхъ отглагольныхъ. Замѣчено было, что сѣꙗвъ стоитъ въ нѣкоторыхъ рукописяхъ вмѣсто сѣꙗхъ тамъ, гдѣ теперь мы употребляемъ сѣялъ (Матѳ. XXV, 26). Примѣровъ подобныхъ можно представить много изъ древнихъ памятниковъ Русскихъ (напр. у Нестора: Игорь же совокупивъ вои многи и тали у нихъ поя, — Русь поидоша и приплуша, и всю страну Никомидийскую поплѣнивше и Судъ весь пожьгоша, — Володимеръ слышавъ, яко ятъ бысть Василько ужасеся, и всплакавъ, и рече и пр.). Въ Русскомъ языкѣ эта форма не погибла и теперь: въ сѣверныхъ говорахъ нарѣчія Великорусскаго она сохранилась, хотя и не сохранивши своей прежней опредѣленности, отъ того что вмѣсто причастія, согласовавшагося съ подлежащимъ въ родѣ и числѣ, употребляется неизмѣняемое дѣепричастіе (онъ ужь вставши, вы были вставши и т. п.). Какъ теперь, такъ и прежде въ этомъ случаѣ настоящее время вспомогательнаго глагола часто опускалось, такъ же какъ опускается у насъ въ прошедшемъ, составленномъ помощью причастія на лъ (онъ сѣялъ вмѣсто онъ есть сѣялъ); но въ Чешскомъ старомъ оно часто оставалось такъ же какъ и другія времена (jest zasluźiw, budu źiw и т. п).—Древніе памятники Славянскіе представляютъ сложныя времена, образованныя помощью глаголовъ: быть, имѣть, начать, хотѣть. Въ памятникахъ позднѣйшаго времени, равно какъ и въ нынѣшнихъ нарѣчіяхъ Славянскихъ употребленіе послѣднихъ трехъ глаголовъ уже далеко не такъ обще: ихъ мѣсто заступилъ въ большей части случаевъ глаголъ быть. Впрочемъ и теперь глаголы имѣть и хотѣть еще употребляются для образованія будущаго времени: иму думати вмѣсто буду думать, стану думать, долженъ думать можно слышать въ нарѣчіяхъ Чешскомъ, Лужицкомъ,

Digitized by Google

Польскомъ. Хочу думать въ томъ же смыслѣ слышится въ нарѣчіи Болгарскомъ и Сербскомъ; Болгаринъ вмѣсто этого еще употребляетъ форму хочу да думаю и кромѣ того испорченную форму хочетъ думаю, такъ что думаю будетъ измѣняться по лицамъ и числамъ, а хочетъ останется неизмѣннымъ для всѣхъ лицъ обоихъ чиселъ. Въ Русскомъ народномъ употребленіе глаголовъ вспомогательныхъ тоже измѣнилось. Глаголы хотѣть и начать потеряли характеръ вспомогательности; а глаголъ стать получилъ ее. Глаголъ имѣть сохранился какъ вспомогательный для образованія будущаго только въ Малорусскомъ: иму думать (думат—иму) вмѣсто буду или стану думать. Что касается до глагола быть, то съ усиленіемъ его вспомогательной силы образовались, въ дополненіе къ формамъ древнимъ, новыя формы, болѣе сложныя. Формы есмь думалъ и буду думать остаются во всѣхъ нарѣчіяхъ, хотя и не безъ измѣненій: есмь опускается подразумѣваясь, а быхъ употребляется безъ личныхъ окончаній, какъ неизмѣнное бы; бѣхъ думалъ остается въ Болгарскомъ, Сербскомъ, Лужицкомъ; есмь былъ думалъ въ Сербскомъ, Хорутанскомъ, Чешскомъ; быхъ былъ думалъ въ Хорутанскомъ, Чешскомъ, Польскомъ; есмь бы былъ думалъ въ Сербскомъ; буду думалъ въ Хорватскомъ, Хорутанскомъ, Польскомъ; буду былъ думалъ въ Хорватскомъ. Въ Русскомъ большая часть этихъ формъ совершенно исчезла изъ говора народнаго.

«Превращеніе Славянскаго языка при переходѣ изъ древняго состоянія къ новому очень яркими чертами отразилось на способѣ выраженія чиселъ, родовъ и лицъ.—Вмѣсто трехъ чиселъ, бывшихъ въ древности необходимымъ достояніемъ Славянскаго спряженія, въ большей части нарѣчій осталось только два: двойственное сохранилось теперь только въ Лужицкомъ и Хорутанскомъ. Въ Польскомъ характеристическія окончанія двойственнаго числа тоже уцѣлѣли въ народѣ, но употребляются вмѣсто множественнаго (pojdźwa, pojdźta вмѣсто pójdziem, pójdźcie). Въ Русскомъ остались они только въ нѣсколькихъ словахъ: пожалуйста то же, что въ старомъ Польскомъ

požalujszta, по формѣ второе лице двойственнаго; вы ста ради вмѣсто вы есте ради тоже остатокъ двойственнаго.—Отличенiе родовъ въ спряженiи потеряно очень давно: въ самыхъ древнихъ памятникахъ Славянскихъ находимъ отличенiе родовъ только въ двойственномъ; оно сохранилось въ двойственномъ и до сихъ поръ тамъ, гдѣ уцѣлѣло употребленiе двойственнаго числа. Въ Русскомъ за долго прежде, нежели погибло двойственное, окончанiя рода мужескаго и женскаго смѣшались, и есвѣ, естѣ стали употребляться въ мужескомъ вмѣсто есва, еста.—Что касается до лицъ, то особеннаго вниманiя достойно третье. Древнiй знакъ его ть сталъ выходить изъ употребленiя уже очень издавна: такъ въ древнѣйшихъ памятникахъ Церковно-Славянскихъ уже не видимъ, кромѣ немногихъ случаевъ, употребленiя его въ прошедшемъ времени (да, даꙗше, дашѧ, дахѫ вмѣсто дать, даꙗшеть, дашѧть, дахѫть): только въ нѣкоторыхъ глаголахъ первообразныхъ видимъ тъ вмѣсто ть въ третьемъ лицѣ единственнаго прошедшаго времени (ꙗтъ, жѧтъ и т. п.). То же и въ древнѣйшихъ памятникахъ Чешскихъ. Только въ Русскомъ языкѣ удерживалось въ этихъ случаяхъ довольно долго употребленiе ть; но и то почти исключительно въ преходящемъ (даꙗшеть, даꙗхуть). Въ настоящемъ долго удерживался знакъ этотъ въ Старославянскомъ, Чешскомъ, такъ же какъ въ Русскомъ; но и въ Русскомъ, какъ въ другихъ нарѣчiяхъ, онъ не удержался какъ необходимая принадлежность спряженiя. Въ западныхъ нарѣчiяхъ онъ сохранился теперь почти только въ нарѣчiи Болгарскомъ и то почти исключительно для одного множественнаго (он дума, они думат). Въ Русскомъ народномъ, хотя и не погибло еще употребленiе ть совершенно, но во многихъ говорахъ вмѣсто ть слышно тъ, а въ другихъ для единственнаго числа уже не слышно ни того ни другого, или же, если и употребляется, то самопроизвольно такъ, что можно и опустить ть (иде и идеть).

«Появленiе неизмѣняемыхъ словъ очень давне: годѣ (Супр. 422), исполнь, свободь, средовѣчь (Малал.—Калайд. Iо.

екз. 183) въ Старослав., гузу въ Луж., мани въ Серб. (тодушманя мани бише), въ Мрус. нар. гараздъ; въ древ. Русскомъ такъ же были такія прилагательныя, напр. студень.

— Столь же значительныя потери въ отношеніи къ опредѣленности формъ потерпѣли нарѣчія Славянскія и въ формахъ словосочиненія. Между явленіями, происшедшими въ слѣдствіе превращенія древняго строя, особенно замѣчательны: опущеніе управляющихъ глаголовъ, необходимость сочетанія падежей съ предлогами, потеря падежей самостоятельныхъ.

«Случаи опущенія глаголовъ управляющихъ, преимущественно существительнаго глагола быть, попадаются и въ древнѣйшихъ памятникахъ, особенно въ третьемъ лицѣ единственнаго настоящаго времени. Теперь въ большей части нарѣчій это опущеніе допущено для третьяго лица обоихъ чиселъ. Въ Русскомъ оно стало въ большей части говоровъ почти необходимостью для всѣхъ трехъ лицъ обоихъ чиселъ.

«Употребленіе падежей безъ предлоговъ все болѣе ограничивается. Такъ между прочимъ въ Хорутанскомъ, Чешскомъ и особенно въ Лужицкомъ даже творительный, означающій орудіе, требуетъ передъ собою предлога съ (съ ножемъ рѣзать вмѣсто ножемъ рѣзать). Мѣстный безъ предлога сохранился только въ Лужицкомъ (Будишинѣ вмѣсто въ Будишинѣ). Дательный мѣста сохранился почти только въ горномъ Хорутанскомъ (Бѣляку вмѣсто къ Бѣляку, въ Бѣлякъ—in Villach). Въ Русскомъ безпредложный мѣстный падежъ сохранился только въ поговорочныхъ выраженіяхъ (напр. зимѣ, лѣтѣ, вмѣсто въ зимѣ, въ лѣтѣ, зимой, лѣтомъ).

«Употребленіе падежей самостоятельныхъ было не очень распространено въ Славянскомъ языкѣ: такъ между прочимъ только въ отношеніи къ Старославянскому и древнему Русскому не остается никакого сомнѣнія, что дательный самостоятельный употреблялся какъ форма необходимая. Въ старыхъ Чешскихъ памятникахъ есть случаи самостоятельнаго употребленія не только дательнаго, но и родительнаго (напр. въ Сгорѣльскихъ отрывкахъ Евангелія Іоанна: Iesus, pozdwiženyma očima w nebe,

Digitized by Google

rece. XVII, 1. — Otpočiwajícím dwěmanadceti učedlníkom pokazal sje jim Ježiš. Мар. XIV, 14; a ješče jich newěřícich ale diwucích pro weselé, wece jim. Лук. XXIV, 41); но ихъ такъ мало и употребленіе ихъ такъ принужденно, что едва ли не должно считать эти случаи слѣдствіемъ вліянія письменности Старославянской. Въ Русскомъ употребленіе дательнаго самостоятельнаго сохранялось еще въ XIV вѣкѣ, но уже не съ такою требовательностью какъ прежде, и теперь осталось въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ случайно (напр. въ западно-Малорусской пословицѣ: самому тебі в лісі, товариша не знайдеш: ясно, что при выраженіи самому тебі подразумѣвать должно причастіе будучу*).

Составъ всѣхъ Славянскихъ нарѣчій, въ томъ числѣ и Русскаго языка, измѣнялся постепенно все болѣе—съ одной стороны отъ утраты старыхъ корней и отъ замѣненія словъ произведенныхъ отъ нихъ, новыми словами, произведенными отъ корней, болѣе обычныхъ,—съ другой стороны отъ заимствованій изъ языковъ иностранныхъ. Утраты были впрочемъ вовсе не такъ велики, какъ можно думать, не обращая вниманія на богатства народнаго языка. Чѣмъ болѣе извѣстны становятся западныя Славянскія нарѣчія и нашъ народный языкъ, чѣмъ съ большею довѣренностью и отчетливостью прислушиваемся къ говору простого народа,—тѣмъ болѣе отыскиваемъ словъ и выраженій древнихъ, считавшихся утраченными, и тѣмъ менѣе можемъ сомнѣваться, что и другія, еще необъясненныя или вовсе неизвѣстныя и важныя для объясненія древняго быта, будутъ такъ же найдены въ той же неизчерпаемой сокровищницѣ—памяти народной. Утратъ болѣе кажущихся, чѣмъ дѣйствительныхъ: иныя слова, прежде измѣнявшіяся по разнымъ формамъ, остались неподвижными въ какой нибудь одной формѣ; иныя частицы, напр. предлоги: па, су, бе, ра, потерявъ

*) Въ Меж. записи Истр. 1325 г. есть дат. самост.: В то време господꙋюшꙋ кнезꙋ Албрехту. Ark. za pov. jugoslov. II. 232.

Digitized by Google

свое независимое значеніе, сохранились въ словахъ сложныхъ (пажить, сурожь, бесѣда, радуга) и т. п.

Разсматривая множество словъ, вновь образованныхъ, нельзя не обратить особеннаго вниманія на то, что, какъ въ западныхъ нарѣчіяхъ Славянскихъ, такъ едва ли даже не болѣе въ нашемъ Русскомъ, созидаются до сихъ поръ слова совершенно новыя, безъ всякого видимаго пособія прежнихъ общеупотребляемыхъ корней. Воображеніе народа творитъ ихъ внезапно, безотчетно, и между тѣмъ нерѣдко такъ удачно, такъ ловко выражая понятія, что, не смотря на свое какъ будто случайное появленіе, они остаются въ памяти народной и занимаютъ въ ней мѣсто между словами необходимыми. Въ минуты одушевленной бесѣды они срываются съ языка собесѣдниковъ такъ же невольно, какъ и всѣ другія слова, давно знакомыя; но производятъ впечатлѣніе сильнѣе другихъ, дѣлаются любимыми, расходятся изъ дома въ домъ, изъ села въ село, все далѣе, и потомъ — не одно изъ нихъ уже заставляло этимологовъ задумываться, отъ какихъ бы корней могли они произойти. Едва ли впрочемъ можно считать несомнѣннымъ, что всѣ такія слова—произведенія чистой случайности или личнаго воображенія тѣхъ, кто въ первый разъ ихъ высказалъ; нельзя по крайней мѣрѣ опустить изъ виду, что нѣкоторыя изъ такихъ словъ, какъ ни безотчетно срывались они съ языка, какъ ни были далеки своей звучностью отъ всѣхъ другихъ словъ, извѣстныхъ тому, кто ихъ произносилъ въ первый разъ, находили себѣ подобныя въ другихъ нарѣчіяхъ. Основываясь на этихъ извѣданныхъ примѣрахъ, надобно допустить возможность, что одно и то же такое слово въ одномъ или почти одномъ и томъ же смыслѣ, можетъ быть высказано нѣсколькими людьми въ разныхъ мѣстахъ, совершенно независимо и съ тѣмъ особеннымъ оттѣнкомъ звучности, который требуется характеромъ мѣстнаго выговора. Сверхъ такихъ словъ, какъ будто неизвѣстнаго происхожденія, вновь созидаемыхъ, созидается въ народѣ множество такихъ, которыя, будучи произведены отъ словъ общеизвѣстныхъ совершенно правильно, производятся все-

Digitized by Google

таки случайно для выраженія понятій, которыя они безъ особенной случайности не могли бы удержать за собою.

Что касается до словъ, занятыхъ отъ другихъ народовъ, то какъ ихъ ни много въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ Славянскихъ, число ихъ далеко не такъ велико, какъ можно думать, довѣряя нѣкоторымъ простодушнымъ составителямъ словарей: многія изъ нихъ считались занятыми только потому, что людямъ, поставившимъ ихъ въ это число, незнакомы были языки, изъ которыхъ они были ими выводимы. Сравненіе нарѣчій Славянскихъ привело бы ихъ совершенно къ другимъ заключеніямъ. Высшій классъ общества принималъ не всегда съ сопротивленіемъ слова и обороты чужіе; но и онъ—болѣе по требованію моды, по случайному увлеченію, очень часто только на время; массы народа, напротивъ того, постоянно уклонялись отъ этихъ заимствованій, а если брали чужое, то почти всегда передѣлывая сообразно съ характеромъ своего языка *).

Развитіе Русскаго языка на нарѣчія и говоры выражалось все болѣе и въ составѣ его такъ же, какъ и въ строѣ. Безспорно, что этому стремленію народнаго инстинкта къ мѣстному раздробленію языка мѣшало и все болѣе будетъ мѣшать стремленіе противуположное—обобщить языкъ, сдѣлать лучшую долю его богатства общимъ достояніемъ всѣхъ частей народа. И есть уже онъ, общій Русскій языкъ, и силенъ уже онъ своей духовной властью надъ всѣмъ народомъ, и все болѣе упрочиваетъ свое единовластіе всюду, даже въ тѣхъ краяхъ земли Русской, гдѣ мѣстные говоры рѣзко отступаютъ отъ его направленія. Тѣмъ не менѣе разнообразіе состава говоровъ въ разныхъ краяхъ и разныхъ классахъ народа ощутительно силь-

---

*) Разсматривая занятіе иностранныхъ словъ, надобно замѣтить и занятіе иностранныхъ формъ словообразованія. Вспомнимъ наше Русское ировать: вояжировать, меблировать, гармонировать. Это ир есть Нѣмецкое ir. Это ir занято было у Нѣмцевъ и Французами:

— Mais nul ne s'avançe de lui laidengier (beleidigir).

— Et quand Henry s'oy de Pietre laidengier (Cuvelier, Mort de Pierre le cruel).

Digitized by Google

но и поражаетъ наблюдателя своей мелочной пестротой. Есть цѣлыя массы словъ и выраженій, извѣстныхъ только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, между тѣмъ какъ равносильныя имъ по значенію и отличныя по звукамъ господствуютъ въ другихъ; есть цѣлыя массы словъ и выраженій, извѣстныхъ только людямъ одного класса, одного ремесла...

Къ числу очень замѣчательныхъ явленій въ исторіи народнаго Русскаго языка принадлежитъ образованіе такъ называемаго Афинскаго или Офёнскаго нарѣчія, почти совершенно непонятнаго по составу своему и совершенно правильнаго по строю. Употребляемое ходебщиками, странствующими продавцами, мастеровыми и извощиками, оно считается у насъ языкомъ, составленнымъ нарочно для того, чтобы можно было скрывать имъ свои мысли и намѣренія, языкомъ разбойниковъ, обманщиковъ и т. п. Едва ли это мнѣніе совершенно справедливо. Безспорно, что этотъ говоръ бываетъ употребляемъ и съ такою цѣлью; но такъ употребленъ можетъ быть всякій неизвѣстный языкъ, каково бы ни было его происхожденіе. Безспорно такъ же, что въ Офёнское нарѣчіе введены теперь и такія слова, которыя, происходя отъ Русскихъ корней, повторяютъ только ихъ въ вывороченномъ видѣ; но такихъ словъ въ сравненіи съ остальными не много. Съ другой стороны такъ же безспорно, что Офёнское нарѣчіе есть нарѣчіе мѣстное — Костромское и Владимирское, — что очень многія слова его въ общемъ ходу не только въ губерніяхъ Костромской, Ярославской, Владимирской и другихъ окрестныхъ, но и въ другихъ сѣверныхъ, а нѣкоторыя извѣстны въ разныхъ другихъ краяхъ, — что никто изъ знающихъ его не думаетъ скрывать его какъ тайну, такъ что и дѣти говорятъ по Офёнски, и всякому воля ему выучиться, лишь была бы охота, — что мошенники и разбойники не вели имъ никогда, сколько извѣстно, своихъ тайныхъ разговоровъ, а употребляли для того ломанный Татарскій языкъ. Всматриваясь же внимательно въ составъ Офёнскаго нарѣчія, нельзя не остановиться на такихъ словахъ, которыя были въ старомъ Русскомъ, или до сихъ поръ находятся въ другихъ

Digitized by Google

Славянскихъ нарѣчіяхъ, или же относятся къ древнѣйшему достоянію Европейскихъ языковъ. Въ немъ не одно слово заслуживаетъ вниманія филолога, — и жаль, если ни одинъ изъ нашихъ филологовъ, оставаясь при мнѣніи, что оно не стоитъ серьознаго вниманія, не захочетъ сдѣлать его предметомъ особеннаго изученія....

Возвращаясь отъ современнаго состоянія языка все далѣе назадъ въ вѣка прошедшіе, наблюдатель видитъ въ немъ тѣмъ менѣе признаковъ превращенія, чѣмъ онъ древнѣе. Въ первыя времена отдѣленія нарѣчій Славянскихъ этихъ признаковъ было мало, съ тѣмъ вмѣстѣ мало было и чертъ различія между нарѣчіями*). Еще одинъ шагъ назадъ—и всѣ нарѣчія не могутъ не представляться наблюдателю однимъ нераздѣльнымъ нарѣчіемъ.

VI.

Къ тому времени, когда нарѣчія Славянскія отличались одно отъ другого еще очень немногими чертами, принадлежатъ первые памятники письменности Славянской и первое начало образованія книжнаго языка. Вотъ почему съ такою легкостью распространялось у всѣхъ Славянъ христіанское ученіе, когда проповѣдывали его братья первоучители Константинъ и Меѳодій и ученики ихъ: они могли проповѣдывать на своемъ мѣстномъ нарѣчіи всюду, куда ни заходили, оставаясь всюду совершенно понятными. Вотъ почему и нарѣчіе это, разъ освященное Церковью, могло утвердиться какъ языкъ вѣры и науки

---

*) Башко, лѣтописецъ Польскій XIII в., говоритъ объ этомъ такъ: Sunt autem Slavorum multi modo genera linguarum se mutua intelligentia, licet in quibusdam vocabulis et pronunciatione verborum aliqualiter discrepare videantur, quae tam ab uno patre Slavo, unde et Slavi originem habuerunt, qui et huc usque isto nomine uti non obmittunt, videlicet Temislaus, Iaroslaus, Stanislaus, Venceslaus (Wiszn. VI, 360 пр. 486).

Digitized by Google

всюду, гдѣ этому не помѣшали обстоятельства внѣшнія. Стоило примѣнить его къ требованіямъ того или другого мѣстнаго нарѣчія въ отношеніи къ употребленію нѣкоторыхъ, очень немногихъ звуковъ и нѣкоторыхъ, очень немногихъ формъ и словъ,—и между нимъ и этимъ мѣстнымъ нарѣчіемъ не оставалось никакой разницы. Всего было легче утвержденіе Старославянскаго нарѣчія въ Русской письменности, потому что Русскій языкъ къ Старославянскому нарѣчію былъ гораздо ближе всѣхъ другихъ нарѣчій Славянскихъ и по составу, и по строю. Отъ этого, сколько ни мѣшались одинъ съ другимъ въ произведеніяхъ письменности элементы Старославянскій и чисто Русскій, языкъ этихъ произведеній сохранялъ свою правильную стройность всегда, когда вмѣстѣ съ элементомъ Старославянскимъ не проникалъ въ него насильственно элементъ Греческій—Византійскіе обороты рѣчи, Византійскій слогъ, и когда притомъ писавшій имъ былъ не чужестранецъ, не умѣвшій выражаться правильно по Славянски. Всего менѣе можно было ожидать полной стройности языка отъ переводовъ съ Греческаго и отъ сочиненій Грековъ; всего болѣе—отъ произведеній тѣхъ изъ Русскихъ, которые писали безъ старанія подражать языку переводовъ. Такъ какъ переводимо было болѣе, чѣмъ сочиняемо, и въ числѣ писавшихъ бывали нерѣдко Греки, то нѣкоторыя уклоненія отъ правилъ обще-Сла́вянской стройности языка не могли не войти въ обычай и не утвердиться въ языкѣ письменномъ. Эти уклоненія, сначала касавшіяся только слога, потомъ и нѣкоторыхъ правилъ словосочетанія, положили первое начало отдѣленію языка письменнаго отъ языка народнаго. Столько же важно было въ этомъ отношеніи и введеніе въ языкъ письменный словъ чисто Греческихъ и взятыхъ изъ книгъ Греческихъ, или буквально переведенныхъ со словъ Греческихъ, для выраженія тѣхъ понятій вѣры и науки, которыя не могли быть извѣстны народу. Впрочемъ до тѣхъ поръ, пока въ языкѣ народномъ сохранялись еще древнія формы, языкъ книжный поддерживался съ нимъ въ равновѣсіи, составлялъ съ нимъ одно цѣлое. Другъ другу они служили взаимнымъ дополненіемъ.

Digitized by Google

Народная чистота одного и ученое богатство другого были въ противоположности, но не болѣе какъ языкъ людей простыхъ и людей образованныхъ. Дѣйствительное отдѣленіе языка книгъ отъ языка народа началось уже съ того времени, когда въ говорѣ народа болѣе и болѣе стали ветшать древнія формы, когда языкъ народа сталъ рѣшительно превращаться въ строѣ своемъ. Языкъ въ народѣ измѣнялся и весь на всемъ своемъ пространствѣ, и по разнымъ мѣстностямъ, развиваясь на говоры и нарѣчія; а въ книгахъ вольно и невольно удерживался языкъ древній, неизмѣнный языкъ вѣры и Церкви. Писавшіе по книжному, хотя и позволяли себѣ вводить въ него слова изъ языка народнаго, но характеръ его строя, кромѣ употребленія звуковъ, оставляли почти совершенно неприкосновеннымъ, нарушали его только нечаянно, случайно, по безотчетной забывчивости. Его чистоту берегло болѣе духовенство, потому что имѣло болѣе нужды знать его какъ языкъ вѣры; его чистоту нарушали болѣе люди свѣтскіе, менѣе къ нему привыкавшіе, но и они нарушали ее не по волѣ, чтили его какъ языкъ вѣры, какъ языкъ высшей образованности, оттѣняли имъ свой живой народный языкъ не только на письмѣ, но и въ изустномъ разговорѣ, и вмѣстѣ боялись оттѣнками народнаго языка портить языкъ книги — тѣмъ болѣе, чѣмъ важнѣе былъ предметъ, о которомъ писали, чѣмъ нужнѣе казалось поддержать важность рѣчи. Прочное начало образованію книжнаго языка Русскаго, отдѣльнаго отъ языка, которымъ говорилъ народъ, положено было въ XIII—XIV вѣкѣ, тогда же какъ народный Русскій языкъ подвергся рѣшительному превращенію древняго своего строя. До XIII вѣка языкъ собственно книжный—языкъ произведеній духовныхъ, языкъ лѣтописей и языкъ администраціи былъ одинъ и тотъ же, до того, что и слово Луки Жидяты, и поученія Иларіона, и Русскую Правду, и Духовную Мономаха, и Слово Даніила Заточника, и Слово о полку Игоревомъ, и Грамоту Мстислава нѣкоторые позволяли себѣ считать написанными одинаково на нарѣчіи не Русскомъ, а Старославянскомъ. Если бы языкъ народный въ то время, когда были пи-

Digitized by Google

саны всѣ эти вещи, отличался отъ книжнаго, то онъ не могъ бы не показать себя хоть кое гдѣ своими особенностями—по крайней мѣрѣ на столько, на сколько народные языки западной Европы въ то же время показывали свои особенности въ книжномъ Латинскомъ. Въ XIV вѣкѣ языкъ свѣтскихъ грамотъ и лѣтописей, въ которомъ господствовалъ элементъ народный, уже примѣтно отдалился отъ языка сочиненій духовныхъ. Въ памятникахъ XV—XVI вѣка отличія народной рѣчи отъ книжной уже такъ рѣзки, что нѣтъ никакого труда ихъ отдѣлить. Эти отличія увеличивались сколько отъ удержанія въ книгахъ древняго строя языка, столько и отъ измѣненій, которымъ подвергался книжный языкъ независимо отъ народнаго. Не неподвижнымъ оставался языкъ книжный. Съ одной стороны, съ расширеніемъ круга литературной дѣятельности, трудно было писателю ограничиваться въ кругѣ понятій ученыхъ, для которыхъ прежде придуманы были приличныя выраженія: по образцу не народному, а Старославянскому, хотя и съ примѣненіемъ къ языку Русскому, постепенно составлялись новыя слова производныя и сложныя,—и число этихъ словъ увеличило съ теченіемъ времени составъ книжнаго языка на третью долю, если не болѣе. Съ другой стороны, въ слѣдствіе связей съ иностранцами, занимаемы были все болѣе слова и обороты изъ чужихъ языковъ, особенно изъ Латинскаго — одни съ примѣненіемъ къ характеру Русскаго языка, другіе цѣликомъ. Въ слѣдствіе всего этого языкъ книжный окончательно отдѣлился отъ народнаго. Время отдѣленія книжнаго языка отъ народнаго составляетъ первый періодъ его развитія.

Прежде окончанія этого перваго періода начался второй періодъ его развитія — періодъ его возвратнаго сближенія съ языкомъ народнымъ. Чѣмъ болѣе превращался языкъ живой народный, чѣмъ болѣе исчезали въ немъ изъ обычая и сознанія древнія формы; тѣмъ болѣе подъ его вліяніемъ терялъ свою древнюю систему языкъ книжный. Въ XVI вѣкѣ языкъ древній въ отношеніи къ народному былъ уже на такой степени противоположности, что только очень образованные писатели умѣли

Digitized by Google

владѣть имъ, не смѣшивая съ языкомъ народнымъ. Чѣмъ болѣе умножалось образованіе и письменность, чѣмъ болѣе яснѣла мысль обобщенія литературы; тѣмъ болѣе элементовъ языка народнаго, часто противъ воли книжниковъ, заходило въ языкъ книжный,—и тѣмъ легче были эти заимствованія, чѣмъ менѣе отзывались простонародностью. Изъ народнаго языка вошло въ книги постепенно очень много словъ для выраженія тѣхъ понятій народныхъ, которыя трудно было передать словами языка церковнаго. Изъ народнаго языка въ книжный заходили тоже и многіе обороты, тѣмъ съ большей легкостью, чѣмъ мѣнѣе твердо было у писателя знаніе языка церковнаго. Тогда вмѣсто одного языка книжнаго явилось два: одинъ — древній, оставаясь ненарушимымъ въ своемъ строѣ, только нѣсколько оттѣнялся отъ первоначальнаго своего вида вліяніемъ народнаго; другой—новый былъ смѣсью Старославянскаго съ живымъ народнымъ. А такъ какъ народный языкъ уже дѣлился на нарѣчія, то и этотъ новый книжный языкъ не могъ быть вездѣ одинъ и тотъ же, и тѣмъ болѣе удалялся отъ Старославянскаго, чѣмъ болѣе рѣзки становились черты мѣстныхъ отличій народнаго говора. Временное отдѣленіе Руси западной отъ восточной не могло, между прочимъ, не наложить печати на мѣстныхъ видоизмѣненіяхъ новаго книжнаго языка: въ XVI—XVII вѣкѣ его западное видоизмѣненіе, довольно ярко отдѣлилось отъ видоизмѣненія восточнаго. Потомъ, когда обѣ части Руси опять соединились въ одно цѣлое, когда почти вся масса Русскаго народа политически сосредоточилась въ Москвѣ, хотя и стали всѣ мѣстныя видоизмѣненія новаго книжнаго языка сближаться подъ однимъ вліяніемъ народнаго нарѣчія Великорусскаго; но это сближеніе могло происходить только медленно, и столько же медленно пріобрѣтало свои права на ународованіе книжнаго языка господствующее нарѣчіе Великорусское. Множество словъ и оборотовъ, хотя и образованныхъ Русскими, но по формамъ давно устарѣлымъ или по образцамъ чужимъ—Греческимъ, Латинскимъ, ино-Славянскимъ, успѣли укорениться такъ сильно въ книгахъ, что потомъ легче было

Digitized by Google

презрѣть равносильными имъ словами и оборотами живонародными, чѣмъ ими замѣнить вновь то, что было хотя и чуждо народу, но освящено давностью. Легче было дополнять языкъ книжный заимствованіями изъ языка народнаго, чѣмъ отвергать изъ книжнаго то, что уже считалось его принадлежностью. Побѣды народности шли и идутъ медленно: каждая отвергнутая форма, каждое отвергнутое слово стоило и стоитъ борьбы, иногда и долговременной и всегда болѣе или менѣе упорной. И между тѣмъ какъ все отвергнутое не трудно пересчитать, неотвергнутыми остаются цѣлыя громады. Было время, когда вопросъ о словахъ понеже, поелику, поколику и имъ подобныхъ дѣлилъ пишущихъ на двѣ противуположныя стороны, не шутя спорившія между собою, быть ли этимъ словамъ или не быть,—и тогда же лучшіе писатели, отвергавшіе эти слова, въ число законныхъ «вольностей поэтическихъ» позволяли себѣ включать употребленіе родительнаго падежа женскаго рода въ единственномъ числѣ на ыя, ія, ея (напр. кичливыя жены супругъ, онъ силы своея не знаетъ), и другія столько же устарѣлыя формы. Недавно такой же вопросъ возбудили слова сей и оный; а между тѣмъ тѣ, для которыхъ они сдѣлались совершенно невозможными, нисколько не задумываясь, употребляли слова, въ которыхъ, противно требованію языка народнаго, обычай книжный допустилъ щ и жд вмѣсто ч и ж или ре и ле вмѣсто ере и еле, оло (напр. рождество вмѣсто рожество, предъ вмѣсто передъ), и т. п. Въ такомъ родѣ были большею частью побѣды народности надъ языкомъ книжнымъ. Нельзя притомъ не замѣтить, что побѣды эти состояли болѣе въ отверженіи изъ языка книжнаго тѣхъ формъ и словъ, которыхъ не знаетъ народъ, чѣмъ во введеніи тѣхъ формъ и словъ, безъ которыхъ не можетъ обойтись языкъ народный и которыхъ не достаетъ въ языкѣ книжномъ. Такъ, между прочимъ, до сихъ поръ еще остаются въ изгнаніи слова ихный, неинъ, хоть ихъ и не чѣмъ замѣнить; такъ неправильностью считается сочетаніе дѣепричастія съ глаголомъ существительнымъ, столько употребительное въ сѣверномъ нарѣчіи Велико-

Digitized by Google

русскомъ. Побѣды народнаго языка надъ ненародною частью книжнаго были и есть тѣмъ тяжелѣе, что имъ мѣшало и мѣшаетъ вліяніе языковъ западной Европы: вмѣстѣ съ образованностью западно-Европейской переходили въ языкъ нашихъ высшихъ классовъ и книгъ слова и обороты чужіе, нужные и не нужные, и затрудняли его сближеніе съ языкомъ народнымъ. Эта отдѣльность языка книжнаго отъ народнаго при развитіи нарѣчій и распространеніи письменности и любви къ занятіямъ литературнымъ пробудила охоту къ попыткамъ употреблять въ книгахъ языкъ чисто народный. Явились и продолжаютъ являться въ разныхъ краяхъ Россіи писатели, которые стараются выражаться совершенно такъ, какъ говоритъ простой народъ; но ихъ усилія на книжный языкъ произвели до сихъ поръ вліянія не столько, какъ бы можно было ожидать, по крайней мѣрѣ потому что ихъ самихъ было мало. Въ слѣдствіе ихъ вліянія вошло въ книжный языкъ нѣсколько словъ, большею частью техническихъ, и нѣсколько поговорочныхъ выраженій, — не болѣе. Сила старыхъ книжныхъ привычекъ до сихъ поръ такъ сильна, что даже писатели, старавшіеся употреблять чисто народный языкъ, не могли и не могутъ оставаться въ кругѣ, ими для себя назначенномъ, и чуть только перестаютъ говорить по-мужицки, какъ нечаянно, противъ воли мѣшаютъ въ свой языкъ разныя мелочи изъ языка книжнаго. Такимъ образомъ новый періодъ исторіи книжнаго Русскаго языка, представляя рядъ побѣдъ народности живой надъ тѣмъ, что уже отжило, далеко еще не окончилъ своего цикла. Цѣль впереди, — и видна, и далека.

И точно ли то цѣль, что ею кажется? То, что ею кажется, не косвенное ли только ея отраженіе?.. По крайней мѣрѣ, сомнѣваться можно въ томъ, что весь ходъ побѣдъ народнаго языка надъ письменнымъ долженъ состоять только въ отверженіи словъ и грамматическихъ формъ, отвергнутыхъ народомъ, или ему неизвѣстныхъ. Указаніе однихъ только состязаній о словахъ и формахъ не можетъ наполнить всю исторію письменнаго языка въ его соотношеніи съ народнымъ. Она не мо-

Digitized by Google

жеть довольствоваться тѣснымъ кругомъ грамматики и лексикографіи; она должна обращать вниманіе на измѣненія языка письменнаго подъ зависимостью слога народнаго: на постепенное усиленіе требованій народнаго вкуса, народной реторики и піитики, требованій, несравненно болѣе законныхъ и понятныхъ, чѣмъ всѣ требованія реторикъ и піитикъ, вымышленныхъ книжниками. Рядъ этихъ побѣдъ Русскаго языка народнаго надъ ненароднымъ гораздо важнѣе, занимательнѣе и даже утѣшительнѣе. Уже въ періодѣ древнемъ народность боролась со вкусомъ Византійскимъ все болѣе удачно. Въ XVI—XVII вѣкѣ бореніе съ Латинскимъ вкусомъ было еще удачнѣе. Въ XVIII вѣкѣ началось вліяніе Германское, а позже, во второй половинѣ вѣка, Французское. То и другое было сильно, но было уже въ то время, когда образованность привлекала къ себѣ людей изо всѣхъ слоевъ народа, и, слѣдовательно, не могла не становиться все болѣе народною, своебытно Русскою. То и другое вліяніе новаго запада довершило упадокъ вкуса среднихъ вѣковъ, освободило вкусъ отъ ига несовременности и этимъ возбудило силы его противъ себя, само стало упадать все болѣе.... Цѣль побѣдъ вкуса народнаго, полное образованіе своебытнаго Русскаго слога въ книжномъ языкѣ еще впереди; цѣль эта далека, но видна, — и видна сама цѣль, а не призракъ. Глядя съ этой точки зрѣнія на исторію языка, нельзя не видѣть ея близкой связи съ исторіей литературы.

VII.

Съ судьбами языка всегда остаются въ близкой связи и судьбы словесности. Словесность народная, вездѣ и всегда составляющая принадлежность необходимую жизни народной у самыхъ необразованныхъ народовъ, хранимая памятью народа безъ пособія письменъ, принадлежащая къ преданіямъ народа какъ часть одной нераздѣльной единицы, неразрывно связана

Digitized by Google

съ языкомъ и народностью народа и совершенно зависитъ въ судьбахъ своихъ отъ тѣхъ условій, которымъ подлежатъ и судьбы языка народа, и всѣ главныя черты его народности. Ея исторія, будучи разсматриваема отдѣльно отъ исторіи языка народа, всегда оставаться будетъ наборомъ отрывочныхъ замѣчаній, которымъ можно дать только внѣшній порядокъ повременный, но не общій смыслъ. Словесность письменная, книжная, литература—какъ ее обыкновенно называютъ,—принадлежа не всему народу, а только части его, въ своихъ направленіяхъ и измѣненіяхъ можетъ подлежать многимъ условіямъ постороннимъ, внѣшнимъ, независимымъ отъ обстоятельствъ, подъ вліяніемъ которыхъ находится масса народа; но и она въ своемъ содержаніи и развитіи представлена быть не можетъ безъ языка, который избрала своимъ орудіемъ, и, если этотъ языкъ происходитъ отъ языка народнаго, можетъ быть разсматриваема исторически только вмѣстѣ съ исторіей языка. Старѣя по языку своему, она старѣетъ и по духу, и какъ бы ни были превосходны нѣкоторыя изъ ея созданій, на нихъ всегда остается отпечатокъ времени.

Тѣ же періоды, которые рѣзко отдѣляются въ исторіи Русскаго языка, нельзя не отдѣлить и въ исторіи Русской словесности. Періоду образованія народнаго языка Русскаго въ его древнемъ, первоначальномъ видѣ соотвѣтствуетъ періодъ первоначальнаго образованія народной словесности; періоду отдѣленія книжнаго языка отъ народнаго соотвѣтствуетъ періодъ отдѣленія книжной литературы отъ народной словесности; а періоду возвратнаго сближенія книжнаго языка съ народнымъ—періодъ сближенія книжной литературы съ народной словесностью.

Для исторіи древней народной словесности Русской прямыхъ, непосредственныхъ матеріяловъ менѣе, чѣмъ для исторіи народнаго Русскаго языка; тѣмъ не менѣе есть средства и пособія дать отвѣты по крайней мѣрѣ на главные изъ ея вопросовъ. Одно изученіе тѣхъ памятниковъ народной словесности, которые записаны въ прежнее время или сохраняются доселѣ въ памяти народной, изученіе внимательное ихъ характера, со-

Digitized by Google

держанія и формъ, подкрѣпленное знаніемъ древностей Русскихъ, представляетъ возможность уразумѣть главныя черты древней народной словесности Русской. Доказательства и объясненія выводовъ, которые могутъ быть сдѣланы въ слѣдствіе этого изученія, находятся съ одной стороны въ памятникахъ древней и старой книжной литературы нашей, съ другой—въ памятникахъ книжной литературы и народной словесности нашихъ западныхъ соплеменниковъ. Особенно важно сближеніе фактовъ, представляемыхъ памятниками народной словесности разныхъ Славянскихъ народовъ: факты эти, нисколько не противорѣча одни другимъ, дополняются одни другими взаимно, давая возможность изучать исторію Русской народной словесности съ общей Славянской точки зрѣнія. Разсматривая эти факты въ отношеніи къ языку, ихъ можно раздѣлить вообще на два отдѣла: одни касаются гармоніи языка, другіе—слога.

— Требованія гармоніи языка всего болѣе отразились въ сочетаніи слоговъ долгихъ и короткихъ, съ удареніями и безъ удареній, въ мѣрности рѣчи. Образованіе мѣрной рѣчи должно отнести къ тому же отдаленному времени, когда языкъ у всѣхъ Славянъ, еще не переходя въ періодъ превращеній, продолжалъ развитіе своихъ первоначальныхъ древнихъ формъ. Это можно заключать отчасти по древнимъ Чешскимъ памятникамъ IX—XIII вѣка, отчасти по сравненію разныхъ Славянскихъ пѣсенъ позднѣйшаго времени. Въ тѣхъ и другихъ главная идея о размѣрѣ стиха и сочетаніи стиховъ повторяется одна и та же. Древнѣйшій и у всѣхъ Славянъ одинаково распространенный эпическій стихъ заключаетъ въ себѣ десять слоговъ съ двумя удареніями, такъ что или къ каждому слогу, обозначенному удареніемъ, относится одинаково по четыре слога безъ удареній (напр. ужъ какъ п*а*лъ туманъ — на син*е* море), или же къ одному изъ слоговъ съ удареніемъ относится три, а къ другому пять слоговъ безъ ударенія (напр. Aj Wl'*t*awo—če mutiši w*o*du — Два се в*у*ка—у брълогу к*о*љу). Древнѣйшій и также у всѣхъ Славянъ распространенный лирическій стихъ заключаетъ въ себѣ шесть или восемь слоговъ тоже съ двумя удареніями, такъ что

Digitized by Google

къ каждому принадлежитъ по два или по три слога безъ удареній. Позже появились стихи съ тремя удареніями въ двѣнадцать и болѣе слоговъ и съ однимъ удареніемъ на четыре и пять слоговъ. Каждая стопа, т. е. каждая часть стиха, отмѣченная отдѣльнымъ удареніемъ и заключающая въ себѣ опредѣленное количество слоговъ, должна была быть и по содержанію отдѣльною частью мысли или фразы; съ окончаніемъ стопы должно было оканчиваться и слово. Мѣсто для слога съ удареніемъ сначала едва ли было опредѣленное: удареніе не могло быть только на первомъ и на послѣднемъ слогѣ стопы. Впрочемъ къ древнимъ чертамъ развитія Славянскаго стиха должно отнести стараніе помѣстить удареніе какъ можно ближе къ серединѣ стопы: такъ въ Русскомъ эпическомъ стихѣ слогъ съ удареніемъ издавна ставится въ серединѣ между двумя парами слоговъ безъ удареній. На томъ же условіи соотвѣтствія, по которому въ одномъ и томъ же стихѣ могла быть одна стопа о четырехъ, а другая о шести слогахъ, образовалось также издревле сочетаніе паръ стиховъ, изъ которыхъ въ одномъ восемь, а въ другомъ шесть, или же въ одномъ семь или шесть слоговъ, а въ другомъ пять или четыре и т. п. Вмѣстѣ съ парованьемъ стиховъ положено начало куплетамъ: два равные стиха составляли сами по себѣ куплетъ, такъ что къ каждому стиху относилась половина музыкальнаго напѣва; два неровные стиха сочетавались съ такою же другою парою неровныхъ стиховъ, и въ такомъ случаѣ на половину напѣва приходилось по два стиха. Дальнѣйшее развитіе формъ куплетовъ принадлежитъ къ позднѣйшему времени. Изъ этого надобно исключить только употребленіе припѣвовъ, которые издревле были въ обычаѣ не только при окончаніи куплета, но и каждаго стиха, и даже каждой стопы. Нѣкоторые изъ этихъ припѣвовъ сочетавались послѣдними своими звуками съ послѣдними звуками той части стиха, за которою повторялись: это положило начало употребленію риѳмъ. Нельзя сказать, что риѳма *) есть изобрѣтеніе

*) Руд. Гольцапфель (Ueber den Gleichklang bei Homer v. Rudolf Holzapfel. Berlin 1851, 8: 41) доказываетъ, что Гомеру были

Digitized by Google

новое: въ древнѣйшихъ пословицахъ Славянскихъ, сохранившихся у многихъ Славянъ въ одномъ и томъ же неизмѣнномъ видѣ, видимъ риѳмы; въ сказочныхъ присказкахъ, неизмѣняемыхъ по волѣ разсказчика, всюду повторяемыхъ дословно, тоже встрѣчаются риѳмы *). Тѣмъ не менѣе риѳмованіе стиховъ въ пѣсняхъ есть явленіе позднее: многіе Славяне до сихъ поръ или совсѣмъ не знаютъ обычая украшать стихи своихъ пѣсень риѳмами, или употребляютъ риѳмы очень рѣдко. У Великоруссовъ и у всѣхъ югозападныхъ Славянъ употребленіе риѳмъ очень мало обычно; у Малоруссовъ и у Славянъ сѣверозападныхъ, за исключеніемъ Сербовъ-Лужичанъ, риѳмы очень употребительны, но и у нихъ не вездѣ: такъ между прочимъ большая часть пѣсень обрядныхъ у всѣхъ народовъ Славянскихъ остается безъ риѳмъ. — До какой степени въ древнее время имѣло участіе въ размѣрѣ употребленіе гласныхъ долгихъ, опредѣлить трудно; но сомнѣваться нельзя, что оно было издавна и въ послѣдствіи времени развилось очень сильно — и въ стихахъ, и еще болѣе въ мѣрной прозѣ. Это заключать можно по тому, что даже въ прежнихъ памятникахъ (напр. въ нѣкоторыхъ поэмахъ Чешской Краледворской рукописи) вмѣстѣ со стихами правильно десятисложными попадаются довольно часто стихи менѣе и болѣе чѣмъ въ десять слоговъ: стихи менѣе чѣмъ въ десять слоговъ, перемѣшанные съ десятисложными, показываютъ, что въ нихъ слоги долгіе получали значеніе двухъ или трехъ короткихъ; а стихи болѣе чѣмъ въ десять слоговъ вмѣстѣ съ десятисложными могли быть допускаемы только въ такомъ случаѣ, когда нѣсколько слоговъ короткихъ можно было считать какъ бы за одинъ слогъ. Мѣрная проза старинныхъ сказокъ у всѣхъ Славянскихъ народовъ представляетъ столько же осязательное доказательство тому, что въ размѣрѣ у Славянъ издавна принято было въ разсчетъ различіе слоговъ дол-

---

риѳмы извѣстны, что риѳму должно считать одной изъ важныхъ принадлежностей всякой первообразной поэзіи.

*) Слав. риѳм. XI вѣка: Чьгле кривaи главо пиши право. Сл. Григ. Наз. 101 л. об. подъ страницею.

гихъ и короткихъ; на основанiи возможности уравнивать по нѣскольку слоговъ короткихъ съ однимъ долгимъ, образовывались мѣрныя фразы сказочнаго разсказа, равныя одна другой по размѣру, хоть и очень различныя по количеству слоговъ. Различенiе короткости и долготы слоговъ развилось мало по малу въ языкѣ такъ же какъ и въ музыкѣ, гдѣ одинъ и тотъ же отдѣльный звукъ можетъ имѣть значенiе и цѣлаго такта, и четверти его, и шестнадцатой доли, и болѣе. Такую мѣрную прозу, въ добавокъ еще и риѳмованную и правильно подчиненную музыкальному напѣву, видимъ въ Малорусскихъ «думахъ», въ Сербскихъ «нарицаньяхъ» надъ умершими, въ нѣкоторыхъ Хорутанскихъ «пѣваньяхъ» и пр.—Свобода не соблюдать въ стихахъ пѣсень опредѣленнаго количества слоговъ на опредѣленное количество ударенiй вмѣстѣ со свободой не соблюдать мѣрной рѣчи въ пересказѣ сказокъ, увеличивалась все болѣе, увеличивалась одновременно съ отдаленiемъ языка отъ своего первообразнаго древняго вида, — и языкъ народной словесности, удаляясь отъ древнихъ условiй гармонiи, все болѣе сближался съ языкомъ простого, обыденнаго разговора. Въ слѣдствiе этого сдѣлались возможными такiя народныя пѣсни, которыя отличаются отъ обыкновенной разговорной рѣчи только музыкальнымъ напѣвомъ, и въ которыхъ выраженiя по своей формѣ такъ мало зависятъ даже отъ напѣва, что одну и ту же пѣсню можно прилаживать къ напѣву и такъ, и иначе, и вставляя слова, и выпуская, и мѣняя ихъ порядокъ. У Хорутанъ между прочимъ нѣкоторыя «пѣванья» поются такъ произвольно, что самые напѣвы отъ этого теряютъ свою мѣрность: одинъ тактъ поется скорѣе, другой медленнѣе, иные такты опускаются, другiе прибавляются. То же самое видимъ и въ пѣсняхъ нашихъ Русскихъ слѣпцовъ: въ нѣкоторыхъ остаются едва замѣтные остатки прежней стройности напѣва; въ другихъ на память о ней осталось только то, что онѣ не просто говорятся, а напѣваются, между тѣмъ какъ въ этомъ напѣванiи нѣтъ уже ни малѣйшихъ слѣдовъ мелодiи.

— Подобное превращенiе замѣчаемъ и въ слогѣ произве-

Digitized by Google

деній народной словесности. Разсматривая ихъ, въ отношеніи къ слогу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ содержанію, въ томъ видѣ, какъ они представляются теперь у разныхъ Славянскихъ народовъ, замѣчаемъ, что ихъ вообще два рода: одни отличаются эпической важностью изложенія, художественнымъ достоинствомъ образовъ и выраженій, другія напротивъ того—шутливостью, нерѣдко переходящею всѣ границы приличій, какъ ихъ понимаетъ самъ народъ, или даже безобразностью образовъ и выраженій. Тѣ первыя остаются собственностью всего народа, обоихъ половъ, и повторяются или слушаются стариками всегда одинаково, съ такою же любовью, какъ и молодежью; эти вторыя слышны болѣе тамъ, гдѣ народъ позволяетъ себѣ не соблюдать привычныхъ условій приличій выраженія. У нѣкоторыхъ Славянъ болѣе первыхъ и менѣе послѣднихъ, у другихъ напротивъ; но не всегда такъ было. Чѣмъ гдѣ болѣе первыхъ, тѣмъ тамъ болѣе процвѣтаетъ народная словесность, все болѣе обогащаясь памятниками достойными вниманія образованныхъ людей, и съ тѣмъ вмѣстѣ болѣе удержались вообще нравы и обычаи старой народности; а гдѣ ихъ менѣе, тамъ народъ менѣе любитъ свою народную словесность, бѣднѣе въ ней памятниками, нелишенными художественнаго смысла, и сохранилъ менѣе чертъ своей племенной обще-Славянской народности. Изъ этого одного можно заключать, что прежде, когда всюду у Славянъ народные нравы и обычаи не были подвержены вліянію чуженародности, всюду у Славянъ господствовало эпическое достоинство въ произведеніяхъ народной словесности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и народная словесность была богаче, необходимѣе для народа. То же самое доказывается и уцѣлѣвшими древними памятниками народной словесности Славянской, и историческими напоминаніями о нихъ. Такъ изъ лѣтописей Чешскихъ и изъ памятниковъ Чешской письменности IX—XIII вѣка знаемъ, что Чехи были въ то время богаты народными эпопеями, въ которыхъ эпическое достоинство содержанія и изложенія своею художественностью во всякое время могло бы удовлетворить самому прихотливому требованію образованнаго

Digitized by Google

художника; теперь же Чехи въ отношеніи къ народной словесности бѣднѣе всѣхъ другихъ Славянъ: Чехъ мало и поетъ, мало и разсказываетъ, мало припоминаетъ и пословицъ, и тѣмъ, что поетъ и припоминаетъ въ разсказѣ, рѣдко можетъ порадовать художественный смыслъ и свой, и другого Славянина. А между тѣмъ сѣверный сосѣдъ Чеха, Сербъ-Лужичанинъ, сохранившій болѣе народности, хотя и болѣе Чеха образованный, все еще любитъ свои поэтическіе напѣвы и разсказы, не можетъ жить безъ нихъ, и не смотря на то, что многое уже утратилъ изъ памятниковъ своей народной словесности, все еще богатъ ими, и дорожитъ въ нихъ эпическимъ достоинствомъ. Хорутанскій Словенецъ и Карпатскій Словакъ также дорожатъ остатками своихъ старинныхъ эпопей; по этимъ остаткамъ можно судить, что ихъ эпопеи были столько же прекрасны, какъ и древнія Чешскія. У Поляка уже нѣтъ ихъ и въ остаткахъ; но изъ лѣтописцевъ знаемъ, что онѣ были, и что въ нихъ сохраняла память народа были отдаленной древности. Сербы богаты эпопеями еще и теперь, изумляя множествомъ ихъ и художественностью содержанія и слога всякого, кто сколько нибудь привыкъ понимать значеніе народной словесности и поэзіи вообще. Эпическая народная словесность Русская достойна неменьшаго вниманія: теперь она не такъ строго подчинена условіямъ мѣры стихотворной, богаче произведеніями, сложенными мѣрною прозой, чѣмъ правильными стихами; но древній характеръ слога въ ней все еще виденъ, а содержаніемъ своимъ она обнимаетъ почти всѣ періоды исторіи народа. Какъ у Русскихъ, такъ и у другихъ Славянъ, сохранившихъ менѣе или болѣе любовь къ народной эпопеѣ, сохраняется въ той же мѣрѣ достоинство эпическаго слога и въ другихъ пѣсняхъ. Напротивъ того, чѣмъ гдѣ менѣе любви къ эпопеѣ, тѣмъ менѣе тамъ въ народной словесности и того достоинства изложенія, той отчетливости въ выборѣ словъ и выраженій, которою дорожитъ народъ, любящій свою словесность, какъ одинъ изъ необходимѣйшихъ элементовъ своей нравственной жизни. Удаленіе языка народной словесности отъ условій, сохраняющихъ въ

Digitized by Google

немъ его эпическое достоинство, приближеніе къ обыкновенному простому разговору — такъ же важно, какъ и удаленіе языка ея отъ условій гармоніи, отъ правильности размѣра. Нельзя при этомъ не замѣтить факта, повторяющагося въ исторіи всѣхъ народовъ: народы, у которыхъ языки еще не пережили періода превращенія своихъ древнихъ формъ, сохраняютъ вмѣстѣ съ древними формами языка своего и мѣрность его, и важность изложенія даже въ простомъ разговорѣ. Въ послѣдствіи, съ утратами древнихъ формъ языка, тратятся постепенно и условія мѣрности, и тотъ важный слогъ, который, не смотря на различіе вліяній климата, народнаго темперамента и другихъ обстоятельствъ, дѣйствующихъ на развитіе народа, вездѣ видимъ въ древнихъ памятникахъ словесности народной. Такъ и въ древней Русской словесности народной должно было господствовать эпическое достоинство слога, гармонировавшее съ правильностью размѣра. Оно выражалось, какъ и въ древней словесности другихъ Славянскихъ народовъ, живописностью, приличіемъ и отчетливою полнотою отдѣльныхъ выраженій; оно выражалось и плавностью общаго склада рѣчи. Свобода опущенія союзовъ, связывающихъ предложенія въ періоды, и свобода употребленія предложеній сокращенныхъ допускалась такъ же, какъ и передача словъ разныхъ лицъ, нестѣсняемая необходимостью обозначать, кто именно говоритъ то, что говорится; но и то и другое далеко не въ той мѣрѣ, какъ стало послѣ. Складъ рѣчи не представлялъ тѣхъ долгихъ періодовъ, которые потомъ вошли въ обычай въ языкѣ книгъ; но не было въ обычаѣ вести рѣчь тѣми отрывочными предложеніями, которыхъ употребленіе сдѣлалось такъ обще тогда, когда плавность эпическаго слога подчинилась вліянію слога разговорнаго. До насъ не дошло — сколько до сихъ поръ извѣстно — произведеній древней народной словесности нашей въ неизмѣненномъ видѣ; но и изъ тѣхъ сокращеній ихъ, которыя сохранились въ лѣтописяхъ и повѣстяхъ, и изъ тѣхъ передѣлокъ ихъ, которыя сберегла память народная и старинные книжники, можемъ судить, что въ Русскомъ народѣ было умѣнье выбирать достой-

Digitized by Google

ные предметы и содержаніе для народныхъ эпопей, и что въ нихъ было гдѣ развиться искусству слога. Что это древнее основаніе было прочно, это доказываютъ и созданія народной словесности послѣдующаго времени — XVI и XVII вѣка, — Великорусскія «былины» о временахъ Іоанна Грознаго и Самозванцевъ и Малорусскія «думы» о событіяхъ Уніатской войны. Менѣе художественности изложенія и слога видимъ въ созданіяхъ новыхъ, также какъ менѣе и правильности размѣра.

Несомнѣннымъ считать можно, что въ то время, когда началась на Руси письменность христіанская и книжная литература, народная словесность Русская была столько же богата содержаніемъ и жизненной силой, сколько и языкъ—древними формами и силой выражать народныя думы и были словомъ мѣрнымъ и изащнымъ. И какъ не имѣла нужды письменность чуждаться формъ народнаго языка, такъ не имѣла она нужды чуждаться и формъ народнаго слога: слогъ и языкъ были одинаково сообразны съ требованіями ея приличій. Не только въ подлинныхъ произведеніяхъ Русскихъ книжниковъ, но и въ переводахъ, чѣмъ они древнѣе, тѣмъ болѣе видимъ народности въ выраженіи мыслей и образовъ. Менѣе всего была возможна народность слога въ переводахъ произведеній духовной литературы; но и въ нихъ встрѣчаются иногда покушенія сохранить ее. Болѣе народности слога видимъ въ поученіяхъ нашихъ древнихъ учителей — тамъ, гдѣ они не передавали дословно чужихъ мыслей и выраженій. Еще болѣе въ такихъ произведеніяхъ, какъ поученіе Владиміра Мономаха, Слово Даніила Заточника, Хожденіе Даніила Паломника и т. п. Всего болѣе въ лѣтописяхъ и повѣстяхъ. Въ лѣтописяхъ она тѣмъ болѣе сильна, чѣмъ подробнѣе пересказаны событія, чѣмъ болѣе могъ лѣтописецъ увлекаться своимъ разсказомъ. Тою же народностью проникнутъ слогъ и Слова о полку Игоревомъ, хотя на него и налегла въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рука книжника позднѣйшаго времени, какъ налегала она не разъ и на разсказы лѣтописные. Въ повѣсти о побоищѣ Мамаевомъ видимъ уже бореніе народнаго слога съ искусственнымъ книжнымъ, въ по-

Digitized by Google

вѣсти объ осадѣ Пскова—полную побѣду послѣдняго. Стараніе книжниковъ удержать въ книгѣ древній языкъ, поведшее за собою удаленіе книжнаго языка отъ народнаго, повело за собою и удаленіе отъ народнаго слога. А такъ какъ творенія отцевъ Церкви и Греческихъ богослововъ и ученыхъ не могли не цѣниться болѣе произведеній домашнихъ, такъ какъ образцовъ и языка и слога въ то время, какъ языкъ книгъ отсталъ уже отъ народнаго, не могли не искать въ переводахъ этихъ твореній, такъ же слабо отразившихъ на себѣ древнюю народность слога, какъ усильно передававшихъ слогъ подлинниковъ; то въ книжной литературѣ Русской не могъ не укореняться все болѣе слогъ не-Русскій. Этимъ преобладаніемъ требованій литературы Греческой въ книжной литературѣ среднихъ вѣковъ, все болѣе утверждавшимся, объясняется и то отсутствіе въ ней стихотворнаго отдѣла, которымъ она такъ отличается отъ литературъ западныхъ того времени. Съ одной стороны, въ Византіи не цвѣло стихотворство, стихотворцевъ-художниковъ не было: не было ихъ между книжниками и тамъ, гдѣ господствовало вліяніе Византійской литературы. Какъ не было литераторовъ-стихотворцевъ на Руси, такъ не было ихъ и у Сербовъ православныхъ, и у Болгаръ, между тѣмъ какъ у Сербовъ въ приморьи Адріатическомъ разцвѣло стихотворство уже въ XV вѣкѣ. Изъ этого не слѣдуетъ заключать, что и у Сербовъ, и у Болгаръ, и у насъ не было прежде любви къ стихамъ въ народѣ: пѣсни пѣлись болѣе чѣмъ послѣ, въ нихъ повторялись и дѣла давно минувшихъ дней, преданья старины глубокой, и событія современныя; но книжной литературѣ, организованной въ своемъ составѣ по мѣркѣ Византійской, до нихъ не было дѣла. Съ другой стороны, — между тѣмъ какъ размѣръ Русскаго народнаго стиха не могъ въ ней казаться приличнымъ, не могъ тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе отдѣлялся языкъ и слогъ этого стиха отъ языка и слога книжной прозы, — не могли утвердиться въ ней и размѣры стиха, допущенные піитикой Византійской: они были слишкомъ не народны, слишкомъ дики для смысла Русскаго человѣка. Какъ не могла Русская

Digitized by Google

литература допустить изъ народной словесности ничего, что явно противорѣчило требованіямъ литературы Византійской, такъ не могла она допустить и изъ Византійской того, что явно противорѣчило народному вкусу. Были, правда, попытки подражать и Греческимъ стихамъ, но попытки слабыя, увлекшія очень немногихъ. До XVI — XVII вѣка литература Русская оставалась безъ стихотворнаго отдѣла. Только съ ослабленіемъ Византійскаго вліянія на нашу литературу могло прекратиться въ ней отреченіе отъ стихотворнаго лада: только въ слѣдствіе сближенія Русской литературы съ западной Европейской, гдѣ господствовали размѣры стиховъ болѣе сходные съ нашимъ народнымъ, и гдѣ болѣе было развито искусство пользоваться ими для произведеній поэзіи, могло возродиться стихотворное направленіе въ нашей литературѣ.

Непитаемая народной почвой, литература Русская, вмѣстѣ съ языкомъ своимъ, отчудилась отъ народа; удаленная отъ современности въ отношеніи къ развитію понятій о требованіяхъ вкуса, оставаясь неизмѣнно при однихъ и тѣхъ же образцахъ, и вмѣстѣ съ твореніями, которыя навсегда сохранятъ свое художественное достоинство, считая за образцы такія произведенія, въ которыхъ изложеніе и образъ выраженія только въ силу давней привычки могли казаться достойными подражанія, она остановилась въ своемъ развитіи. Такъ долженъ былъ окончиться для нея первый періодъ, вмѣстѣ съ первымъ періодомъ исторіи книжнаго языка...

И какъ для языка, такъ и для литературы, прежде окончанія этого періода, начался новый — періодъ ея возвратнаго сближенія съ народнымъ вкусомъ, съ условіями народной словесности. Между тѣмъ какъ въ народѣ все болѣе распространялась образованность,—все болѣе пробуждалась и потребность литературы, которая была бы народу своя и по духу и по языку. Безсознательно стали нѣкоторые ученые вводить народный элементъ въ языкъ книжный; такъ же безсознательно вводили вмѣстѣ съ народнымъ языкомъ въ литературу и народную мысль. Тому и другому мѣшало отчасти сближеніе съ за-

Digitized by Google

падомъ... Вліяніе Византійское еще не окончилось, какъ началось вліяніе западной литературы: сначала новая Латинская, позже Нѣмецкая, еще позже Французская и Англійская литература подчинили нашу литературную дѣятельность своимъ требованіямъ до такой степени, что не только въ XVII — XVIII вѣкѣ, но даже и позже, даже еще и недавно считалось у насъ необходимымъ слѣдовать этимъ требованіямъ, какъ безусловнымъ законамъ, и считать въ литературѣ позволеннымъ только то, что не нарушало ихъ, и все, что ими дозволяемо было. Какъ прежде не могло не казаться дикимъ и противозаконнымъ всякое нововведеніе, нарушавшее силу вѣками утвержденныхъ правилъ изложенія и выраженія; такъ послѣ дико и противозаконно стало—не измѣнять своихъ понятій объ искусствѣ писать, сообразно модѣ, на короткій срокъ утверждавшей свое господство на западѣ. Это пристрастіе къ модамъ литературнымъ, раждающимся и умирающимъ внѣ всякого соотношенія съ развитіемъ нашихъ домашнихъ понятій о народности и условіяхъ вкуса или нашей народной образованности, это пристрастіе къ чужому западному въ литературѣ остается у насъ еще и теперь. Но и теперь, и прежде оно мѣшало развитію народнаго вкуса только до нѣкоторой степени. Во вліяніи запада и то уже было въ пользу развитія нашей литературы, что оно утверждало въ ней силу современности. При томъ же это не было вліяніе одного какого нибудь народа, а соединеніе нѣсколькихъ различныхъ вліяній, взаимно одно другое ослаблявшихъ. Съ развитіемъ образованности народной, каждое изъ нихъ все болѣе примѣняемо было ко вкусу народному и вызывало его коснѣвшую силу къ дѣятельности. Новая мода убивала силу вліянія, защищаемаго прежней модой, но убивала только силу изчужа пришедшую, а не ту долю народнаго вкуса, которая пробуждена была ею къ жизни. По этимъ частнымъ долямъ вкусъ народный проникалъ все болѣе въ литературу, такъ же какъ по частнымъ долямъ, медленно и однако все болѣе проникалъ въ книги языкъ народный. Усиленіе народности языка и слога, вкуса и понятій было въ литературѣ

Digitized by Google

нашей одновременно. И какъ ни далеки другъ отъ друга кажутся вопросъ о развитіи литературы и вопросъ о развитіи языка, тутъ они сходятся въ одинъ нераздѣльный. Главныя эпохи нашей новой литературы, эпохи Прокоповича и Кантемира, Ломоносова и Сумарокова, Державина и Фонъ-Визина, Карамзина и Крылова, Жуковскаго и Пушкина—это эпохи развитія народности въ книжномъ языкѣ болѣе даже чѣмъ эпохи усовершенствованія литературы по ея содержанію, эпохи развитія народности литературнаго языка въ отношеніи къ словамъ и оборотамъ, къ складу и слогу и т. п. Переходя съ одной изъ этихъ эпохъ на другую, наша литература восходила какъ по ступенямъ все выше къ своей цѣли. Цѣль еще впереди,—и далека, но видна. Увлеченіе западомъ остываетъ; сознаніе своихъ собственныхъ силъ зрѣетъ все болѣе. Подражать чужому, какъ прежде подражали, мы уже не можемъ, не умѣемъ. Наша ученость и наша беллетристика, наши взгляды на предметы науки и искусства похожи на западные, но отличаются отъ нихъ — такъ же какъ и народность наша отличается отъ западной. Часто противъ воли нашей, мы остаемся тѣмъ, чѣмъ созданы, безсильно стараясь быть инымъ, и возвышаемся къ самобытности, нимало не поддерживая себя подпорой, на которую стараемся опираться. Еще народный Русскій складъ рѣчи не считается годнымъ для важныхъ истинъ науки, еще народный Русскій размѣръ слишкомъ простъ для высокой поэзіи; но и тотъ и другой уже получили законность въ литературѣ, уже стали необходимы. Достигнувши самобытности въ литературномъ языкѣ, мы достигнемъ самобытности и въ литературномъ вкусѣ, — и будемъ наконецъ имѣть свою Русскую литературу — не по одному звуку, но и по духу. Само собою разумѣется, что какъ странно, не возможно, не должно достигать въ книжномъ языкѣ полной простонародности словъ и оборотовъ, отвергая отъ него все, чего нѣтъ въ языкѣ простого народа, и вводя все, что въ немъ есть; такъ странно, не возможно, не должно ограничивать и кругъ литературныхъ идей только тѣмъ, что не чуждо въ

Digitized by Google

этомъ отношеніи народу. Останется и вновь прибавится въ нашемъ книжномъ языкѣ, чего не было и не будетъ въ языкѣ простого народа—и все таки онъ будетъ народнымъ по духу, вполнѣ Русскимъ; останется и вновь прибавится и въ содержаніи литературы нашей, чего не было и не будетъ въ изустной словесности простого народа, — и все таки она будетъ народною по духу, вполнѣ Русскою — будетъ, когда языкъ ея сдѣлается народнымъ.

Теперь мы въ счастливой порѣ пути къ этой желанной цѣли. Нѣтъ въ литературѣ нашей дѣятелей геніальныхъ, одинаково и сильно даровитыхъ, и образованныхъ, и неусыпныхъ къ труду, каковы были въ свое время Прокоповичь, Ломоносовъ, Карамзинъ; но есть много дѣятелей, приготовляющихъ своею дѣятельностью поприще для преемника этихъ исполиновъ нашей литературы. Дѣятельность литературная все болѣе получаетъ характеръ отчетливости, сознательности, стройности. Стройности мѣшаетъ, конечно, съ одной стороны — вольное и невольное отрѣшеніе большей части ученыхъ литераторовъ отъ старанія привлекать къ себѣ общее вниманіе, съ другой стороны—вольное и невольное отрѣшеніе большей части литераторовъ-беллетристовъ отъ старанія писать не для одного дня, отъ увлеченія своимъ дѣломъ, какъ дѣломъ самаго тяжелаго изъ художествъ. Одни пишутъ менѣе и медленнѣе, чѣмъ бы должны были и могли, будто жалѣя разставаться съ трудомъ привычнымъ; другіе гораздо болѣе и скорѣе, торопясь оканчивать начатое и будто боясь не начать неначатаго. Стройности мѣшаетъ и недостатокъ критики: кто бы могъ быть судьею, часто молчитъ; кто, безъ обиды себѣ, самъ себя можетъ считать внѣ права судьи, часто судитъ съ полною рѣшимостью рѣшать дѣло своимъ приговоромъ. Все однако нельзя не видѣть стройности въ дѣятельности литературной. Произведенія долголѣтнихъ трудовъ выходятъ одни за другими постоянно и все чаще; принимаются иногда холодно, оцѣняются иногда легкомысленно, но это не ослабляетъ дѣятельности преданныхъ

Digitized by Google

такимъ трудамъ. Произведенія легкія, какъ ни спѣшно пишутся, пишутся не рѣдко съ той внимательностью, которая не далека отъ художническаго навыка и старанія искать лучшаго. Пишутъ не всѣ, кто можетъ, и не всякій можетъ, кто пишетъ; но иначе и не можетъ быть тамъ, гдѣ въ обществѣ литература сдѣлалась потребностью, и вмѣстѣ развились литературныя понятія: сила потребности не можетъ не возбуждать охоту трудиться въ непризванныхъ, а сила требованій не можетъ не отвлекать отъ труда и призванныхъ, если они не увѣрены въ своемъ умѣньи угодить этимъ требованіямъ. Съ каждымъ годомъ выступаютъ на поприще дѣятельности литературной новые ряды молодыхъ людей, у которыхъ дарованія подкрѣпляются основательной образованностью, знаніемъ языковъ и литературъ иностранныхъ... Литературныя мнѣнія въ обществѣ упрочиваются... Всего утѣшительнѣе въ нашей современной литературѣ направленіе ученое, все болѣе въ ней укореняющееся и помогающее развитію нашей народной науки Русской. Русская исторія, памятники Русской древности и старины, памятники Русской народности, народная Русская словесность, исторія Русской литературы несравненно болѣе всего другого обращаютъ на себя вниманіе и литераторовъ, и слѣдящихъ за литературой. Не могъ внѣ этого вниманія остаться и Русскій языкъ—для однихъ какъ орудіе литературы, для другихъ какъ предметъ науки. Академія не напрасно поспѣшила изданіемъ словаря, въ которомъ всѣ нуждались,—и дѣятельно продолжаетъ свои труды, зная, какъ они необходимы при современномъ состояніи литературы; а между тѣмъ постоянно появляются труды частные, обогащающіе новыми матеріалами и изслѣдованіями науку Русскаго языка. Не забыта между прочимъ и исторія Русскаго языка. Карамзинъ первый указалъ на эту часть Русской науки. Востоковъ, Калайдовичь, Гречь, Рейфъ, Павскій, Давыдовъ, Полевой, Надеждинъ, Погодинъ, Шевыревъ, Снегиревъ, Сахаровъ, Бередниковъ, Катковъ, Буслаевъ, Аксаковъ и другіе содѣйствовали къ развитію понятій о ней—одни изданіемъ памятниковъ языка, другіе замѣчаніями о развитіи его

Digitized by Google

строя и состава. Запасъ пособій для исторіи Русскаго языка уже довольно великъ; онъ все болѣе увеличивается подъ покровомъ правительства, заботящагося объ изданіи памятниковъ отечественной старины; — и въ то время, когда вся Русская наука вызывается къ свѣту постоянно возрастающимъ къ ней сочувствіемъ общества, исторія Русскаго языка, какъ необходимая часть Русской науки, не можетъ остаться въ тѣни. Время для ея обработки настало,—и не напрасны будутъ усилія всякого, кто съ любовью посвятитъ ей свое время, знанія и дарованія. Не напрасны, потому что для однихъ предварительныхъ трудовъ по исторіи Русскаго языка надо много времени и много дарованій. Труды эти разнообразны и не для всякого легки, требуютъ много навыка и терпѣнія, много внимательности и осторожности, много любви къ филологическимъ работамъ, хотя и важнымъ, но, повидимому, мелочнымъ, скоро утомляющимъ того, кто за ними забываетъ о цѣли, къ которой ведутъ онѣ. Для того, чтобы матеріалы для исторіи Русскаго языка были приготовлены вполнѣ, нужно многое...

— Каждый изъ древнихъ памятниковъ языка долженъ быть разобранъ отдѣльно въ отношеніи лексикальномъ, грамматическомъ и историко-литературномъ. По сличеніи лучшихъ списковъ надобно составить для него особенный полный и подробный словарь, не пропуская ни одного слова, ни одного оттѣнка его значенія, и особенную полную и подробную грамматику, не пропуская ни одной формы, ни одной особенности формы. Въ томъ и другомъ должно быть отмѣчено вліяніе чужестранныхъ языковъ. То же вліяніе иностранныхъ элементовъ должно быть отмѣчено и при историко-литературномъ разборѣ памятника со стороны его содержанія, изложенія и слога.

— По каждому изъ нарѣчій Русскихъ и ихъ мѣстныхъ оттѣнковъ должны быть составлены отдѣльно словари и сборники образцовъ изъ пѣсенъ, пословицъ, сказокъ, разговоровъ и т. п. и для каждаго отдѣльно особенная грамматика съ разборомъ памятниковъ народной словесности въ отношеніи къ слогу, мѣрѣ, формамъ изложенія и содержанію. Развитіе языка въ мѣстныя

Digitized by Google

видоизмѣненія должно быть изслѣдовано въ частныхъ монографіяхъ такъ же отчетливо, какъ и развитіе языка повременное по памятникамъ, оставшимся отъ разныхъ вѣковъ. Вліяніе элементовъ иностранныхъ должно быть отличено въ каждомъ нарѣчіи и мѣстномъ говорѣ отдѣльно.

—Современный языкъ литературы и образованнаго общества должно разобрать также отдѣльно и подробно въ отношеніяхъ лексикальномъ, грамматическомъ, литературномъ, не забывая ни писателей образцовыхъ, заботившихся о своемъ языкѣ и слогѣ, ни писателей небрежныхъ, безсознательно повторявшихъ худое и хорошее изъ привычекъ языка книгъ и общества, не забывая также вліянія иностраннаго, вольно и невольно проникавшаго въ составъ и формы языка, въ слогъ и т. д.

Только въ слѣдствіе такого отчетливаго монографическаго перебора памятниковъ языка стараго и современнаго, книжнаго и народнаго, возможно составленіе историческаго словаря и исторической грамматики, и только въ слѣдствіе соображенія матеріаловъ, собранныхъ въ такомъ словарѣ и въ такой грамматикѣ, возможно приступить къ полной и подробной исторіи языка. Не помѣшаютъ, конечно, попытки написать исторію языка и прежде полной обдѣлки всѣхъ этихъ матеріаловъ; но ранѣе или позже матеріалы должны быть приготовлены....

И всѣхъ этихъ матеріаловъ будетъ еще мало для того, кто займется исторіею Русскаго языка, какъ трудомъ, достойнымъ своего предмета по исполненію. Русскій языкъ не можетъ быть разсматриваемъ исторически отдѣльно отъ другихъ соплеменныхъ нарѣчій и сродныхъ языковъ: не смотря на множество филологическихъ трудовъ иностранныхъ, которые облегчатъ сличеніе Русскаго языка съ другими, придется трудиться и самимъ Русскимъ, дополняя массу собранныхъ матеріаловъ. Такъ, между прочимъ, по нѣкоторымъ изъ нарѣчій Славянскихъ еще нѣтъ словарей и грамматикъ, годныхъ для филолога,—и едва ли кто другой, кромѣ Русскихъ филологовъ, можетъ за нихъ взяться. И общимъ сравнительнымъ словаремъ всѣхъ Славянскихъ нарѣчій заняться едва ли кому удобнѣе, какъ Русскому ученому,

Digitized by Google

который всегда можетъ посвятить себя этому огромному труду подъ покровительствомъ просвѣщеннаго правительства нашего, благодѣтельно споспѣшествующаго всякой добросовѣстной дѣятельности въ области Русской науки.

Разнообразны и огромны труды, безъ которыхъ не возможно написать полную исторію Русскаго языка; но и сама она такъ важна, такъ необходима, такъ достойна общаго вниманія, что для трудовъ этихъ всегда будутъ люди съ умѣньемъ и охотой за нихъ взяться... И раньше или позже изъ подъ пера писателя, овладѣвшаго совѣстливо и отчетливо вопросами исторіи Русскаго языка и средствами для ихъ рѣшенія, она выйдетъ картиной, столько же богатой содержаніемъ, сколько и занимательной для всѣхъ насъ, любящихъ свое отечество и его прошедшее.

Digitized by Google

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ ПРИМѢЧАНІЯ.

Digitized by Google

Digitized by Google

I.

(Стр. 18).

„Первыя страницы нашей исторіи остаются ненаписанными. Онѣ останутся бѣлыми до тѣхъ поръ, пока не приметъ въ этомъ участія филологія и пр."

Не имѣя возможности дать обширнаго объема опыту, здѣсь представляемому на судъ любителей отечественной филологіи, я долженъ былъ ограничиться въ немъ только нѣкоторыми замѣчаніями объ измѣненіяхъ строя Русскаго языка, и не внесъ въ него никакихъ подробностей касательно состава языка, касательно исторіи словъ, а потому и мысль о необходимости участія филологіи въ дѣлѣ древней исторіи народа осталась безъ всякихъ объясненій. Представляю здѣсь нѣкоторыя изъ нихъ.

Пользуясь матеріалами, которые доставить могутъ памятники Русскаго языка прежнихъ вѣковъ и современный языкъ народный, съ помощью сравненія нарѣчій Славянскихъ и языковъ, съ ними сродныхъ, можно составить словарь древнѣйшаго, первобытнаго Русскаго языка, если не совершенно полный, то по крайней мѣрѣ достаточно обильный и словами всякого рода и объясненіями ихъ смысла. Каждое слово есть представитель понятія, бывшаго въ народѣ: что было выражено словомъ, то было и въ жизни; чего не было въ жизни, для того не было и слова. Каждое слово для историка есть свидѣтель, памятникъ, фактъ жизни народа, тѣмъ болѣе важный, чѣмъ важнѣе понятіе, имъ выражаемое. Дополняя одно другимъ, они всѣ вмѣстѣ представляютъ систему понятій народа, передаютъ быль о жизни народа—тѣмъ полнѣе, чѣмъ обширнѣе и разнообразнѣе ихъ собраніе, чѣмъ они подробнѣе объяснены филологически въ ихъ народномъ значеніи, чѣмъ разнообразнѣе сближены одни съ другими. Порядокъ азбучный или грамматическій въ такомъ

Digitized by Google

словарѣ можетъ быть только вспомогательный. Порядокъ систематическій, по предметамъ, по связи и соподчиненности понятій, выражаемыхъ словами, ведетъ къ цѣли прямѣе. Съ нимъ долженъ быть соединенъ порядокъ хронологическій, указывающій на повременность появленія словъ въ языкѣ. Этотъ словарь не будетъ еще изображеніемъ народа, но, заключая въ себѣ всю лѣтопись своего времени, критическое сличеніе всѣхъ необходимыхъ матеріаловъ, можетъ до нѣкоторой степени замѣнять его. Пусть тогда пользуется имъ историкъ, какъ художникъ: чѣмъ лучше владѣетъ онъ своимъ искусствомъ, тѣмъ выразительнѣе будетъ образъ времени, о которомъ онъ безъ этого пособія не могъ бы сказать ни слова, образъ тѣмъ болѣе важный и занимательный, что стоя въ повременномъ порядкѣ на первомъ мѣстѣ, онъ долженъ открывать собою весь рядъ послѣдующихъ изображеній, и что всѣ они должны быть только его видоизмѣненіями... Счастливъ будетъ, кому удастся овладѣть всѣмъ матеріаломъ для этой картины первобытнаго состоянія Русскаго народа и написать ее. Теперь пока понятна только возможность и важность этого труда и есть средства только начать его разборомъ частей матеріала. Самая легкая часть этого разбора есть объясненіе словъ, до сихъ поръ очевидно общихъ всѣмъ Славянамъ; самая трудная— рѣшеніе вопроса, на сколько проникнутъ былъ древній языкъ Русскій элементами чужеземными. Рѣшеніе этого вопроса тѣмъ затруднительнѣе, что ему мѣшать можетъ не только недостатокъ знанія и соображенія, но самое пристрастіе, желаніе доказать ту или другую любимую мечту, желаніе, которому иногда ничего не стоитъ защищать чистую неправду и оспаривать чистую правду. Такихъ пристрастныхъ взглядовъ на составъ древняго Русскаго языка появилось въ разное время уже довольно. Замѣчательнѣе другихъ взглядъ тѣхъ, которые въ древнемъ языкѣ Русскомъ искали доказательства вліянія на Русь Скандинавскихъ Варяговъ. Увѣренность, что это вліяніе непремѣнно было и было сильно во всѣхъ отношеніяхъ, управляла взглядомъ, и позволяла подбирать доказательства часто въ противность всякому здравому смыслу, нелишенному филологическаго образованія. Какъ необходимое предупрежденіе, считаю долгомъ сказать, что я не думаю ни мало оспаривать присутствіе Скандинавскаго элемента въ нашихъ Варягахъ; а только не вижу никакой возможности считать въ числѣ Скандинавскихъ бóльшую часть тѣхъ словъ, которыми доказываютъ Скандинавское вліяніе на языкъ Русскій. За исключеніемъ очень немногихъ, эти такъ названныя Скандинавскія слова — или суть чисто Русскія, принадлежавшія къ составу Русскаго языка до прихода къ намъ Варяговъ Скандинав-

Digitized by Google

скихъ, принадлежавшія не однимъ Русскимъ, но и другимъ Славянамъ, или по крайней мѣрѣ сомнительнаго происхожденія. Представляю на судъ читателей нѣсколько замѣчаній объ этихъ словахъ:

— Бояринъ=болиринъ [1]). Въ древнѣйшей формѣ—бояръ=боларъ (ь=ъ) множ. бояре=боляре: такъ христіанинъ, Русинъ, властелинъ, господинъ въ древнѣйшей формѣ христіанъ, Русь, властель, господь. Этимъ словомъ играли многіе ученые: одни выводили его отъ болѣть или отъ бой ярый,—и сколько ни старались защитить свое мнѣніе, не убѣдили въ немъ никого; другіе выводили отъ bauer=buri, или отъ bo и jarl, bol и jarl,—и убѣдили всѣхъ, кому нужно было и это для защиты своего убѣжденія въ силу Скандинавскаго вліянія на древнюю Русь. Что это слово не перешло отъ Скандинавовъ непосредственно къ Русскимъ, что первые наши бояре явились не изъ дружины Варяжской во второй половинѣ IX вѣка, это достаточно доказывается и тѣмъ, что бояре у Болгаръ были по крайней мѣрѣ за цѣлое столѣтіе до этого времени. О боярахъ Болгарскихъ упоминаетъ Өеофанъ подъ 764 годомъ („Paganus Bulgarorum dominus accepta fide ipse cum suis bojladis —μετὰ τῶν βοιλάδων αὐτοῦ—et optimatibus ad imperatorem se contulit. Стриттеръ II. 525). Съ тѣхъ поръ осталось это слово извѣстнымъ при дворѣ Византійскомъ титуломъ вельможъ Болгарскихъ. Въ правила церемоніала вставленъ былъ между прочимъ вопросъ, который логоѳетъ долженъ былъ предлагать посламъ Болгарскимъ, когда они являлись ко двору: „Quomodo valet princeps Bolgariae? quomodo sex magni bojlades? quomodo reliqui intus et extus bojlades? quomodo commune populi?“ (Стр. 605—606). Позже видимъ съ такимъ же значеніемъ боляръ въ царствѣ Сербскомъ, подъ правленіемъ дома Нѣмани—не только въ Законникѣ Стефана Душана, но и въ древнѣйшихъ грамотахъ Сербскихъ. Такъ Дубровничане, заключая миръ съ королемъ Владиславомъ, обѣщали ему: „Ако ти се згоди кое насилие и прибѣжиши у градь нашь к намъ, да те примемо яко господина сь всаковь почьстию и сь всакимь прыаниемъ сь всѣми твоими болѩры и сь інѣми всѣми твоими... а зла да ти не учинимо ни котаре, ни тебѣ... ни болѩромъ твоимъ“ (Срб. Споменице. 5). У Сербовъ южныхъ, Хорватовъ и Хорутанъ слова бојар = војар, бојарин = војарин, бојарник=војарник, войничар живутъ до сихъ поръ въ смыслѣ господина вообще и военачальника; они повторяются въ

[1]) Байар (Тюрк.)—богатый мужъ, господинъ (замѣч. Казембека. Вѣст. Геогр. Общ. 1852. I. VI: 3).

Digitized by Google

пѣсняхъ и въ простомъ говорѣ. Изъ Славянскаго источника заняли титулъ боярскій Молдаване и Валахи издавна, употребляя и теперь un boiarin въ смыслѣ vir nobilis, a boeritia=boerese какъ matrona nobilis. Отъ Славянъ же заняли его и Мадьяры, на языкѣ которыхъ bojar означаетъ героя. Отъ Славянъ заняли, конечно, слово волјар и Албанцы, придавъ ему смыслъ старѣйшины, сельскаго старосты и вообще всякого богатаго человѣка, а новые Греки—μπογιάρος, называя этимъ словомъ не только вельможъ Румунскихъ, но и между своими каждаго знатнаго и богатаго человѣка. Въ послѣднемъ смыслѣ это слово довольно народно въ Пелопонесѣ, гдѣ оно, какъ особенный почетный титулъ, прибавляется къ фамильнымъ именамъ. Изъ всего этого можно, кажется, безъ всякой натяжки заключать, что и у Русскихъ Славянъ могло существовать это слово прежде, чѣмъ ихъ языкъ подчинился вліянію Скандинавскому. Такое заключеніе тѣмъ позволительнѣе, что въ Германскихъ языкахъ нѣтъ ни одного слова, которое бы могло служить ему образцомъ: попытка производить боярина отъ buri=bauer, происшедшаго отъ bua=bauen, такъ же неудачна, какъ и мысль, что въ бояринѣ слились два корня bo или bol и jarl. Слово болявринъ, начиная съ самыхъ древнихъ памятниковъ, гдѣ оно встрѣчается, употреблялось какъ титулъ вельможи: только отъ однозвучнаго слова съ такимъ значеніемъ могло оно быть занято и въ Русскій языкъ, если бъ было занято; и между тѣмъ ни bauer = buri не употреблялся въ этомъ смыслѣ, ни bojarl или boljarl не существовало ни въ какомъ смыслѣ нигдѣ, кромѣ воображенія этимологовъ. Гораздо болѣе позволительно и возможно считать слово бояръ=болярь за чистое Славянское и искать корня его между Славянскими корнями. Такимъ оно и считается у Славянъ югозападныхъ: употребляя слово бојар=војар=војничар, какъ однозначительныя, они (не филологи и этимологи, а простые люди) идеи послѣдняго изъ этихъ словъ въ своемъ сознаніи не отдѣляють отъ идеи о войнѣ, боѣ, воеваньи. И дѣйствительно отъ раздвоившагося корня бой=вой легко могло съ прибавкой образовательнаго слога аръ=арь произойти слово бoi-ар (ъ=ь)=вoi-ар (ъ=ь), такъ же какъ произошли слова писарь, лѣкарь, звонарь, бах(=бай)арь, знах(=знай)арь, ключарь, и т. д., или какъ воинъ=воянъ=боянъ=боецъ. Имя воина, члена военной дружины, не у однихъ Славянъ обратилось въ титулъ людей высшаго сословія (ср. кшатри, шевалье, риттеръ, и пр.). Но откуда же взялось л, которое съ давнихъ временъ слышно въ этомъ словѣ, начиная съ болядъ Болгарскихъ? Нельзя утвердительно сказать, что оно заступило здѣсь мѣсто j (боль-ар вмѣсто бој-ар), какъ въ словѣ ледва

Digitized by Google

вмѣсто і-едва и немногихъ подобныхъ. И невольно припоминается другой корень бол=вел (большой=велій): какъ Испанцы называютъ своихъ аристократовъ грандами, какъ Венгры — магнатами, какъ Сербы и Хорваты—великашами, какъ мы — вельможами, такъ въ древности всѣ Славяне или по крайней мѣрѣ многіе изъ нихъ могли называть ихъ болярами. Это столько же правдоподобно, какъ и то, что они могли назвать ихъ боярами. И едва ли какому изъ этихъ двухъ разныхъ производствъ можно отдать преимущество. А если нельзя, то почему нельзя допустить, что оба корня—и бой=вой, и бол = вел одинаково участвовали въ образованіи слова, какъ названія первенствующаго сословія, что два слова, образованныя отъ двухъ разныхъ созвучныхъ корней, случайно совпали въ значеніи такъ же какъ и въ звукахъ? Такъ слово жатва, употребляемое у насъ только въ одномъ смыслѣ отъ корня жать — жну, произошло у Хорутанъ и Хорватовъ (по ихъ выговору жетва=жетъв) отъ двухъ корней (жать—жну и жать — жму), означая не только жатву, но и натискъ, давку хлѣба подъ жерновомъ, отъ чего произошло и слово жетка — шелуха. Такъ и нашъ коноводъ ведетъ свое начало отъ двухъ близкихъ по звукамъ, но очень разныхъ по значенію корней: конъ и конь, перемѣшавши въ себѣ ихъ значенія. Такъ и слова боянъ и баянъ можно считать за одно слово, хотя первое произошло отъ бой, а второе отъ баять. Такъ одно и то же божество у Славянъ называлось и Святовитъ и Свѣтовитъ, именами очень близкими по звукамъ и совершенно различными по значенію (сватъ—sanctus, свѣтъ—lux). Такъ и слово крестить образовалось отъ двухъ различныхъ словъ: какъ christianum facere отъ χριστός, а какъ осѣнять крестомъ отъ крестъ = крьстъ (Лат. crux, Нѣм. Kreuz, Kreis); противень въ значеніи копіи образовалось отъ противъ, а въ значеніи особаго рода посуды — изъ Нѣмец. слова Bratpfanne (сковорода); присутственныя мѣста (отъ суть) не безъ смысла пишутся и присудственныя (отъ судъ, судить); больно (=очень) отъ бол, болѣе и вмѣстѣ отъ болѣть (ср. Нѣмец. sehr и sehren).

— Безмѣнъ напомнилъ своими звуками Скандинавскій besmer=bismer = besman, можетъ быть — и не напрасно; но нельзя опустить изъ виду, что не только въ Польскомъ есть bezmian=przezmian=przemian, гдѣ а правильно заступило мѣсто ѣ, но и въ Чешскомъ есть prezmĕn, употребляемое въ двухъ сходныхъ смыслахъ, — какъ statera, Schnellwage, безмѣнъ, и какъ Wippgalgen (zločince na przezmĕn wyhoupnouti — преступника повѣсить).

Digitized by Google

— Вервь=врьвь. У Адама Бременскаго замѣчено, что commune populorum consilium a Sueonibus warph, a nobis thinc vocatur; слѣдовательно Свейская вервь была то же что у насъ въ старину вѣче; у Фризовъ словомъ warf=werf называлось мѣсто суда; Старо-Саксонское huarab, Англосаксонское hvyrft значитъ orbis, circuitus, ambitus, Исландское hvarf—discessus, refugium,—cumulus. Такихъ указаній можно было найти слишкомъ довольно, чтобъ имѣть возможность и древнюю Русскую вервь отчислить къ словамъ, занятымъ отъ Германцевъ, принесеннымъ Скандинавскими Варягами. Тѣмъ не менѣе эта возможность представиться могла только тѣмъ, кто не хотѣлъ, или не могъ вникнуть въ данныя, возбуждающія мнѣнія противныя. Ни въ одномъ нарѣчіи Германскомъ нѣтъ однозвучнаго и вмѣстѣ однозначащаго слова съ нашимъ словомъ врьвь = вервь: гдѣ оно звучитъ сходно, тамъ не употребляется въ такомъ смыслѣ, а гдѣ близко по смыслу, тамъ иначе выговаривается; а между тѣмъ, если бы оно было занято, то вѣрно, съ занятымъ смысломъ перенесло бы и свой выговоръ, на сколько могъ его выдержать безъ измѣненія Русскій языкъ. И между тѣмъ, какъ остается еще темно, гдѣ бы можно найти слово совершенно близкое по выговору и смыслу съ древнимъ Русскимъ врьвь=вервь, находимъ его въ разныхъ смыслахъ и выговорахъ въ разныхъ нарѣчіяхъ Славянскихъ: въ Сербскомъ връва—turbo, multitudo, concursus, frequentia, връвом (творительный отъ връва) -- conglobatim, catervatim (ходити връвом), връвив—circumfluens (војска връвива); въ Хорватскомъ връпа — cumulus, acervus, congeries (връпа дръва и връпа люди); оттуда връвити = връпити — conglobo, concurro, proturbo, conturbo; връвљети—тоже; връвљење—turba properantium. Вмѣстѣ съ этимъ во всѣхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ вервью называется веревка, тесьма и т. п.: врьвь (virw) въ этомъ значеніи (reticula) находимъ въ Чешскихъ глоссахъ Вацерада (XII вѣка) къ Mater verborum. Такъ старую Русскую вервь по смыслу первообразному и его соотношенію съ первымъ переходнымъ смысломъ можно сравнить со словомъ союзъ, происходящимъ отъ уже—узъ, что значитъ тоже веревка. Въ древности назывались и родные снузниками, ужиками: въ Санскритскомъ тоже значитъ по смыслу и корню слово bandhu; въ Англосаксонскомъ wedding того же корня, значитъ бракъ; Нѣмецкое Verwandt того же корня—родственникъ. Такъ и връвник въ Сербскомъ значитъ родной, а въ Хорутанскомъ—сватъ, връвница=бръвница=обрница—сваха. Слѣдовательно, первая идея о верви въ отношеніи къ людямъ могла родиться еще въ семействѣ, такъ же какъ въ семействѣ родилась и первая идея о союзѣ; потомъ уже перешло

Digitized by Google

слово вервь къ обозначенію общины; при третьемъ переходѣ смысла могло явиться со значеніемъ вѣча, народнаго собранія, при четвертомъ—съ понятіемъ о толпѣ, множествѣ вообще, и т. д. Такъ и громада, означая у Великоруссовъ множество чего бы то ни было, какъ у Хорватовъ врљпа, у Малоруссовъ означаетъ только мирскую сходку. Почти въ такомъ же соотношеніи находятся значенія слова Германскаго dorf, thorf, thorp, thorpe, turf, Итальянскаго torba, Латинскаго turba, Кельтскаго torf, trev, treubh. Изъ всего этого скорѣе можно позволить себѣ заключеніе, что вервь занята Германцами у Славянъ, чѣмъ напротивъ.

— Вира = вѣра, откуда вирникъ=вѣрникъ: слова эти чаще встрѣчаются съ и, но есть довольно случаевъ, гдѣ вмѣсто и стоитъ ѣ, такъ же какъ и въ словѣ свидѣтель=свѣдѣтель (свѣдокъ). Въ Польскомъ въ смыслѣ виры = вѣры употреблялось wargielt=wergielt: почему же ни у насъ, ни у другихъ Славянъ не было никогда этого Нѣмецкаго слова? Въ Сербскомъ и Болгарскомъ издавна и до сихъ поръ обычно вергиjа, какъ порѣза — дань. Въ Хорватскомъ вира значитъ вольная оцѣнка, вольный переходъ, а завирити—обязать задаткомъ или залогомъ къ покупкѣ и продажѣ, къ найму, къ исполненію обѣщанія и т. п. См. вѣровати—обвинять, въ Запискѣ о правахъ Дубровн. купцовъ. *).

— Верста=врьста—по мнѣнію Шафарика произошло отъ Скандинав. и Готе. rasta—milliare. Не отвергая сходства звуковъ и значенія этихъ двухъ словъ, нельзя однако не сомнѣваться, что одно изъ нихъ, какое бы то ни было, явилось въ томъ или другомъ языкѣ въ слѣдствіе заимствованія изъ чужого языка. Какъ у Готе. слова rasta есть свои сродныя въ языкахъ Германскихъ (Англійск. rest, Шведск. и Нѣмец. rast и пр.); такъ и въ Славянскихъ нарѣчіяхъ оно всюду дома, всюду занимаетъ мѣсто между многими производ-

---

*) Вира (Тюрк.)—дань, подаяніе: отъ глаг. бирмек, вирмек—дать. (Зам. Казембека. Вѣстн. Геогр. Общ. 1852. I: VI: 3).

Вѣрные деньги = Wehrgeld (Gr. R. A. 650 — 652). Юрид. Акты: № 275 (1642 г.) стр. 285. Въ Арханг. гов. вѣра—охота, желаніе. Ему не вѣра пойти, не вѣра встать.

Вѣра, вѣрьнъ. Др. Н. wâr. Др. С. wâr. Лат. verus, veritas. Анг. С. vĕrboch—fideijussor, sponsor.

Вѣра=вира. Др. Нѣм. wâra. Анг. С. väre—foedus, pactum (Grf. 920). Анг. С. vĕre—capitis aestimatio, pretium; veres veddjan—pretium spondere; verê bêtan—capitis pretium solvere; ver gildan (Ettmül. Lex. 100).

ными того же корня. Самое общее значеніе слова верста есть рядъ, порядокъ, связь частей однородныхъ, сходство, сродство и все сходное, сродное: оттуда верстать, приверстать, наверстать, сверстникъ (Болгар., Сербск., Хорват., Хорут.: връстникъ = връсник; Чешск: връстевник). Частныя значенія:—въ Сербск., Хорват.: линія; въ Сербск., Хорват., Чешск.: родъ, племя; въ Хорут. и Чешск.: стихъ; въ Польск. и Чешск.: слой дерева, породы земли; въ Руск., Словац. и Польск: мѣра пути.—

— Господь=господинъ. Слово это было производимо отъ Герм. husfads=husbonda—Hausherr, хозяинъ. Сходство звуковъ разительно; но слово это такъ же разительно сходно и съ Греческимъ δεσπότης—herus, dominus, possessor. Новые Греки называютъ и теперь Божію мать δέσποινα, какъ въ старину у насъ придавалось ей имя госпожа (откуда госпожинъ день, госпожинки, спожинки; по Сербски: господjа велика и мала, по Хорутански: gospodnica). Въ старомъ Прусскомъ было waispatti—госпожа, а въ Санскритскомъ wiçampatti; въ Кельтскихъ нарѣчіяхъ до сихъ поръ сохранилось слово dospa въ смыслѣ хозяйства. Всѣ Славяне и всѣ сосѣди Славянъ имѣютъ слово господь или какое нибудь производное (господ, господар, господа, госпа, госпон и т. д.). Все это вмѣстѣ доказываетъ, что это слово столько же Греческое, Кельтское или Славянское, сколько и общее Индоевропейское и что оно менѣе всего Германское.

— Гость очень сходно съ Германскимъ gast. И между тѣмъ слово гость такъ же распространено во всѣхъ нарѣчіяхъ Славянскихъ, какъ gast въ Германскихъ. Въ смыслѣ купца слово это извѣстно въ Хорутанскомъ (gost, gostnic) и Чешскомъ (hosták). Въ смыслѣ большой проѣзжей дороги гостинецъ (см. Русскую Правду) употребляется въ Словацкомъ и Польскомъ. Слово гость повторяется во множествѣ древнихъ собственныхъ именъ, напр. Гостомыслъ, Гостимиръ, Гостиславъ (Польск. Goslaw) и пр. Къ тому же и въ Латинскомъ есть hospes и hostis, въ ст. Французскомъ hoste, въ Ирландскомъ gazda, и т. д. Слово газда извѣстно такъ же во всѣхъ нарѣчіяхъ Славянскихъ въ смыслѣ хозяина дома *).

— Гридь=гридинъ=гринь. Въ языкахъ Германскаго племени можно было найти нѣсколько различныхъ словъ, отъ которыхъ могло

*) См. о гостѣ у Reiske Comm. ad Const. Porphyrogen. De Cerim. Aul. byzant: 57.
Diefenbach Lex. Goth. II. 393. Gasts. Gof. IV. 268.

Digitized by Google

показаться удобнымъ производить это слово. Въ одномъ древнемъ Сѣверномъ есть gridh—миръ, волость,—и grind—чуланъ, затворы,—и hird — свита, дворъ, откуда hirdir — стражъ. Особенно послѣднее слово очень годилось по своему значенiю. Не всѣмъ однако показалось возможнымъ производить нашу гридь отъ hird: мнѣнiя раздѣлились,—и самое раздѣленiе мнѣнiй указываетъ на трудность доказать Германское происхожденiе гридина. Между тѣмъ нельзя сказать, чтобы не было совсѣмъ доказательствъ въ пользу Славянскаго происхожденiя этого слова. Въ Малорусскомъ слово громада значитъ мирская сходка, по Великорусски тоже можно сказать громада людей, такъ же какъ по Сербски врѣпа люди (см. врьвь); атаманъ зъ своей громадой—со своимъ народомъ, съ дружиной: то же значенiе въ Хорутанскомъ имѣетъ слово грида, и какъ съ громада одного корня громадить, сгромадить, скромадить, такъ съ грида одного корня Хорутанское же griniti, zgriniti, Польское grzonąć, ср. грянуть, гдѣ буква д опущена такъ же какъ въ словахъ прянуть, вянуть, глянуть, стынуть, и т. п. Можетъ быть отъ этого корня происходитъ и гридь=гридинъ (ср.: бояръ = бояринъ, господь=господинъ, людь=людинъ, и пр.).

— Дума, думецъ=думца. Древнее Сѣверное domr, Готеское doms, Англiйское doom, безспорно, очень сходны по смыслу такъ же какъ и по звукамъ съ нашей думой; легко было слѣдовательно сравнивать и думцевъ нашихъ съ Англiйскими doomans. Но изъ этого еще не слѣдуетъ заключать, что дума и думецъ=думца—слова занятыя, принесенныя къ намъ Скандинавами. Корень этихъ словъ, равно и самыя слова эти и другiя подобныя—общая принадлежность всѣхъ Славянскихъ нарѣчiй. Въ нѣкоторыхъ нарѣчiяхъ сохранилось и первоначальное значенiе корня: думать не только въ Болгарскомъ, но и въ Хорватскомъ, приморскомъ Сербскомъ, отчасти въ Хорутанскомъ (на сѣверѣ Истрiи) значитъ говорить, сказывать. Въ старыхъ Русскихъ памятникахъ думати тоже не встрѣчается въ смыслѣ судить, разсуждать, а только въ смыслѣ совѣтовать, совѣщаться, сговариваться, такъ какъ употребляется и теперь въ Сербскомъ. Только въ новомъ Русскомъ и въ Сѣверозападныхъ нарѣчiяхъ сохранилось оно въ одномъ переходномъ смыслѣ, равносильномъ слову мыслить, разсуждать. Въ Польскомъ и Чешскомъ оно перешло даже еще одну степень: дума значитъ въ нихъ между прочимъ высокомѣрiе, горделивость: думца—гордецъ. Въ переходныхъ смыслахъ сохранились слова этого корня и въ другихъ языкахъ Европейскихъ: Готеское domian—urtheilen, richten, κρίνειν, Литов. domóju, dumju—

Digitized by Google

значитъ puto, consilior, Латин. damnare (срав. Рус. наказывать, отъ казать—говорить). Дума въ смыслѣ совѣта, сейма и думецъ=думца въ смыслѣ совѣтника такъ же произошли отъ корня дум-ати—говорить, какъ вѣче (совѣтъ, сеймъ) и вѣтникъ=съвѣтникъ отъ корня вѣт-ити (=вѣщати)—говорить.

— Князь=кънязь. Славяне—говоритъ Кругъ—въ древнѣйшее время князей не имѣли, слѣдовательно не могли имѣть и особеннаго названія для нихъ, а заняли они его у Германцевъ, которые издревле имѣли Kong=King=Konung=Koning=König. Удивительно слышать это отъ Круга, всю жизнь свою занимавшагося однимъ древнимъ періодомъ Русской исторіи. Говоря, что у Славянъ князей не было, Кругъ ссылается на Прокопія и Константина Порфиророднаго; но ни Прокопій, ни Константинъ П., не упоминая о князьяхъ, говорятъ, что у нихъ не было государей: для подтвержденія этого Кругъ могъ бы вмѣсто двухъ ссылокъ сдѣлать двадцать, и все таки не доказать, что у Славянъ не было князей. Не было у нихъ государей въ томъ смыслѣ какъ были они у Римлянъ, Византійцевъ, Арабовъ, Германцевъ времени Карла и послѣ, не было василевсовъ, цесарей, императоровъ, калифовъ — это ясно; но правители были, такіе же, какъ и на сѣверѣ Скандинавскомъ конры и конунгры, не важные по внѣшнему значенію, но съ правами власти въ своихъ волостяхъ, съ правомъ передавать свою власть по наслѣдству. Лѣтописи Византійскія, Арабскія, Латинскія называютъ ихъ по именамъ, приводятъ ихъ титулы въ переводѣ, пересказываютъ ихъ подвиги. Они были, и какъ нибудь титуловалъ же ихъ народъ, которымъ они правили. И почему-же не князьями? Потому ли, что слово подобно звучащее есть въ языкѣ Германскомъ? Но оно есть и въ Кельтскомъ (cun = cean съ значеніемъ вождя, воеводы), и въ Персидскомъ (keja = kej въ смыслѣ короля), и въ Осетинскомъ (кен—вельможа). И у Аваръ были каганы, и у татаръ ханы... Что же касается до Славянъ, то нѣтъ ни одной, самой малой отрасли ихъ, гдѣ бы слово князь не жило со своимъ особеннымъ смысломъ, узаконеннымъ издавна употребленіемъ народнымъ, гдѣ означая владѣтеля (Серб., Хорут.: knez, Чешск. kníže, Польск.: książe), гдѣ господина вообще (Серб. кнез, Лужиц kněz), гдѣ сельскаго старосту (Серб и Хорв. кнез), гдѣ священника (Чеш. knĕz, Польск. ksiądz), и т. д. Повсемѣстная народность слова въ цѣломъ племени, слова, притомъ выговаривающагося вездѣ совершенно правильно, сообразно съ требованіями мѣстной фонетики, не можетъ быть причислено къ числу заимствованныхъ. Славяне Русскіе, если только вѣрить лѣтописи, имѣли

Digitized by Google

своихъ князей, княжескіе роды и княжества гораздо прежде чѣмъ покорены были Козарами и Варягами, прежде перехода черезъ ихъ землю Болгаръ и Угровъ, прежде самовластія Обровъ. На правахъ древнихъ княжескихъ родовъ основано первое дѣленіе Руси на волости; въ родѣ Рюрика оно только повторилось, уже утвержденное древнимъ обычаемъ. То же самое видимъ и у другихъ Славянъ. Стараясь подтвердить свое мнѣніе о Германскомъ происхожденіи князя, Кругъ искалъ доказательства въ словѣ княгиня, по древнему выговору и правописанію — кънѧгынѧ: это слово, думалъ онъ, есть повтореніе Нѣмецкаго Königin. Безъ сомнѣнія, ему простительна такая ошибка: онъ не былъ ни Славяниннъ, ни филологъ; тѣмъ не менѣе это ошибка: ынѧ=ыни есть обыкновенное окончаніе для обозначенія лица женскаго рода, наприм. рабынѧ, господынѧ, Чехынѧ, Грькынѧ, богынѧ, другынѧ и пр. Ему соотвѣтствующее окончаніе мужескаго рода есть ъ, ь, или инъ (напр. господъ=господь= господинъ). Если окончаніе муж. рода будетъ на ь, а это довольно часто бываетъ, то послѣдняя буква согласная должна смягчиться (государь—государынѧ, господь—господынѧ, гусь—гусынѧ), и если эта согласная будетъ гортанная, то смягченіе должно быть переходное (г въ з, х въ с, к въ ц): этотъ послѣдній случай представляется въ словѣ князь, гдѣ з замѣнило г, которое не могло опять не появиться, когда придано было слову женское окончаніе ынѧ=ыни для образованія слова кънѧгынѧ (мы теперь пишемъ княгиня по общему въ новомъ нашемъ языкѣ правилу замѣненія ы въ и послѣ г, к, х). Окончанію ынѧ соотвѣтствуетъ въ Германскомъ in, и нѣтъ ничего страннаго, что отъ одного и того же корня, къ которому приданы въ двухъ языкахъ сходныя по звукамъ окончанія, произошли и въ томъ и въ другомъ языкѣ два слова очень похожія одно на другое: будь въ Нѣмецкомъ sudar, то и сударыня могла бы по Нѣмецки быть sudarin, какъ графиня—gräfin, танцорка—tänzerin. Впрочемъ не къ чему долго останавливаться на доказательствахъ Германскаго происхожденія князя. Увлекая пристрастныхъ и простодушныхъ, они не могутъ увлечь того, кто захочетъ вникнуть въ происхожденіе этого слова внимательнѣе. Замѣчено было, что словамъ князь=König есть соотвѣтствующія по значенію и звукамъ въ другихъ языкахъ Индоевропейскихъ: этого одного достаточно, чтобы позволить себѣ вопросъ, не принадлежатъ ли всѣ эти слова къ одному и тому же корню. И корень этотъ дѣйствительно найденъ. Въ древнемъ Сѣверномъ слово konr=konungr значитъ не только король=könig, но и каждый благородный, и каждый потомокъ, а ему соотвѣтствуетъ женское kona=qvan=quen, Готское

qens—со значеніемъ вообще женщины, жены, γονή; kyn—Готеское kuni—того же корня, значитъ родъ, семья—γένος, genus; kynd—тоже родъ, семья, потомство, и т. д. Въ нѣкоторыхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ княземъ и княгиней называются молодые мужь и жена, княжкомъ (княжек—въ Сербск. примор. и Хорут.) — первородный сынъ, и пр. Не забудемъ при этомъ, что по древнему правописанію слова этого корня имѣли всегда ъ между к и н: кънѧзь, кънѧгыни, кънѧжьство и пр. Какъ въ Германскихъ нарѣчіяхъ, такъ и въ Славянскихъ г=з=ж суть звуки прибавочные: къ корню принадлежитъ только кън, что по новому выговору будетъ кон: это видно изъ нѣкоторыхъ словъ Германскихъ, это же видно изъ словъ Сербо-Лужицкихъ: kněni—madame, kninka—малютка, и пр. Въ этой формѣ корень очень употребителенъ и не отступаетъ отъ древняго своего значенія: въ Германскомъ его древнѣйшая форма—kan=kon. Слово конъ то же что начало (отъ кона суть: Іоаннъ экз. 190; коноводъ—зачинщикъ. слово совершенно отличное отъ коневодъ). По соображенію словъ поконъ=почало, начало, зачало, зачинать, конать, (т. е. почѧло, начѧло, зачѧти и пр.) видно, что корень кън=кон могъ имѣть другую мягкую форму—чѧ, въ которой носовой звукъ ѧ, упираясь въ гласную, долженъ превращаться послѣ ч въ ьн=ин, такъ же какъ послѣ к въ ън=он. Какъ въ корняхъ жѧ—ти, мѧ—ти, тѧ—ти было жьн—ѫ, мьн—ѫ, тьн—ѫ, такъ и въ чѧ—ти—чьн—ѫ, и какъ отъ жѧ=жьн есть (по) жин—аѭ и гън—ѫ, такъ и отъ чѧ=чьн есть (по) чин—аѭ и кън—ѫ. Отъ чѧ—ти произошло чѧдо, такъ же какъ въ Германскомъ отъ kan=kon—kynd, kind: чѧдо, чѧдь и kind, челѧдо, челѧдь и child равносильны по звукамъ и по значенію*) Отъ того же корня, съ удержаніемъ твердой формы, произошло и kong=кънѧзь, въ Германскомъ съ удержаніемъ окончательной согласной твердой, въ Славянскомъ со смягченіемъ ея въ з по случаю соединенія съ ь т. е. по случаю требованія очень обычнаго мягкаго окончанія для образованія мужескаго слова. Такимъ образомъ древнѣйшее значеніе слова кънѧзь=kong должно было быть родичь (въ древнемъ смыслѣ), происходящій отъ рода, и потомъ—первый въ родѣ, начальникъ рода. Слово начальникъ собственно значитъ начинающій,—и теперь при-

---

*) Англ. child и Др. Герм. chint: l=n. Такъ Греч. λίτρον=νίτρον, πλεύμων=πνεύμων; Лат. vallus=vannus, persolata=personata, numen=lumen (?), philomela=philomena. Итал. niuno=nullus, malinchonia=melancholia, mulgere=mungere. Исп. mortandas=mortalitas. Фр. orphelin=orphenin=Ит. orphano. Исл. samla=samna, sol=sunna (Анг.-С. solen=Анг. sunny).

Digitized by Google

няло въ свое значеніе идею о правѣ, о владѣніи: такъ случилось и со словомъ кънязь—kong. Съ этимъ словомъ соединилась еще идея о благородствѣ: такъ точно въ югозападныхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ племичь, племениташь, происходя отъ племя—родъ, означаютъ благородныхъ, аристократовъ: такъ и Нѣмецк. adel, edel, ограничиваясь теперь при означеніи благородства, происходитъ отъ одного корня съ edli—родъ, племя, природа. Др.-в.-Нѣм. truhtin=Анг.-С. druhtin, drohtin=Др. С. drottin (dominus, herus)—одного корня съ truht (Др.-в.-Н.)=drauth (Гтѳ.)=druht (Анг.-С.)=drött (Др. С.)—populus, familia. Греч. γενναῖος—nobilis, γενναιότης—nobilitas одного корня съ γένα—princeps, gentis auctor.

— Луда. У воеводы Варяжскаго, слѣпого Якуна—„луда бѣ золотомь истъкана", и онъ, послѣ неудачной битвы, бѣжа съ поля, „ту отбѣже луды златоѣ". Въ другомъ мѣстѣ лѣтописецъ говоритъ о хитростяхъ бѣса, являвшагося „въ образѣ Ляха, в лудѣ и носяща в приполѣ цвѣтъкъ иже глаголется лѣпокъ". Лука Жидята въ Поученіи говоритъ: „москолудство вамъ братія нелѣпо имѣти, ни молвити срамна слова". Шафарикъ принимаетъ слово луда за Скандинавское и сравниваетъ съ lodhi, hlodha, lodha—sagum, chlamys. Но и въ западныхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ есть слова этого корня: въ Чешскомъ есть luden—newalené sukno, въ Лужицкомъ есть lejdo=lejdno—Frauenjacke, въ Хорватскомъ luda—покровъ и luditi—покрывать: уже-ли въ эти нарѣчія заняты слова отъ того же Скандинавскаго?

— Людъ, людинъ, люди такъ сходно звучатъ съ древнимъ Сѣвернымъ liodh=lyd=liud, что нельзя было охотнику до подбора такихъ словъ отречься отъ удовольствія и ихъ причислить къ числу занесенныхъ къ намъ Варягами. И тѣмъ не менѣе слова эти и многія, отъ нихъ происшедшія, принадлежатъ къ числу народныхъ необходимыхъ словъ во всѣхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ безъ исключенія. Сохранились даже остатки отъ употребленія слова людъ въ смыслѣ не собирательномъ, а единичномъ: ludek въ Польскомъ, ludk и ludžik въ Лужицкомъ значитъ человѣчекъ (маленькій, бѣдненькій, жалкій), карла; въ Польскомъ есть и odludek, podludek, ludkowie (popellus). Собственныя имена: Людиша, Людмила, Людомиръ, Людмибора, Людевитъ и пр. принадлежатъ также къ доказательствамъ, что очень издревле слово людъ было собственностью Славянской. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Греческомъ есть λαός. λεώς—народъ, λεῖτον—люди, λείτως—публично, мирски; въ Санскритскомъ

Digitized by Google

laukas — homines, и т. д. Гораздо справедливѣе, слѣдовательно, причислить слово людъ къ словамъ общимъ Индоевропейскимъ, а не къ Германскимъ.

— Мечь. На Полянъ „наидоша Козаре и рѣша Козари: платите намъ дань. Сдумавше Поляне и вдаша отъ дыма мечь, и несоша Козари ко князю своему и къ старѣйшинамъ, и рѣша имъ: се налѣзохомъ дань ову. Они же рѣша имъ: откуду? Они же рѣша: въ лѣсѣ на горахъ, надъ рѣкою Днѣпрьскою. Они же рѣша: что суть вдали? Они же показаша мечь. Рѣша старци Козарьстіи: не добра дань, княже. Мы ся доискахомъ оружьемъ одиною стороною рекше саблями, а сихъ оружье обоюду остро рекше мечь; си имуть имати дань на насъ и на инѣхъ странахъ. Се же сбысться все“ (Пов. вр. л. 16 стр.). Не смотря, что это преданіе отнесено лѣтописью къ временамъ до-Варяжскимъ, и его и мечь считали вывезенными къ намъ изъ за моря Варягами, и въ подтвержденіе своей догадки приводили слово Скандинавское moekir, какъ корень нашего меча. Впрочемъ, хотя это слово и распространено въ нарѣчіяхъ Германскихъ (срав. Ст. Сакс. mâki, Анг.-Сакс. mêce=mêche=mexe, Готе. meki=mekeis=mycha=myha); однако оно встрѣчается и въ другихъ языкахъ: въ Литовскомъ есть méczus, въ Персидскомъ mek (a javelin, spear), въ Испанскомъ machet (сабля, кинжалъ), въ Латинскомъ mucro, въ Греческомъ μάχαιρα, въ Санскритскомъ makha (macellum). Находя одно и то же слово въ первообразѣ и въ производномъ видѣ во многихъ языкахъ Индоевропейскихъ, не мудрено ожидать его и въ нарѣчіяхъ Славянскихъ. И дѣйствительно мечи были у Славянъ издавна. Они были въ обычаѣ у Славянъ Дунайскихъ, нападавшихъ на Византійскую Имперію въ VI—VII вѣкѣ, и Лаврета, вождь Славянъ, не желая покориться Аварскому хану, отвѣчалъ посламъ его: „Мы привыкли у другихъ отнимать земли, а своихъ никому не позволимъ отнять, пока будутъ на свѣтѣ война и мечи.“ Мечами вооружены были Славянскіе оруженосцы калифовъ Кордуанскихъ (Conde, Hist. de la domination des Arabes en Espagne, I. 382), бывшіе у нихъ въ службѣ съ начала IX вѣка и вывезенные съ востока. Въ Старославянскомъ находимъ мечь въ древнемъ переводѣ Евангелія на мѣстѣ Греческаго μάχαιρα (Лук. XXII. 52). Мечь былъ въ употребленіи у древнихъ Чеховъ, Поляковъ, Балтійскихъ Славянъ: такъ напр. въ Чешской пѣснѣ (IX—X вѣка) о судѣ Любуши упоминается meč kriwdy karajuci, какъ орудіе суда. Лужицкіе Сербы до сихъ поръ поютъ въ своихъ пѣсняхъ о мечѣ, какъ орудіи казни и повторяютъ ту же пословицу, что и мы: „повинную голову мечь не

сѣчетъ.“ У Словаковъ, такъ же какъ у Русскихъ, разсказываютъ въ сказкахъ о чудесахъ меча-кладенца.

— Мыто такъ хорошо подошло къ Готескому mota, древне-Нѣмецкому muta, нов. Нѣм. Mauth, и мытарь къ Готескому motareis, что и ихъ трудно было выкинуть изъ числа Германскихъ. И однако эти слова распространены по всему пространству земель, занятыхъ Славянами, и вовсе не съ тѣми только значеніями, которыя бы можно было ожидать отъ нихъ, какъ отъ занятыхъ изъ чужого языка. Въ однихъ Старославянскихъ рукописяхъ мыто встрѣчается какъ синонимъ словъ: имѣник, приобрѣтель, жита, мьзда, мьшелъ, даръ; въ Сербскомъ и Болгарскомъ оно употребляется въ смыслѣ дара, поклона; въ Хорутанскомъ въ смыслѣ займа; въ Чешскомъ и Словацкомъ въ смыслѣ вознагражденія, процента и въ смыслѣ засѣки, лѣсной границы; въ Лужицкомъ — въ смыслѣ вынужденнаго дара, пошлины, и т. д. Въ словѣ мыто соединились значенія и древ. Германскаго mota = muta, и Греческаго μισθός, и Готескаго mizdo, и Шведскаго muta, и Халдейскаго middah (tributum), и Санскритскаго mitis (limen). Замѣчательно при этомъ, что вездѣ въ этомъ словѣ удержалось ы (или и, его замѣнившее), и что кое-гдѣ, напр. въ нарѣчіяхъ Хорутанскомъ, Хорватскомъ, Лужицкомъ, вмѣстѣ съ этимъ словомъ есть и Нѣмецкое muta = mota въ смыслѣ Mauth, Zoll. Замѣчательно также, что въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ, напр. въ Сербскомъ и Чешскомъ, отличаются мытъ и мыто. Въ Хорутанскомъ мытарь—наемный пастухъ; въ Словацкомъ и Чешскомъ мытникъ—сторожъ. Въ Литовскомъ есть также слово muitas, въ Летскомъ muita и metteklis; въ Латинскомъ—mutagium = muticulum, и т. д. Нѣтъ почти ни одного народа Индоевропейскаго, въ которомъ бы не было корня слова мыто хоть съ однимъ изъ значеній, съ которыми оно попадается въ Славянскомъ. Напрасно слѣдовательно относить это слово къ числу Германскихъ.

— Навь, навье. „Приведе Янка митрополита Іоана скопьчину, его же видѣвше людье вси рекоша: се навье (по другому списку: мертвецъ) пришелъ; отъ года бо до года пребывъ умре. (Пов. вр. л. 1089). Предивно бысть Полотьскѣ: въ мечтѣ ны бываше въ нощи тутънъ, станяше по улици, яко человѣци рищюще бѣси: аще кто вылѣзяше ис хоромины, хотя видѣти, абье уязвенъ будяше невидимо отъ бѣсовъ язвою, и с того умираху, и не смяху излазити ис хоромъ; посемь же начаша в дне являтися на конихъ, и не бѣ ихъ видѣти самѣхъ, но конь ихъ видѣти копыта; и тако

уязвляху люди Полоцкна... тѣмъ и человѣци глаголаху, яко навье бьють Полочаны (Пов. вр. л. 1092). Яко и навь изъ гроба исходящи (Іоаннъ Экзархъ. 137)". Въ Готескомъ есть naus pl. navcis—мертвецъ, трупъ, navis—мертвый, navistr—могила, ganavistron—погребать: слѣдовательно, заключено было, наши навь и навье взяты изъ Германскаго. Но и Германскіе филологи оканчивали до сихъ поръ свои изысканія о naus и пр. вопросами и сомнѣніями,—и въ Летскомъ есть nahwe—mors, nahwigs—mortiferus, venenosus, nahvet — necare, — и т. д. Въ Чешскомъ нынѣшнемъ очень употребительно unawiti se—устать [1]); въ древнемъ Чешскомъ unawiti значило умертвить (mlatem unawi. Star. Sklad. II. 225), а nawa и naw смерть: - jiti do nawy или do nawi — умереть (oba odešli do nawy a pohřebeni jsou. Hajek, 23; potom Krok jide do nawi. Dalimil, 3). И naw, nawa значило то же что lod'—ладья, корабль, (сравн. Санскритское nâus, Греческое ναῦς, Латинское navis, Французское nef, Готеское nota, Кельтское nawf), такъ что jiti do nawy—умирать—употреблялось какъ будто въ переносномъ значеніи. Кстати вспомнить Русскій обычай погребенія, описанный Ибнъ-Фодланомъ: обрядъ сожженія мертваго, столь общій и у Славянъ, и на всемъ сѣверѣ, происходилъ въ лодкѣ [2]).

— Нети. „Слуды (сълъ) Игоревъ нети Игоревъ... Прастѣнъ (сълъ) Акунь нети Игоревъ" т. е. Слуды посолъ Игоря, нетія князя Игоря... Прастѣнъ посолъ Акуна, нетія князя Игоря. (Дог. Игоря): первый нетій, Игорь, поставленъ на четвертомъ мѣстѣ, послѣ в. к. Игоря, сына его Святослава и жены его Ольги; второй—на одиннадцатомъ, послѣ нетія Игоря, и какихъ то Володислава, Передъславы, Сфандры, Турдуви, Фаста и Сфирька. Въ Никоновской лѣтописи объясненъ смыслъ слова: „Волкъ же служи царю Мусулемаку съ нетіи своими, рекше съ сестреничи", по нынѣшнему съ племянниками. Въ Нѣмецкомъ племянникъ — Neffe; слѣдовательно, оставалось вѣрить, что нети есть слово, занесенное къ намъ съ Германскаго сѣвера. О томъ, что въ древнемъ Сѣверномъ слову нети соотвѣтствуетъ nefi со смысломъ frater, ramus familiae и nift — съ значеніемъ soror, sponsa, nuper nupta, nympha, не было думано. И между тѣмъ стоило подумать, а вмѣстѣ и о томъ, что Нѣмецкимъ Neffe, Nichte, соотвѣтствуютъ Французскія neveu, niece, Латин-

---

[1]) Унавитися кажется производнымъ отъ выти.

[2]) Между языческими божествами Польскими у Длугоша стоитъ Nia=Nya—Pluto.

Digitized by Google

скія nepos, neptis, Греческія ἀνεφιός, ἀνεφία [1]), Санскритскія naptar, naptri, Русскія нева, невѣста, невѣстка. Не надобно было также забыть, что слово нетякъ живетъ до сихъ поръ на всемъ югозападѣ Славянскомъ, у Болгаръ, Сербовъ, Хорватовъ, Хорутанъ, означая племянника. Можно было также замѣтить, что нети = нетерь (срав. мати - матерь, дочь—дочерь) въ женскомъ родѣ, какъ filiola, записано въ Чешскія глоссы Вацерада (XII вѣка), и т. д. Здѣсь же кстати вспомнить и Рус. слово нѣтчикъ, употребляемое въ статейныхъ спискахъ въ значеніи чего то въ родѣ боярскаго сына. Сообразя все это, нельзя было бы, кажется, не отречься отъ мысли, что нетіи зашли къ намъ съ Варягами, если бъ даже и не помогло другое соображеніе, что въ языкѣ, издревле богатомъ названіями разныхъ родственныхъ отношеній, еще не утратившемъ своего древняго богатства, не могло не быть слова для выраженія понятія о племянникѣ.

— Обелъ = обьлъ, обель = обьль, обельный = обьльный. Слова эти встрѣчаются въ Русской Правдѣ: „аже закупъ (наемный слуга) бѣжить отъ господы (отъ хозяйки), то обель (= обелъ—прилагательное). Продастъ ли господинъ закупа обель (нарѣчіе), то наймиту (т. е. закупу) свобода во всѣхъ кунахъ". Для объясненія значенія важно мѣсто объ обельномъ холопствѣ: „Холопство обелное трое: 1) Иже кто хотя купить до полугривны, а послухи поставить, а ногату дасть передъ самимъ холопомъ. 2) А второе холопьство: поиметь робу безъ ряду; поиметь ли съ рядомъ, то како ся будеть рядилъ на томъ же стоить. 3) А се третьее холопьство: тивуньство безъ ряду, или привяжетъ ключь къ себѣ безъ ряду; съ рядомъ ли, то како ся будетъ рядилъ, на томъ же стоить". Не трудно догадаться, что обелъ = обьлъ, обельный холопъ значитъ полный, безусловный невольникъ. Слово облый и до сихъ поръ употребляется въ смыслѣ круглый и въ Русскомъ, и въ другихъ нарѣчіяхъ Славянскихъ: по Хорватски слово obel значитъ не только круглый, но цѣлый, полный; въ Польскомъ obel есть нарѣчіе, означающее то же, что zupełnie, całkiem — вполнѣ, совершенно. Смѣшеніе понятій о круглотѣ и цѣлости, полнотѣ очень естественно: такъ въ Русскомъ говорится и теперь круглый сирота — вмѣсто совершенный, полный сирота, кругомъ виноватъ — вмѣсто вполнѣ виноватъ; такъ и въ Нѣмецкомъ rund heraussagen—высказать все вполнѣ, Англ. all the year

---

[1]) Ср. Готе. nippis.

Digitized by Google

round=круглый годъ. Тотъ же корень съ тѣмъ же смысломъ повторяется въ древнемъ Фризскомъ: beil, bele = нов. Фриз. bel [1]).

— Огнищанинъ сравнивали съ сѣвернымъ Германскимъ Eigingandin, Eingandin — possessor, тогда какъ уже Карамзинъ замѣтилъ Русское слово, отъ котораго оно произошло: „Имя огнищанъ, сказалъ онъ, произошло въ глубокой древности отъ слова огнище или очагъ, знаменовало гражданъ домовитыхъ, и наконецъ образовалось въ названіе житыхъ людей (II, прим. 67). Слово огнище — огниско обще всѣмъ Славянамъ безъ исключенія: въ Польскомъ и Лужицкомъ оно значитъ, между прочимъ, домъ, жилище, какъ во Французскомъ foyer, въ Нѣмецкомъ Rauch (срав. дымъ вмѣсто домъ, хозяйство: вдаша Поляне Козаромъ отъ дыма мечь). Въ Чешскомъ древнемъ было и слово огнищанинъ — ogniščenin: Вацерадъ, въ своихъ глоссахъ на Mater verborum (XII вѣка), объясняетъ его такъ: libertus, cui post servicium accedit libertas. Не то значеніе имѣлъ огнищанинъ въ древней Руси: въ Русской Правдѣ Ярославичей ему дано мѣсто рядомъ съ тѣми, за смерть которыхъ платилась полная вира 80 гривенъ, рядомъ съ княжимъ тивуномъ, старымъ конюшимъ и т. п.; во всякомъ случаѣ это былъ свободный человѣкъ, владѣтель дома, хозяинъ (срав. Чеш. chasa, Итал. casa, Нѣм. Haus), то же, что Сербскій старый кутянинъ (кутя=Старослав. куща—домъ) и доматинъ (отъ домъ).

— Оружіе производилъ Шафарикъ отъ Англо-Саксонскаго arhvus; но неправильность этого производства замѣтилъ даже нѣмецъ Дифенбахъ, полагая, что скорѣе arhvus есть Славянское, занятое Саксонами, чѣмъ напротивъ, и что для этого слова вѣрнѣе всего искать корня въ Славянскомъ ржд = рад: рядить, орудовать, сооружать и т. д. (См. Vergleich. Wörterbuch der Goth Sprache. I. 72). Происходя отъ этого корня, оружіе (Пол. oręż) могло прежде означать всякій инструментъ вообще, всякое снадобье въ домашнемъ быту: такъ и посуда, выражая это общее понятіе, въ Бѣлорусскомъ употребляется въ смыслѣ ружья.

— Смердъ=смрьдъ—нашло себѣ подобное на сѣверѣ въ smaerd—homo nauci: smår значитъ малый, smaerri — меньшій; а smiör — жиръ, масло, сало. Въ среднемъ Латинскомъ извѣстны smirdones, smerdones. Въ Кельтскомъ нарѣчіи Валисскомъ smirt и smilt —

---

[1]) Obelus. Maciejow. Dzieje pierw. 599—600.

Digitized by Google

нищій, попрошайка. Во Фріульскомъ smarda smardina — лѣнивая, неуклюжая служанка. Въ Славянскихъ нарѣчіяхъ всюду извѣстенъ корень смрьд: между прочими словами отъ него произошло — въ Польскомъ Кашубскомъ smird — бѣдный селянинъ, въ Чешскомъ smrdoch = smrad'och — скряга, въ Сербскомъ и Хорватскомъ смрьдель — homo inurbanus, rudis.

— Теремъ. Подъ 945 годомъ (во время Ольги) читаемъ въ лѣтописи „бѣ внѣ града (Кіевскаго) дворъ другый, идѣже есть дворъ Демьстиковъ, за святою Богородицею надъ горою дворъ теремный, бѣ бо ту теремъ каменъ“ (Пов. вр. л.). Подъ 980 (во время Владимира) упоминается и о дворѣ теремномъ Святослава: „Владимиръ въшедъ въ дворъ теремный отень, о нем же преже сказахомъ, сѣдѣ ту съ дружиною своею“ (Пов. вр. л.) и пр. Инымъ казалось, что терема занесены къ намъ Варягами, что теремъ то же, что thurm, turn, torn, tower. Что корень этихъ словъ одинъ и тотъ же, это допустить еще было возможно: его же встрѣчаемъ и въ Греко-Латинскомъ turris=tursis, и въ Романскомъ torre=tour, и въ Кельтскомъ tor = twr; но изъ этого еще нельзя заключать, что куда бы то ни было занесли его Нѣмцы. Въ Русскомъ отъ Нѣмецкаго thurm произошла тюрьма, а не теремъ. Что же касается до слова теремъ, то, мнѣ кажется, оно должно быть отнесено къ числу самыхъ древнихъ принадлежностей языка Русскаго вмѣстѣ съ другими Славянскими нарѣчіями. Въ западныхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ слово теремъ должно звучать трѣмъ = тримъ, тремъ — тръмъ, по общему правилу равенства двухъ Русскихъ е, обставляющихъ р или л, одному западному ѣ = и = е = ъ. И въ Сербскомъ нарѣчіи, въ самомъ дѣлѣ, находимъ треме од сламе — tuguria paleis tecta, у Сербскихъ писателей тръмке у три реда високе—trichora, трехъярусные домики. Кто усумнится въ томъ, что у древнихъ Славянъ были зданія болѣе, чѣмъ въ одинъ ярусъ, тотъ можетъ взглянуть въ лѣтопись Саксона Грамматика, современника разрушенія языческихъ храмовъ на островѣ Руянѣ, что нынѣ Рюгенъ, и тамъ найдетъ, что въ городѣ Кореницѣ, пустынномъ во время мира и наполнявшемся во время нападенія враговъ множествомъ народа, строимы были на скорую руку домы въ нѣсколько ярусовъ, такъ что они выглядывали изъ-за городскихъ укрѣпленій. Теперь для насъ слово теремъ нераздѣльно съ воспоминаніемъ о жизни нашихъ царей въ Москвѣ Бѣлокаменной; но и теперь простой народъ еще строитъ свои теремки надъ клѣтями, никакъ не мечтая о Нѣмецкихъ турмахъ, такъ же, какъ не мечталъ о нихъ и Владимиръ Мономахъ, желая

Digitized by Google

поставить надъ мощами Бориса и Глѣба среди церкви „теремъ серебренъ“ (Ипат. лѣт. 202), или архіепископъ Новгородскій Іоаннъ, поставя теремецъ надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ обыкновенно освящали воду (Новг. II-я лѣт. стр. 135).

— Якорь. Слово это считали перенесеннымъ къ намъ Варягами Скандинавскими, потому что въ Германскихъ нарѣчіяхъ есть akkeri = ancor = oncr = ankar, и т. п. Но почему же заняли мы его не у Грековъ, которымъ ἄγχορα была не менѣе извѣстна, или не у Римлянъ, у которыхъ также dente tenace ancora fundabat naves (Virg. VI. 3), или не у Литовцевъ, которыхъ боги сами себѣ ковали encuris?.. Правда, что у Славянъ западныхъ слово якорь замѣнено теперь другими, каковы, напр., котва, мача, мачка, сидра = шидро; впрочемъ, не совсѣмъ забыто. Такъ, между прочимъ, въ Хорватскомъ и Хорутанскомъ оно произносится съ призвукомъ л: lenger. У Сербовъ јакра отдалилась отъ коренного смысла, означая лотъ для удержанія глубины; но въ пѣсняхъ еще повторяется и јекар, въ смыслѣ якоря:

Паде магла у приморје равно;
А кад пала, лађу вила спрема,
Лађу спрема и јекар извади,
И напина једра од мараме
Те на море сиње одкренула.

Слово јекар употребляется Сербскими и Хорватскими моряками еще въ смыслѣ каната для привязки судовъ къ берегу. —

Кромѣ словъ, здѣсь разобранныхъ, въ число занятыхъ отъ Варяговъ Скандинавскихъ ставили еще городъ (срав. Западн. Слав. градъ, гродъ, Готе. gards, Греч. χόρτος, Лат. hortus, Армян. kert); грузъ (Западн. Слав. грѫз = гра з = грез...); дружина (будто бы буквальный переводъ Норманскаго слова fellag, и между тѣмъ общее почти всѣмъ Славянамъ въ томъ же смыслѣ); колоколъ (отъ корня клак = клѣк; срав. Серб. клецати, клекало — tabula campanae loco, Чеш. klekani — звонъ, и пр.); котьлъ (общее всѣмъ Славянамъ; срав. Греч. κοτύλη, Лат. catillus); купецъ (общее всѣмъ Славянамъ; срав. Греч. κάπηλος, Лат. caupo); лодья = ладья (общее всѣмъ Славянамъ); мужь (Старослав. мѫжь, Польск. mąż, Хорут. mož, Болгар. мъж въ тѣхъ же смыслахъ что и по-Русски); стягъ (въ Западныхъ Слав. нарѣчіяхъ стѧгъ, стегъ то же что и по Русски хоругвь, знамя; холопъ (общее всѣмъ Славянамъ въ формахъ хлапъ = хлопъ и т. п.; срав. Лит. kalps — слуга, klapas — парень;

Digitized by Google

а въ древнемъ Сѣверномъ kalfr то же что теперешнее Нѣмецкое kalb—теленокъ); цѣжь (общее всѣмъ Славянамъ въ формахъ цед=цид=цад, и пр.); челядь (общее всѣмъ Славянамъ), и т. п. Я позволилъ себѣ не останавливаться на нихъ, какъ на не требующихъ объясненій въ защиту ихъ не Германскаго происхожденія. За исключеніемъ всѣхъ этихъ словъ, останется около десятка словъ, происхожденія сомнительнаго, или дѣйствительно Германскаго, каковы напр. тивунъ, шильникъ, ябетникъ, и если по нимъ однимъ судить о степени вліянія Скандинавскаго на нашъ языкъ, то нельзя не сознаться, что это вліяніе было очень слабо, почти ничтожно. Да если бы принять въ разсчетъ и всѣ слова, ставимыя въ число Скандинавскихъ, то и тогда бы нельзя было назвать этого вліянія важнымъ: полъ сотни словъ въ языкѣ, гдѣ было ихъ по крайней мѣрѣ десять тысячъ, такая небольшая доля, которая можетъ перейти отъ одного народа къ другому даже и безъ непосредственныхъ ихъ связей, а черезъ постороннихъ сосѣдей...

II.

(стр. 28).

«Особенно поучительны для Русскаго филолога памятники Чешскіе, Хорватскіе и Сербскіе XIII—XIV вѣка, какъ памятники нарѣчій, до сихъ поръ живущихъ и уже однако во многомъ измѣнившихся: изъ нихъ ясно видно, что значитъ смѣшеніе формъ древнихъ и новыхъ и постепенное угасаніе первыхъ. Сравните формы этихъ памятниковъ съ формами памятниковъ позднѣйшихъ, — и увидите, какъ наконецъ многія древнія формы совершенно угасли» и пр.

Представляю здѣсь нѣсколько примѣровъ въ подтвержденіе этого замѣчанія.

А. Памятники Чешскіе.

I. Отрывокъ изъ Чешскаго Евангелія (по Сгорѣльскому списку IX—X вѣка)—въ подлинникѣ и въ чтеніи, сравнительно съ Старославянскимъ переводомъ (по Остромировскому списку XI вѣка) и съ позднѣйшими Чешскими переводами: a) XIII—XIV вѣка (по Дрезденскому списку) и b) XVI вѣка (по Библіи Чешскихъ братій, 1593 года).— Іоанна XII: 19—28.

Digitized by Google

— 19. Parisęi se rehu c zobezim uidite iaco nice ne sprinihom ai mir uez po nem ide.

Парисеи же рѣху к собѣ*симъ:* видите, ꙗ*ко* ни*че* не прочини*хомъ*, ан миръ *весь* по нѥмъ и*де*.	Фарисеи...ирекошѧ къ себѣ: видите, ꙗко никаꙗ же польза ѥсть, се вьсьмиръ по нѥмь иде.

a) Te*h*dy duchownyci mluwie*chu* sami k sobie: widyte ze ny*cse* ne prospiegem, tot sie gest wesskeri swiet po nem obratil.

b) Tedy Faryzeowé prawili mezy sebau: widite, że nic ne prospjwáte: ay wšecken swět postaupil po něm.

— 20. Behu bo pogane neteri iz nih ise ustupihu abihu ze poclonili u den zlavē.

Бѣ*ху* бо погане нѣтери *изъ* нихъ, *иже* вступи*ху*, абы*ху* сѥ поклонили въ де*нь* славе*нъ*.	Бѧахѫ же Елини нѣции отъ въшьдъшихъ, да поклонѧтьсѧ въ праздьникъ.

a) Y bie*chu* tu nyekterzy pohanssczy z tyech gessto bie*chu* przissli na den slawni poklonu.

b) Byli pak některj R'ekowé z těch, kteřjž přichnazýwali, aby se modlili w swátek.

— 21. Zi se pristupihu c Pilippu ien se be ot Bethsaini Galiled i prozihu iei recuce pē hcemi ihs uideti.

Си же приступи*ху* къ Пилиппу, ѥ*нъ* же *бѣ* отъ Беѳсаиды Галилеe, и проси*ху* ѥй рекуце: пане, хцемы Iесусъ видѣти.	Си же пристѫпишѧ къ Филипу, иже бѣ отъ Видъсаидъı Галилеискъıѩ, и молꙗхѫ и глаголѭще: Господи, хощемъ И҃са видѣти.

a) Protoż ty przistupichu k Philipowi *genz* biesse z Bethzaydy Galileyske, y prosiechu geho rzkuce: Pane rady bychom Gyezyssie widyeli.

b) Ti také přistaupili k Filipowi, kterýz byl od Betsaidy Galilegské, a prosili ho řkauce: Pane, chtěli bychom Gežjše widěti.

— 22. Jde Pilipp i rece Andreiu. Andrei paki i Pilipp recosta Jhu.

Иде Пилиппъ и ре*че* Андрею, Андрей *паки и* Пилиппъ реко*ста* Iесусу.	Приде Филипъ и глагола Аньдреови, и пакъı Аньдреꙗ и Филипъ глаголаста И҃сови.

a) Przissed Philip powiedye Ondrzeegewi. Pak Ondrzyey y Philip powiedy*essta* Gezyssowi.

Digitized by Google

b) Přišel Filip a powěděl Ondřegowi, Ondřeg pak a Filip powěděli Gežjšowi.

— 23. Ihs otuece ima reca pride godina at ozlaui zę zin chlouech.

Іесусъ отвѣце има *река*: приде година ать ослави сѥ сынъ чловѣчь.

Иис҃ъ же отъвѣща има глаголꙗ: приде година да прославитьсѧ сынъ чловѣчьскꙑи.

a) Tehdi Gezyss otpowiedye gym rzka: przissla gest hodyna aby byl ozraczen syn czlowiecsy.

b) A Gežjš odpowěděl gim řka: Přišlat' gest hodina, aby oslawen byl syn člowěka.

— 24. Ueru ueru prauu uam ach zreno sitno padse u zemu umorelo bude ze zamo ostanet ach li umrelo bude uele ploda prineze.

Вѣру, вѣру, правю вамъ, ачь зрьно житно падше въ земю умрьло (не) буде, се само останеть; ачь ли умрьло буде, веле *плода* принесе.

Аминъ, аминъ, глаголѭ вамъ, аще зърьно пьшеничьно падъ въ земли не оумьреть, то ѥдино прѣбываѥть; аще ли оумьреть мъногъ плодъ сътворить.

a) Wiernye, wiernye, prawi wam, gedyne acz zrno obilne padna w zemi ne umrze samo gedyne ostane, a pakli umrze mnohy uzytek przinese.

b) Amen, amen, prawjm wam, zrno pšenicné padna w zemi ne umře li, ono t' samo zustane; a pak li t' umře, mnohy užitek přinese.

— 25. Cto lubi dusu zuoiu preda iu i cto ne nauidi dusę zuoie u zemzuete u siuot uecen strese iu.

Кто *люби* душу свою, прѣда ю, и кто ненавиди душе *своѥ* въ *семъ* свѣтѣ, въ животъ вѣченъ стрѣже ю.

Любѧи доушѫ своѭ погоубить ѭ и ненавидѧи доушѧ своѩ въ мирѣ семь, въ животѣ вѣчьнѣемь съхранить ѭ.

a) Kto swu dussi miluge, ztraty gi, a kto nenawidy swe dussie na tomto swietye, na wieczni zywot ostrzyeha gye.

b) Kto ž miluge duši swau, ztrati t' gi; a kdož nenáwidi dušé na tomto swětě, k žiwotu wěčnému ostřjha gi.

— 26. Ach cto mne zlusi mene zledui i idese iezū iaz tut i zluga moi bude, ach cto mne pozlusi pocesti iei otec moi.

Digitized by Google

Ачь *кто* мнѣ *служи*, мене слѣдуй, и идеже ксъмъ ıязъ, туть и *слуга* мой буде; ачь *кто* мнѣ послужи, почьсти кй отецъ мой.

Аще къто мънѣ слоужить, по мънѣ да ходить, и иде же азъ ксмь, тѫ и слоуга мои бѫдеть; аще къто мънѣ слоужить, почьтеть и отьць.

a) K*toż* mnye posl*u*chuge nasleduy mne, a kde gsem ya tudyez bude y m*o*y sl*u*ha, k*toż* mnye posl*u*huge uczty gey m*o*y otecz.

b) Slauži li mi kdo, následug ž mne, a kdež gsem gá, tut' y mug služebnik bude, a budeli mi kdo slaužiti, poctjt' ho otec mug.

— 27. Nine dusa moia zmucena iesti i ce recu: otce zpazi mę iz tei *g*odini a proto prideh u tu *g*odinu.

Нынѣ душ*а* *мо*ıя смуцена кст*и*, и *че* реку: Отче, спас*и* ми *изъ* *тей* годины? А прото *п*р*идехъ* въ ту годину.

Нынѣ доуша моıя възмѫтися и чьто рекѫ: Отьче спаси мѧ отъ годинъı сеıѧ? Нъ сего ради придохъ на годинѫ снѭ.

a) Gyz ma dusse zarm*u*tila sie gest a *czso* rzku: otcze spas mie z teto hodyni, a proto gsem przissel w tuto hodynu.

b) Nynj duše má zkormaucena gest, a což djm: Otče, wyswobod' mne z této hodiny? Ale proto sem prišel k hodinĕ této.

— 28. Otce, ozlaui zuoie ime pride se glaz z nebe i ozlauih i opeti ozlauu.

Отче, ославя свок имк. Прид*е* же гласъ съ небе: и ослав*ихъ* и опкт*и* ослав*ю*.

Отьче, прослави имѧ твок. Приде же гласъ съ небесе: и прославихъ, и пакъı прославлю.

a) Otcze ozracz swe gmie. Tehdi przygy*de* hlas z nebie: u ozraczil gsem y gessczе ozraczi.

b) Otče, oslawiž gméno swé. Tedy prišel hlas s nebe, řkaucy: y oslawil sem, y geště oslawjm.

II. Чешская пѣсня «O pobiti Sasikow» (изъ Краледворской рукописи XIV вѣка), сравнительно съ новымъ переводомъ В. В. Ганки.

— Aj ty slunce, aj slunečko! ty lisi žalostiwo!
Čemu ty swĕtis na *ny*, na bedne l*jud*i?

Aj ty slunce, aj slunečko, ty li jsi žalostiwo!
Čemu ty switiš na nas na bidné lidi.

Digitized by Google

— Kdě jest knez, kde ljud naš branny? K Otě daleko zajel.
Kto *ny* wrahom wytře, *sira* wlastice!

Kde jest kníže, kde lid naš branny? k Otě daleko zajel.
Kdo tě nam od wrahuw wytrhne, osiřela wlast.

— Dluhym tahem Němci tahu, a su Němci Sasici,
Ot Zhořelskych dřewnych hor w naše krajiny.

Dlauhym tahem Němci tahnou a jsou Němci Sasici,
Ot Zhořelskych dřewnych hor w naše krajiny.

— Dajte, nebożatka, dajte střebro, zlato, zbożice,
Pa*ky* wam *wyšehaju* dwory, *chyšice*.

Dejte nebożatka dejte, střibro, zlato, zbożice,
A pak wám wypaleji dwory, chalupy.

— A wšecko nam *wyšehachu*, střibro, zlato pobr*achu*,
Howědce *ot*ehna*chu*; dale k Troskam *idu*.

A wšecko nám wypálili, stříbro, zlato pobrali,
Howada odehnali; dale k Troskám šli.

— Ne tużte, kmetě, ne tużte! *již* wam trawička wstawa,
Tako dluho stupana cuzim kopytem.

Ne tużte, kmeti, ne tużte, již wâm trawička wstawá,
Tak dlouho stupaná cizim kopytem.

— Wijte wěnce z polskych kwet*ow* swemu wyprostitel*ju*!
Osenje sje zelena, proměn*je sje* w*sje*.

Wijte wěnce z polnich kwetuw swémn wyprostiteli.
Oseni se zelená; promeni se wšecko.

— *Ruce* sje (wsje) proměniše. *Ajta* Beneš Hermanow
Tamo *ljud* w hromadu zwe protiw Sasikom.

Rychle se wšecko proměnilo. Ai tu Beneš Hermanuw
Tamo lid w hromadu zwe proti Sasikum.

— Shluč*echu sje kmetsti ljude* w lěse pod hrub*u* skal*u*.
W*sjak* za *orużje* imě cep protiwo wrahom.

Shlukli se tu sedlšti lide w lese pod Hrubou skalou.
Każdy za zbraní jal cep proti wrahum.

— Beneš, Beneš w předu jede. Za njem wes *lud* drażliwy
Pomstu, pomstu wola w*sjem* Sasom plen*ju*cim.

Digitized by Google

Beneś, Beneś, w předu jede. Za nim wes lid dražliwy,
Pomstu, pomstu wola wšem Sasum plenicim.

— Aj*ta* hnewi uchwati*chu* krutost*ju* obě straně,
Wzbu*ři*chu *sje* w utrobach rozezlenych muž.

*Aj*tu hněwy uchwátili krutosti obě strany,
Wzbouřili se w wnitřnostech rozezlených muž*u*(w).

— Rozohni*chu* zraky *jeju* protiw sobě strašiwo.
Wstan*u* kyji nad ky*je*, kop*je* nad kop*je*.

Rozohnili oči jejch proti sobě strašliwě.
Wstanou kyje nad kyje, kopí nad kopí.

— Srazi*stě* tu ob*e* straně, jakž by lěs w lěs *sje* walil.
Jak blesk hromu po nebi, tako blesk meč*ew*.

Srazili tu obě strany, jakž by les se walil.
Jak blesk hromu po nebi, tako blesk meču(w).

— Wzezwu*če* skřek hrozonosny. Poplaši wes zwěř lěsky,
Wsě nebeska *letadla* až po třeti wrch.

Zezwučel křik hrozonosny. Poplašil wši zwěř lesni,
Wšecko nebeské ptactwo až po třetí wrch.

— Rozleha *sje* po *uwalech ot* Skalnatych hor —
Tu raz kyjew tu mečew, jak kot *wetchych* dřew.

Rozleha se po udolích ad Skalnatých hor —
Tu raz kyju(w), tu meču(w), jak kot starých dřew.

— Ta*ko* sta*st*a obě straně protiw sobě bez hnut*ja*
Na zasazen*u* pat*u*, na pewn*u* litk*u*.

Takto staly obě strany proti sobě bez hnutí
Na zasazenych patách, na pewnych lejtkach.

— Obra*ti* sje Beneš wzhoru, kyn*u* mečem na prawo, tamo sje sila hrn*u*,
Kyn*u* na lěwo, i w lěwo bu*ř*i se sila.

Obratil se Benes wzhuru, kynul mečem na prawo, tam se sila hrnula.
Kynul na lewo, i w lewo bouřila sila.

— O*t* zad na skalnaly lom,
Jz loma wsě kamen*je* na Němce wrh*u*.

Odzad na skalnaty lom.
A z lomu wše kamení na Němci wrhou.

Digitized by Google

Jde potka s chluma w rown*ju*, i *by* Něm*cem* upjèti,
Bylo Němcem prn*u*ti — i pobit*je* jim.

Jde putka s chlumu w rowni, i bylo Němcum upěti,
Bylo Němcum prchnouti — i pobití jim.

Б. Памятники Хорутанскіе и Хорватскіе.

— **Отрывокъ изъ Хорутанскаго Евангелія (по Люблянскому глаголическому списку XIV вѣка) и Хорватскаго (по Задрскому списку XIV вѣка) сравнительно съ двумя переводами Трубера: а) Хорватскимъ Кириловскимъ (Тюбинген. печати 1553 г.) и b) Хорутанскимъ (Тюбинген. печати 1557 г.) и съ двумя новыми: 1) Хорутанскимъ Япеля и Кумердея и 2) Хорватскимъ Миклоушича. Луки, XXIV: 13—35.**

— 13. Два ихъ вь онь *дьнь* грѣ*п*ста въ каштель, *ки* би шестдесеть стадий *вздалѥ* *отъ* 'Ерусалима, *ѥму же* име Емаусь.

— Д'ва оученика *И*соусова бѣста идоуща в'*дьнь ть* в'*всь* отстокчу стадии 60 *вздаль* от Еросолима, к*и же* име Емаоусь.

а) Да ѡдь н'ихь греди*хота* ѡнь истї дан' в каштель, ки би*ше* далеко стадии шестдесеть ѿ крѴсолима, именомъ ЕмаѴсь.

b) Dua is-sh nich gresta na ta isti dan u en cashtel, kir se imenuie Emaus, kateri je bil od Jerusalema shestdeset moshkih wshtrizhtekou delezh.

— 1) Dva is njih sta ravnu ta isti dan shla v'en tèrg s'imęnam Emaus, katęri je bil shęstdeset tekovnih ogradov od Jerusalema delezh.

— 2) Dva zmed vuchenikov Jesusseveh issli szu ov iszti den vu kastel, koi na ssesztdeszet techajev dalko bil je od Jerusalema, imenom Emaus.

— 14. Ино она говор*п*ста *медь* себѣ о вьсемъ, карь се ѥ сългодило.

— И она глагола*хота* мею собо*в* о вьсемь, ча се ѥ припетило.

а) И ѡна говорахота мею собомъ ота всихь *ка* се *бп*хоу згоди*ла*.

b) Jnu sta vmei sebo perpouedala od vseh tich rizhi, kir so se bile sgudile.

Digitized by Google

— Jnu ona sta med sabo govorila od vsiga tęga, kar se je bilú sgodilu.

2) Y oni pripovedali szu jeden drugomu od oneh vszeh, koja szu sze pripetila bila.

— 15. И би, да кадарь она се себѣ говорѣста, ино се прѣпираста, самъ Исъ приближьсе шь нима грѣде.

— И бисть, сьговараючема се има мею собовь, самъ Исъ приближьсе има иде ш нима.

а) И згодисе зговáрающисе тере мею собомъ ищ୪hi, да самь JC୪с приближавшисе гредише ш'нима заедино.

b) Jnu pergudilu se ie, kadar sta taku marunouala, inu eden drusiga isuprashouala, Jesus se tudi k nima perblisha, inu gre sh nima.

— 1) Jnu pèrgodilu se je, kadar sta se pogovarjala, inu isprashovala, se je tudi Jęsus k'njima pèrblishal, inu je s'njima shàl.

— 2) Y vchinyeno je, gda bi sze spomenykuvali, ter med szobum szpitavali, y szam Jesus priblisavajuchi issel je z s-nyimi.

— 16. Очи ста ею послѣпи да га не спознаста.

— Очи же ею дрьжаста се, да 'го не познаста.

а) И очи н'ихъ д'ржани бѣхоу, да га не познаша

b) Ampag nyu ozhi so bile dershane, de ga ne sta sposnala.

— 1) Nju ozhy pak so bilę sadèrshane, de go nista sposnala.

— 2) A ochi nyihove zdersane szu bile, dabi ga ne poznali.

— 17. И рече има: кие суть бесѣде ваю, че имата медь себѣ грѣдѣчи, ино ста жалостна?

— И рьче има; чь соуть бесѣде си, ими же стезаета се мею собовь и еста дрѣсьла?

а) И рече к н'имь: что с୪ овi зговорi, ке мею собомь складата ходещи, и еста жалостна?

b) Jnu on praui k nima, kakoui so le ty vayu sguuory, katere vmei sebo gredozh skladata, inu sta shalostna?

— 1) Jnu on je rękàl k'njima: kakùshni so ti pogôvori, katęre imata med sabo na pôti, inu sta shalostna?

Digitized by Google

2) Y reche nyim: kakove szu to rechi, koje med vami imate, hodechi, ter szte shalosztni?

— 18. Отговоривъ кдънъ, ки се зовеше Клеопа, рече кму: Іесили ты тудькць въ 'Ерусалими, имъ не *чу*, че се к въ нкмъ те дни сгодило?

— И отъвѣчь кдьнъ, кмоуже име Кліопа, рьче кму: ти ли пришльць кси вь Ерусалими и не чулъ кси о *бивьшемь* в немь в сик дьни?

а) И ѡдговоривші кдань ки се зовише именомь Клеофась рече нкмꙋ: ти самь кси приш'лць вь кръсолимь, и ниси познал ѡна, ка ꙋчинкна ксꙋ ѡндѣ ва овихь днехь?

b) Jnu ta eden odgovori, katerimu je bilu ime Cleofas, inu praui k nemu: Ti si sam vmei teimi ptuimi u tim Jerusalemi, kir ne isi ueidel, kakoue rizhi so se u tih dneh u nim sturile?

1) Edèn pak, katęrimu je bilu imę Kleophas, je odgovòril, inu djal njemu: si ti sam en ptuj v' Jerusalimi, inu ni si slishal, kaj se je tę dny notri sgódilu?

— 2) Y odgovorivssi jeden, komu ime je bilo Kleofas, rekel je nyemu: Ti szi szam prihodnik vu Jerusalemu, y ne szi zvedel, koja szu vu nyem vchinyena ove dneve?

19. Рече има: че? И рѣста кму: О Исусѣ Назарѣнинѣ, *иже би* прѣрокъ *сильнъ* дѣломь и *словомь* прѣдь богомь и прѣдь всѣмь людьствомь.

— Рьче *има*: чьто? Она же рѣста, *иже* о Исусѣ Назарѣнинѣ *ие бистъ* моужь пророкь, сильнь дѣломь и словомъ пред' богомь *жп*ред' *чки*.

а) Кимь ѡнь рече: каꙗ? и рекоше нкму: ѡдь Іcꙋса Назаранина, ки бише мꙋшь пророкь, могꙋщь дѣломь и ричью прѣдь богомь и предь всимь пл'комь.

b) Jnu on praui nima: kakoue? Jnu ona nemu prauita: Od Jesusa Nazarenskiga, kateri ie bil en mosh prerok, mogozh s teim dianem inu s to bessedo, pred Bogem inu pred usemi ludmi.

— 1) On je rękàl k'njima: kaj? Jnu ona sta djala: od Jęsusa Nazarenskiga, katęri je bil en prerok, mogozhèn v'djanju inu v'bessędi pred Bogam inu vsim ludstvam.

Digitized by Google

— 2) Kojem je on rekel: koja? Y rekli szu: od Jesussa Nazarenszkoga, koj je bil chlovek prorok zmosen vu chineh y receh pred Bogom y vszem lyudztvom.

— 20. Како га прѣдаше архиєреи и *владици* наши на *осадъєньи* на съмрьть и пропе*ше* га.

— Какo и прѣда*ше* архиєреи и кнези наши на осујенье съмрьти и пропе*ше* и.

a) И како га предаше архиєреи и владавци наши на осꙋєнье см'рти, и пропеше го.

b) Jnu koku so nega ty nashy visshi fari inu regenti isdali u tu ferdamnene te smerti inu so ga krysshali.

— 1) Jnu kakú njega vishi farji inu nashi oblazstniki v' obsojenje k' smèrti isdali, inu so jega krishali.

— 2) Y ka szu nyega prodali veliki popi y poglavuiki nassi na szkvarjenye szmerti, y raszpeli szu nyega.

— 21. Мы же упьва*хомь*, *ѣко* онъ *єсть*, ки избави Израилѣ. Нь за вьсемь семь трети вечь *дьнь* є *дьньсь*, карь се є то съгодило.

— Ми *же* надѣ*ѣхомь* се, *ѣко* ть *єсть* хоте*и* *избавити* Израилѣ. *Нъ* нинѣ надь вьсѣмь третии юрь дьнь єсть чь се є било.

a) А ми се нади*ꙗхомо*, да є ѡнь ки ими*ꙗше* ѡдкоупити Изъраела. А сада св'рхꙋ всихъ ѡвихъ третї дань є данась, да сꙋ ѡ*ва* ꙋчиниє*на*.

b) Mi smo pag se sauupali, de ie on ta, kir bi imel ta Jsrael odreshiti. Jnu zhes letu use ie, danas ta trety dan, kar so le te rizhi sturiene.

— 1) My pak smo vupanje imęli, de bú on Israel odręshil: ali zhes vse tô je vshę danàs ta trętji den, ker se jetó sgodilu.

— 2) A mi szmo sze vufali, da bi on imel bil oszloboditi Izraela. Y vezda obèrh vszh oveeh treti je den denesz, da szu ova vchinyena.

— 22. И жене *ніетере* нась вьсплашише ни, бив*ше* *утрь* рано при гробу.

— Ну и жене є*терие* ужасише ни, бивьше рано оу гроба.

a) Да и нике жене ѡдь нашихь омамиле сꙋ нась, ке су биле вь ютро рано при гробꙋ.

Digitized by Google

b) Nas so tudi nekatere shene od tih nashih omamyle, katere so danas usgudobile per tim grobu.

— 1) So nass pak tudi ene shenę is nashih vstrashile, katęre so pèr grôbi pred dnęvam bilę.

— 2) Da pache y nekoje sene zmed nassich jeszu nasz presztrassile, koje szu pred szvetom bile pri grobu.

— 23. И не нашь*дше* тѣлесе нкговьга, придо*ше* говорѣ*ше*, *ѩко* и видѣньк аньель видѣ*ше*, ки говор*е* да живь кеть.

— И не обрѣть*ше* тѣ*лесе* нкговьго придꙋ говоре*ще*, *ѩко* и видѣньк аньклъ видѣ*ше*, *иже* и говоре*ть*, да живь к*сть*.

a) И не нашад*ши* тѣло нкгово, придо*ше* говоре*щи*, да сꙋ и ангелско виденьк виде*лѣ*, ки говоре да к ѡн живь.

b) Jnu ne sso neshle nega tele*ssa*, te pride*io* inu prau*io*, de so one tudi enu videne tih angelou vidile, kateri so diali, de ie on shiu.

— 1) Jnu kęr ni so njegóvu telú neshle, so prishlé inu rekle, de so tudi eno pèrkasèn tih angelov vidile, katęri pravio, de on shiwy.

— 2) Y ne neyduche tela nyegovoga dossle szu govoreche, da szu y angyelszko vidyenye videle, koi szu ga povedali da sive.

— 24. Идо*ше* нк*тери* нась при гробу и наидо*ше* тако, *ѩко* и жене рѣ*ше*, кю пакь не вид*ѣше*.

— Идо*ше же* к*терии* нась кь гробоу, и обрѣт*у* тако *ѩко* и жене рѣ*ше*, кю *же* не видѣ*ше*.

a) И поидо*ше* ники ѡдь нашихь ки с нами б*ѣх*ꙋ ка гробꙋ, тако ксꙋ и ѡни нашли, како жене *бѣх*ꙋ рек*ле*, дали нкга ни сꙋ видели.

b) Inu nekateri kir so s nami bili, ty so bili shli kiakai h timu grobu, inu so neshli, koker so te shene prau*ile*, ampag nega ne so vidili.

— 1) Jnu eni od nashih so h' grobu shli, inu so rawnu takô neshli, kakor so shene pravile, njega pak niso neshli.

— 2) Y odissli szu nekoi zmed nasseh do groba, y onak szu nassli kak szu sene povedale, a nyega ne szu nassli.

— 25. И *ть* реч*е* им*а*: О *л*уда кьсьносрьчне вѣрꙋкче вь вьсе, че говоре прѣро*ци*.

Digitized by Google

— И *ть* рьч*е* к ним*а*: О неспаметн*а* и срдемь л*ѣна* за вѣровати вь всѐ, чь глагол*еть* пророц*и*.

a) А ѡнь реч*е* к н'имь: О ви безѹмни и лена с'рдца на вѣрованье ва всихь, ка сѹ пророц*и* говорили.

b) Tedai on k nima re*zhe*: O ui neumni inu kasniga serza k uerouanu usimu timu, kar so ty preroki gouurili.

— 1) Jnu on je djal knjima: O vy nespametni, inu kàsniga serzá k' vęrûvanju v vsęm tęm, kar so preroki govorili.

— 2) On pak rekel je nyim: o norczi y kesznoga szerdcza na veruvanye vu vszeh oneh, koja szu govorili proroki.

— 26. Не ли было *подобьно*, да утрьпи Хсъ, и да тако *вьз*ниде вь слав*а* своѩ?

— Не тако ли подоба*ше*, да пострад*ь*е Хсъ, нъ да тако вънид*е* вь славоу свою?

a) Не бише ли потребно, да Кристоусь ѡва трпи, тере в свое краливство вниде?

b) Nei li moral Christus terpeti lete rizhi, inu puiti noter u tu suie gospostuu?

— 1) Ali ny bily potrębnu, de je Christus to tèrpęl, inu taku v' svojo zhast shal?

— 2) Ne li bilo potrebno ova terpeti Kristussu, ter onak vleszti vu diku szvoju?

— 28. И придоше вь каштель, каморе *идъвста*, а ть се чинѣ*ше*, да̇ далеко иде.

— И прид*оше* вь *въсь*, вь н*юже* ид*ѣхота*, и ть творѣ*ше*, да даль иде.

a) И приближа*ше*се х каштелѹ, х кому греди*ху*. А ѡн се чинѩ*ше* дале поити.

b) Jnu oni se perblishai*o* h timu cashtelu, kamer so shli, inu on se ie zhinil de hozhe dale poiti.

— 1) Jnu so se pèrblishali k'tèrgu, kamer so shli. Jnu on je dèrshal, kakór de bi hotel dálej jiti.

— 2) Y prihadyali szu blizu k kastelu, kam szu issli, á on sze je yshinil dalye iti.

Digitized by Google

— 29. И просили ст*а* га говоречи: Остани сь нам*и* *яко* при вечери *ти* *кєсть*, ино *дьнь* се вечь *низиде*. И вьни*де* Хсъ да шь нима оста*де*.

— И ноудјах*ота* и говоречи: *Взлези* сь нам*а*, *ѣко* при вечери кєсть, и прѣклонилъ се *ість* *дьнь*. И вьни*де* Хсъ да сь ним*а* *взлежи*.

a) И присил*ише* га говоре*щи*: пребиваи с нами, кєре се вечерь чини, и начнУть *кєсть* дань. И ѡнь вни*де* да ш н'им*а* бУде.

b) Jnu on*a* sta nega permorala, inu djala: ostani per nama, sakai ushe na uezher gre, inu ta dan se ie naklunil. Jnu on gre noter de bi ostal per nima.

— 1) Jnu ona sta njega pèrmorala, rekozh: Ostani s'nama, kęr se mrazhy, inu se je vshę dan nanil. Jnu on je s'njima notèr shàl.

— 2) Y primorali szu ga govorechi: osztani z nami, ar vecher nasztaje, y den sze je yre nagnul Y issel je nuter s-nyimi.

— 30. И *би*, кьда шь нима сѣдь, вьзе*мь* хлѣбь, благослов*и*, и прѣломи*вь* да*ѣше* нима.

— И *бисть* *кєда* взлеже сь ним*а* вьзе*мь* хлѣбь, благослов*и* и прѣломи*вь* да*ѣше* им*а*.

a) И пригоди се, да за столомь ш н'има сиде*щ*і ваз*е* крУхь, и благослов*и* га разлом*і*, и дава*ше* н'им*а*.

b) Jnu pergudilu se ie, kadar ie on per misi sh nima sidel, vsam*e* ta kruh, inu sahual*i*, potle ga reslom*i*, inu ga nima pod*a*.

— 1) Jnu pergodilu se je, kadar je on s' njima per mysi bil, je kruh vsęl inu ga je posvętil, inu slomil, inu njima dâl.

— 2) Y vchinyeno je, gda bi szedel s nyimi, vzel je kruha y blagoszlavil, y prelomil ga.

— 31. И се отврь*зета* се очи кєю, и позна*ста* нкєго, ть *же* *ишьтезе* сь очию кєю.

— И отврь*зета* се очи им*а*, и позна*ста* *и*, ть *же* *ищезе* оть очию кє*ю*.

a) И отвори*ше* се очи н'ихь, тере позна*ше* нкєго в разломлкєнью кр\ха, и ѡнь *ищезн*У оть очи*ю* н'ихъ.

b) Jnu ny*u* ozhi so bile odperte, inu ga sposnata, inu on pogine prozh od nyu.

Digitized by Google

— 1) Takrat so se niju ozhy odpérle, inu ona sta njega sposnala, inu on je ispred niju ozhy sginil.

— 2) Y odperle szu ochi nyihove, y poznali szu nyega; à nyega je ne sztalo zpred ochih nyihovih.

— 32. Инъ рѣ*ста* *медъ* себѣ: Не ли би*ше* нама срьдца гореча вь наю, кьда говорѣ*ше* кь нама на поту и кьда ськазова*ше* намь письма?

— И рѣ*ста* *медъ* собовь: срьце на*ю* не взгара*ше* ли се вь на*ю*, кгда глагола*ше* кь нам*а* на поути, и кгда сказа*ше* намь письма?

a) И реко*ше* мею собомь: не згара*ше* ли с'рдце наше в па*ю*, кад нам' говора*ше* на пѴтѴ, и письма намъ отвара*ше*?

b) Jnu ona prauita umei sebo: Nei li nashe serze notri u nayu gorelu, kadar ie on s nama na tim potu gouuril, inu ie nama tu pismu odpiral?

— 1) Tedaj sta rekla med sabo: Ali ny bilú naju sèrzę gorezhe v' nama, kadar je na pôti govôril, inu nama pisma ràskladal?

— 2) Y rekli szu jeden drugomu: ne li goruche bilo szerdcze nasse vu nasz, gda je govoril na putu, ter nam je piszma odpiral?

— 33. И вь ть *часъ* вьставьш*а*, вьзвратистасе вь 'Ерусалимь, и обрѣ*ста* кдьнадесьть вькупѣ сьбрани, инь бивьши сь ними.

— И *вь* ть часъ вьставьше вьзвратис*та* се вь 'Ероусолимь и обрѣ*ста* сьвкоупльшесе 11 и иже *бѣхоу* сь ними.

a) И вставши се ва онои Ѵрѣ, вратис*та* се вь Іерусолимь, и наидо*ста* скѴплкнихъ кдандѣсте, ѡнихь ки ш н'ими бѣхѴ.

b) Jnu ona ustan*eta* gori to isto uro, inu se pouer*neta* spet u tu Jerusalem, inu nai*deta* te ainaist u kupe sbrane, inu te kir so sh nimi bili.

— 1) Jnu sta ob tę jisti uri ostala, inu v' Jerusalem nasaj shla, ina sta neshla tę enaist inu tę, kateri so s'njimi bily, vkup sbrane.

— 2) Y gori sztavssi onu isztu vuru povernuli szu sze vu Jerusalem, y nassli szu jedenaizt szkupa szpavlyeneh, y one kosi szu s nyimi bili.

— 34. Говорече: рѣсьно вьскресе Хсъ, и *пьви* се Симону.

Digitized by Google

— Глаголюще: въ истиноу въскрьсе Господь, и яви се Симоуноу.

a) Говорещи: в истинꙋ вск'рснꙋль ксть Господинь, и приказал се ксть Симоуноу.

b) Kateri so diali: ta Gospud ie risnizhnu gori ustal, inu se ie timu Simonu prikasal.

— 1) Katęri so rekli: Gospod je resnizhnu vstal, inu je 'Simonu pèrkasal.

— 2) Govoreche, da je gori sztal Goszpon do isztine, y szkazal sze je Simunu.

— 35. Та *ти повѣдаста*, *че би* на поту, и како позн*аста* га вь прѣломлкньи *хлѣба*.

— Та *те* повѣд*ашета*, *пѣже бѣше* на поути, и како позн*ата и* вь прѣломлкньи *хлѣба*.

a) А ѡна правл*ахота*, ка б*ѣхоу* ꙋчинкна на пꙋтꙋ, и како га позн*аста* в разломлкни крꙋха.

b) Jnu ona sta tudi nim prauila, kai se ie bihu sgudilu na tim potu, inu koku ie bil od nih sposnan is tiga kruha lomlenia.

— 1) Jnu ona sta pravila, kaj se je bilú na pôti sgodilu, kakú sta njega v' lomlenji kruha sposnala.

— 2) Y oni povedali szu, koja bila szu vchinyena na putu, y kak szu nyega poznali vu lamanyu kruha.

B. Памятники Сербскіе.

I. Грамота бана Босенскаго Кулина 1189 года, (по подлиннику, напечатанному въ книгѣ: Сербски Споменици съ Латинскимъ переводомъ, приложеннымъ къ подлиннику).

У име Ѡ҃ца и с҃на и ст҃*аю* дха, ѣ бань Босьньски Кулинь, присез*аю* тебѣ, кнеже крьвашꙋ, и *въсѣмь* граћ*амь* Дꙋбровьч*амь* прави приѣтель быти вамь ѡдь селѣ и до вѣка, и правь *ıои* дрьжати сь вам*и* и праву вѣру, доколѣ сьмь живъ. *Вьси* Дꙋбровьчане кире ходе по моемꙋ владанию, трьгуюке, годѣ си кто хоке крѣвати годѣ си кто мине, прав*овь* вѣр*овь* и правымь с҃рьдьцемъ дрьжати е безь *вьсакое зледи*, развѣ що ми кто да *своевь* вол*овь* поклонь. И да имь не бꙋде ѡдь мокхь *чьстниковь* силе. И доколѣ ꙋ мне бꙋдꙋ,

дати имь съвѣть и помокь, какоре и себѣ, коликоре моiе, безь вьсега зьлога примысла. Тако ми, Бже, помагаи и сие ст҃о еваньгелие. Ѣ Радое диѣкъ бань писахъ сию книгꙋ повелом бановъ, ѠДЬ рожьства х҃ва тисꙋка и сьто и Ѡсмь десеть и деветь *лѣть*, мѣсеца авьгꙋста ꙋ дьвадесети и деветы д҃нь, усѣчен*ие* главе ИѠвана крьстителя.

(Jn nomine patris et filij et spiritus sancti amen. Ego banus Culinus Bosnae juro Comiti Gervacio et omnibus Raguseis rectus amicus fore perpetuo et rectam vobiscum pacem manutenere et amicitiam veram. Et omnes Raguseos terram nostram ambulantes, mercantes, seu habitantes, vel transeuntes recta fide et conscientia vera recipere absque ulla datione, nisi quis suam per voluntatem mi donum dare voluerit. Et apud nos dum fueritis manutenere et consilium eis praebere, ut nostrae personae adñr' posse absque fraude et malo ingenio. Sic me Deus adiuvet et haec sancta evangelia.)

II. Договоръ 1253 года общины Дубровницкой съ царемъ Болгарскимъ Михаиломъ Асѣнемъ (по подлиннику напечатанному въ Сербскихъ Споменицахъ).

Вь име Га Ба нашею Ис Ха. Аминь. Лѣта *въ*пльщинѣ Га нашею Ис. Ха тисꙋ*ща* с н г, мца июнѣ, на днь ст*ою* Вита ен. аі. Сего бѠ ради да бꙋдеть чистое приѣтельство и свьршение чистою любьве, еже било исьпрьва меж*д*ꙋ сто и прѣсла*вь*нога царства *вь*се земле Бльгарьске и Грьчьке ИѠваномь Осѣномь и меж*д*ꙋ Ѡпькиномь славьнога града нашега Дюбровьника. Ѣко сꙋ жили *вь* пра*вь*дꙋ и любь*вь* и *вь* истинꙋ, да повеке растеть и плодь исьнесеть. Исьдавьна *жьлдающе* тебе стомꙋ и вѣрномꙋ вь Ха Ба царꙋ самдрьжавьцꙋ *вьсеи* земле Бльгарьске гднꙋ Михаилꙋ Асѣню, рожеромꙋ Ѡдь благовѣрнихь и стѣ*ихъ* цари, азь Марьсили ГеѠрьги, повеленьемъ славьнога дꙋжа Бенетъчкога кнезь града Дюбровьника, и вьсе сꙋдие и векьници, опькина *вьса* прѣславьнога града нашега Дюбровьника мали и велици, вѣрни приѣтеле стого ти царства исьдавьна врѣмене любовь царства ти имѣти *жьлдающе* вь Ба и вь стое еваньглие Бжье и вь свѣтꙋю девꙋю Марию мати кго и вь чести животворе*щи* крьсть, и вь стꙋ*ю* ап*лу* Петра и Павьла, и блаженꙋ*ю* четири еваньгелисте—Марька, Матеѣ, Лꙋкꙋ, ИѠвана, и вь стꙋ*ю* мꙋченике гдне—Власиѣ, Ловрѣньтъѣ, Петра и Аньдрию, нашихь свѣтитель, и *вьсемь* стимь, вьгодивь*ше* Богꙋ Гдну кльнемь се. Обе*щамо* се твемꙋ великомꙋ стомꙋ царствꙋ, дрьжа(ти) врхꙋ зло-

Digitized by Google

творенье невѣрьного крала Ѹроша, и врьху братью его и рода его, и врьхѸ *въсехъ* живѸ*щихъ* вь земле кговѣ, и на техь, кои на ихъ земле биху дрьжали некое владанье, ако бѸдѸ невѣрници ни приѣтеле твоемѸ стомѸ царствѸ, тако*жде* да бѸде невѣрьници и врагов̑ѣ нашемѸ градѸ ДюбровьникѸ; ако ли *кьто* ѡдь сихь прѣписанихь или вьси ѡбратетьсе стму ти царствѸ, и прѣславьно ти царство приметь ихь вь приѣтельство, а ми да е имамо за приѣтеле. Ако ли Ѹрошь али некто ѡдь прѣписанихь рода его бѸдеть врагь нашемѸ градѸ ДюбровьникѸ, бѸдешь врагь стомѸ ти црству; ако ли кьто ѡдь прѣписанехь бѸдешь приѣтель градѸ ДѸбровьчкомѸ, високо твое царство да га има за приѣтела. И *аще* Богъ поможеть стомѣ ти царствѸ исьпѸдити врага твога и нашего Ѹроша ись Срьпьске земле и брата его Владислава и родь ихь, или дрѸзи властеле и прибѣгьнѸ градѸ ДюбровникѸ, ми да ихь не примемо, ни *речи* ихь; нь те да имь пакостимо, колико можемо. И сто ти царство да не створить мирь безь нась сь Ѹрошемь, и нась сьш нимь не пустити безь мира. И *паче* да бѸдемо сь стимь сь твоимь царствомъ врьхѸ Ѹроша, врага твога и нашега, и вьрхѸ *вьсега* свога рода, и врьхѸ ѡнога, кои би биль после на еговь столь. И рать и мирь да *имо* сьш ними наедьно вь *животь* сто*го* ти царства и нашь, и стомѸ твомѸ царству дамо помокь *прокеъ* мочи нашеи по поморью, по морѸ и по сѸхѸ. И ако Богъ поможе твое*м*Ѹ стомѸ царствѸ, и примешь РашькѸ землѸ с Ѹ*семи* придели, и намь Богь да помокь приети вьсе граде или костеле, ере сѸ приморьске, и пристое РашькомѸ *стол*Ѹ, да ихь придамо стомѸ твомѸ царствѸ добромь веро*вь*, безь *пропаства*, или ѡномѸ чловѣкѸ, кои би послань сто*го* ти царства *прокеъ* мочи наше*и*. И кьда ми *вьвемо*, ере твое сто царство *вьлезе вь* СрьпьскѸ землѸ; а ми да се *вь*готовимо, наивече за дьвѣ неделе ѡдько*ва* ми чѸемо, с Ѹ*сомь* нашомь силомь и мокью, и да поидемо по морѸ врьхѸ граде поморьске и земле, *се* ѡ*неми* лѸдь*и*, кои се ѡбрѣту то време вь градь Дюбровьчки, расьвѣ да ѡставимо толико зи лѸдь*и*, колико да могѸ чѸвати града Дюбровьког*а*. И ако Ѹрошь, или брать его Владиславь, или *кьто* ѡдь рода того, или властелинь би хьтель *хабити* или би *исхабиль* намь, а твое сто царство да ни помага *прокеъ* свою мокь врьхь ихь, и да имь *исьхабишь*. Людье и кѸпьци ѡдь стога свѣтога ти царства и ѡдь Зет*а* ти стог*о* царства Петра севастократора сь добитькимь, ако приде*ть вь* нашь градь Дюбров*ь*никь: да бѸдѸть *сп'сени* и варовани вь Дюбровьникь и въ прѣдель его, ѣко и сами Дюбровьчкане, и да стое*ть* вь Дюбровьникь на свою си волѸ, и ствре*ть* (сьтворе*ть* свои трьгь, продаваюк*е* и кѸпѸюк*е* безь *вьсакое* данье

и безъ высакое пакости. И да имъ се не *везьметъ* никоре данье ни на вратехъ, ни на мосте, ни на броде, ни на пѹти, и *наче* да си кѹпѹю *высяки* трыгъ, ко'имъ ѥ на потребѹ: злато, сробро, свите и златьне поставѣ, или ино що имъ ѥ *годѣ* расьвѣ пьшенице, кою да не исьносетъ ись града Дюбровьчкога безъ повеленьѣ кнеза, кои би билъ поврѣмене, въ кнежьство Дюбровьчко. Такоде и лѹдьѥ и кѹпьци прѣславьнога града Дюбровьника, еже приходеть въ земле ст'*аю* ти царства и въ земле Зете ст'*ою* ти царства Петра севастократора, да си кѹпѹютъ и продаютъ свобoтьно въ прѣписанехъ землехъ безъ пакости, *высакѹ* кѹпью на волѹ ихъ. И да имъ се не везметъ *кѹмерекъ* ни никире данье ни въ граде, ни на *съборе*, ни въ селѣхъ и кѹпьцемъ, ни на мосте, ни на рѣкахъ, ни на пѹтехъ, кьте (къде) да бѹдѹ свободьни на *высако* место, и стоетъ, и поидѹтъ на ихъ хьтенье, и да се ѡбрате. И да бѹдѹ *спасени* и стрежени въ телахъ и въ добитькъ ихъ. И аще клѹчить сьмрьть некомѹ чловѣкѹ, или кѹпьцу ѡдъ твою стого ти царства, или чловѣку или кѹпьцѹ Петра высокого севастократора. въ кнежьство Дюбровьчьско, или сь *езикомъ* или безъ *езика*. И да бѹдетъ безъ *дрѹжине* да *весъ* добит'къ ѡнога *мьрьца* чинимо написати. и сьда твое сто царство за ихъ поплеть свое книге, да дамо, а добитькъ ѡнога *мьрьца* ѡдъ нась да не погибьне *нищоре*. Тако*жде* людемъ и кѹпьцемъ Дюбровьчькимъ годитъ се сьмрьть или сь ѥзикомъ или безъ *езика* въ землахъ стога ти царства и въ земахъ височкого севастократора гдна Петра, а дрѹжинѹ си не бихѹ имели. добитке ѡнога *мьрьца* бѹдѹтъ *спасена* за твое стое царство, да се прѣдаде ономѹ, кои за добитькъ прѣписанъ *мьрьца* сь книгами гдна кнеза Дюбровьчькога би билъ посланъ. И ако людье стого ти царства или Петрови височкого севастократора имѹтъ иськати некою *праванѹ* врьхъ кога годе чловѣка кнежьства Дюбровчькога да ми бѹдемо *дрьжани* ѡ немь чинити *правинѹ*, безъ *сѹдьбине* и безъ данье, по законѹ нашемѹ, сьвьршенѹ правдѹ; и такоде правьда да бѹде нашимъ людьмъ въ земахъ стого ти царства и Петровехъ севастократора, по ваше сто царство и по височкого севастократора безъ никире данье и безъ *сѹтьбине*. Никоре *емьство* да *не медѹ* стомѹ царствѹ и нась, докьде се не сѹди въ правьдѹ. И ѣко Богъ поможетъ стомѹ ти царствѹ, и приметъ земле Срьпьске, да си мамо ѡньзи стари законъ сьш ньми, кои е имелъ и нашъ градъ Дюбровьникъ. И да сгоимо с ѹсеми земли и гради Срьпьске и поморьске въ ѡнехъ законехъ. кое смо имели сьшь ними прѣжде *годищь* петьнадесете, кои сѹ ньсьшьли *досева*. И ако Богъ поможетъ стомѹ ти царствѹ, и бѹдешь гднь *восеи* земле Срьпьске, да не кьто

Digitized by Google

зли людье *меду* стому ти царству и *меду* нашь градь Ўложе злеть (зледь); паче да любовь *всеге* ѡдь добро *напобольше* расти. Земле и села, и државѣ ѡдь земле и сь сЎха, ѡдь села, и дрьжавѣ ѡдь ѡ*нехъ* земле, и ѡдь ѡ*нехъ* сель, и дрьжавѣ, кое господь Богь помога*еть* те брьзо хоте бити прѣдане твомЎ величеству, хокемо е бележити. А прѣписане дединѣ наше земле и села и дрьжавѣ начинаю*ть* ѡдь цркве стого Георьгиѣ врьхь стари градь Епитаврь, *иже* идЎ*ть* до цркве стого Петра, а ѡдь цркве стого Петра идЎ*ть* до цркви стого Пократа, а ѡдь цркви стого Пократа како дрьже Горьре врьхь Бѣлома и слезЎ*ть* до Млин*ехъ*, а ѡдь Млин*ехъ*, како дрьжЎ*ть* Горьре, кое гредЎ*ть* врьхь Жьрьновьницѣ дери до Влащице, а ѡдь Влащице, како дрьж*еть* Горьре, кое сЎть врьхь шуме—ть, и гредЎть до Ока, а ѡдь оне стране Ока, како дрьжеть Горьре, кое су врьхь рѣке, и сьтегьну*ть* се дери до Горьре, кое сЎ врьхь Корила, а ѡдь Корила, како дрьже Горьре, кое сЎ врьхь Затонъ и врьхь Полице и врьхь Орашьць, *и* сьтегьнЎ*ть* се до цркви сте Текле. И *всe* медье ѡдь прѣписан*ехъ* земле и села и дрьжавѣ ѡдь врьхе ѡдь *всe* прѣписанѣ Горьре слезЎть до мора, *всe* сЎ наше дедине. И ѡноньзи законь, кои есть ѡдь *кЎмерекъ* сольски *меду* краль Срьбски и градь Дюбровьчки, да дрьжи сто ти царство; а вѣдомо де ѡдь *всe* соли, коѣ се продае не вече лЎдьмь Рашькимь половина ѡдь добитьѣ да има сто ти царство, а дрЎгЎ половинЎ да има ѡпькина Дюбровьчька, како било вь стари законь; и сто ти царство да дрьжи намь стари законь а вѣдомо ѡдь рѣке Дриньске до Неретьвѣ *кЎмерекъ* сольски да *нестъ* на ино место расьвѣ вь Дюбровьникь. И ако Богъ поможе стомЎ ти царствЎ приети всe граде поморьске, наша мати стаѣ цркви, мати *всемь* наш*имь* црк*вамь*, да си дрьжи то, що е дрьжала, по *всехъ* градов*ѣхъ* или по сЎхЎ, или пискЎпье или манастире или цркви или попови или инЎ некою *правьдЎ*, кою е имела ѡдь стрихь врѣмен*ехъ*, да си има свобоѳно, ѣко е писано вь стар*ихъ* книг*ахъ* брѣвѣлеги. А ми *вса* ѡпькина града нашега Дюбровьника мали и велици да смо *дрьжани* чинити клети всe кнезовѣ, ки бЎдЎ*ть* по врѣмен*ехъ* вь Дюбровьникь, по хьтеню славьнога дЎжа Бенетекькога, дрьжати си ѡбѣть вь врѣме свога кнежьства, ки да се кльне вь кнежьство Дюбровьчько; и ако ми прѣстЎпимо сию клетьвЎ и си ѡбѣть, да ни сЎди Богъ и сиѣ клетьва и на *семь* свѣте и на ѡномь. И ми и дѣтьца наша да *имо* везанье и гневь ѡдь високога папѣ Римьскога Ў веки Ўсе сие приписанье, да имамо и хокемо дрьжати спасаю*ще* клетвѣ и *почеть* и слЎжбе, кое смо дрьжани чинити гдн Ў ДЎжЎ и ѡпькинѣ Бенетчкои доклЎ бЎде сто ти царство и ми. И да сие ѡбѣтьтованье и сие пи-

Digitized by Google

санье дрьжить повещ8 потверьденье, запечакено ксть печатью ѡпькиньскомь и славьнога Марьсилиѣ Геѡрьгиѣ кнеза нашега града Дюбровника. А сиѣ с8ть имена ѡнехь, ки се с8 клели, да б8де ѡбьтьтованье твьрдо и крепько. Прьвославьни властелинь гднь Марьсили Геѡрьги Кнезь Дюбровьчки. (За тѣмь подписаны *судье*: 5, *Вѣкьницu* ѡдь малога *веча:* 6, ѡдь *вѣка* 8молени: 7, *Висьпрье* ѡпькиньски: 8, Прьци градьци: 2, Ки дрьже добитекь сте Боце: 2, *Векьници* ѡдь вельега *веча:* 70). И врьхь вьсе ѡво писанье Марьтоль Г8леривикь *бань* ѡдь кнеза Дюбровчького и ѡд вьсе ѡпькине града Дюбровьчького с хотеньемь гдна кнеза Дюбровького и вьсехь властель Дюбровь: сьвономь (звономь) звонивьше на сьборе, ѣко е по закон8 Дюбровьком8 врьхь д8ше свое и вьсе ѡпькине Дюбровьчьке си ѡбьть потверьдиль дрьжати и клель се.

.III *Записка о правахъ купцовъ и поселенцевъ Дубровницкихъ* (списана съ пергаменнаго списка XIII—XIV вѣка).

Писано ксть вь стар*ихь* книг*ахь*, какьвь ксть стари законь трьговьц*емь* Дубровьч*амь*, да путове си и трьгове вед*у* вь тудьи земли и каку заклетьвь даше за тьи *дльь* кнез*емь* и властел*емь* и *вьсеи* ѡбьчинѣ градь*сиѣ*—цари и крали Рашьки и Бани Босьньски и ино владальци Зетьски и Хльмѣски и Трѣв8ньски и ини владальци Срьбски и Влашьки и ини на с8*сѣ* и на мору, сь своиов*ь* волов*ь*, сь правов*ь* вѣров*ь*, да стоимо сьшь ними у любьвь и у вечьни и тьврди мирь у вьса*иѣ* правьдѣ, у си вѣкь у б8д8чи. — Вьсакь Дубровьчань да *ксть* добрь гость. Да да доходи и преходи по град*охь* и трь*юхь*, путу*и* и трьг8*и*, кьде си кьто хоке по *вьсеи* области свободьно и *просторно* сь своими си рѣчьми и трьги. Да ксу*ть* отворене земле и море кол8 имь и *дрѣв8* и товар8. Да *нѣ* имь зледи никѣре, нь да властеле и кьметие и людье да ихь хране*ть* оть зьла и да имь даде*ть* помочь *прѣкювь гусе* и *всакое* пакости. Да имь се дае*ть* *срѣга* и проводь оть *вьси* и у *вьсь*, да ихь людие проводе, какоре приходе, и да тамо товарь растоваре, кьдѣ имь *трѣбѣ* ксть или но кьдѣ хоке. Да имь се царина не вьзьмле*ть* ни одь мала ни до вел*а*: да се царина и вьсѣка правьда плати*ть* ѡдь ѡпькине; а трьговьц8 свобода. Ако ли да да кои поклонь кому е любо, да то *нѣсть* по закону, нь добров*ь* волов*ь:* ако не хоче не да, и тако да иде. Де не вьспрашае*ть* га ни*кьто*, кии онь трьгь има и камо иде, и да *нѣ* м8 забаве на п8т8 никокре. У конов*ь* ли *вьси* забаве*ть* га на п8т8 и 8 трьг8, та *вьсь* да оправи м8 кривьд8 по закон8. Бнль би б8де*ть* кривь трьговьць, да м8 се *вьземе* к8пле и

добитькь сȣдомь, докȣ *же* не оправди да *нѣ* свободьнь; брѣзь сȣда да то нѣ*сть*. — А за преселици Дȣбровьчьки, да ѥсть имь свобода по закону: како гьдѣ се посели у краи коѥмь, тако да пребываѥ*ть* свобoтьно, тькьмо да даѥ доходькь господьски, каꙗ ѥ*сть* *сока* и *даниꙗ* по законȣ; нь да дьржи*ть* ниве и трѣвы и шȣме, винограды пуди, куки зида, люди сели, млины стави, по законȣ, жито и вокье и вино продавае*ть* свободьно, тькьмо да плати десе*ши*нȣ стомȣ Власию. И ако се обрѣте кои *дльь* медȣ Влахомь и Срьблиномь, за мани *дльь* да има ѥ сȣдь *поротьнь:* да ѥ*сть* сȣдьца ѥдинь Срьблинь, а дрȣгии Дȣбровьчань, и що да ȣсȣ*дита* то зи да ѥ сьврьшено. А за велии *дльь* да иде*та* прѣдь Краля, ако ли *вьр*ȣѥ*ть* Влахъ Срьблина; ако ли *вьр*ȣѥ*ть* Срьблинь Влаха, да се иде*та* прѣдь кьнеза Дȣбровьчькогa, и да се оправи крьвьда потомь, *кьто* ѥ кривь.

Сославшись на эту записку выше (стр. 109) по поводу слова *вьровати*, привожу это же слово здѣсь и изъ другихъ древнихъ памятниковъ Сербскихъ:—Грам. 1239. „И сѣ ѡще: ако *вьр*ȣѥ Серблинь Влаха, да се при предь кнеземь Дȣбровьчькимь; и ꙗко *вьр*ȣѥ Влахъ Серблина, да се при предь Баномь.“ — Грам. 1280 г. „Коде *вьр*ȣѥ да се кльне у стари законь, како ѥ било за старихь кнезь; коде не ѥ клель да нѣсть мȣ дѣла ѡдь присȣда и *вьрованьа*“.

III.

(стр. 28 и 27).

„Такое переходное состояніе было и въ языкѣ Русскомъ, и, кажется, въ то же время какъ и въ западныхъ нарѣчіяхъ Славянскихъ—въ XIII—XIV вѣкѣ“.

„Древнее мѣшалось въ немъ съ новымъ; формы древнія и новыя употреблялись все болѣе безразлично—новыя формы какъ выраженіе того направленія, которое языкъ долженъ былъ принять въ послѣдствіи, а древнія какъ голосъ еще не умершаго прошедшаго“.

Доказательства этому представляются во всякомъ изъ памятниковъ Русскаго языка этого времени. Для примѣра выбираю нѣсколько небольшихъ отрывковъ.

Digitized by Google

Изъ лѣтописей.

(По Лаврентьевскому списку XIV вѣка, изд. проф. Тимковскаго, М. 1824).

Формы Старославянскія отмѣчены *косыми буквами*; подъ формами Русскими, замѣнившими формы древнѣйшія, помѣщено чтеніе, которое считаю болѣе сообразнымъ съ характеромъ древняго Русскаго языка.

— Въ лѣто 6367. Имаху дань Варязи изъ заморья на Чюди
имаахꙋ заморꙗ
и на Словѣнехъ, на Мери и на всѣхъ Кривичѣхъ; а Козари
Словѣнѣхъ вьсѣхъ
имаху на Полянѣхъ и на Сѣверѣхъ и на Вятичѣхъ; имаху по
имаахꙋ имаахꙋ
бѣлѣи вѣверицѣ.
бѣлии

Въ лѣто 6370. Изъгнаша Варяги за море, и не даша имъ дани,
изъгънаша Варꙗгы дашꙗ
и почаша сами въ собѣ володѣти; и не бѣ в нихъ правды, и въста
почꙗшꙗ въ праведы
родъ на родъ, быша в нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся.
бышꙗ въ усобицꙗ почꙗшꙗ
Рѣша сами въ себѣ: поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и
рѣшꙗ кънꙗзꙗ
судилъ по праву. Идоша за море къ Варягомъ к Руси: сице бо ся
идошꙗ къ
зваху тьи Варязи Русь, яко се друзии зовутся Свое, друзии же Ур-
зъваахꙋ тъи зъвуться Свеѥ
мане, Анъгляне, друзіи Гъте; тако и си. Рѣша Руси Чюдь, Словѣни
Гъте рѣшꙗ
и Кривичи вся: земля наша велика и обилна, а наряда в неи нѣтъ,
вьси: нашꙗ обильна въ неи нѣсть
да поидѣте княжитъ и володѣти нами. И изъбраша ся 3 братья с
кънꙗжитъ володѣтъ изъбьрашꙗ братиꙗ съ
роды своими, пояша по собѣ всю Русь, и придоша: старѣишии Рю-
поꙗшꙗ вьсю приидошꙗ старѣи
рикъ (сѣде в Новѣградѣ,) а другии Синеѹсъ на Бѣлѣ озерѣ, а тре-
тии Изъборьстѣ Труворъ. Отъ тѣхъ прозва ся Руская земля Нову-
прозъва Русьскаꙗ

Digitized by Google

городьци: ти суть людье Новугородьци отъ рода Варяжьска, прежe
людиѥ
бо бѣша Словѣни. По дву же лѣту Синеусъ ѹмре, и братъ его Тру-
бѣшꙗ дъву ѥго
воръ; и прия власть Рюрикъ, и раздая мужемъ своимъ грады, овому По-
По-
лотескъ, овому Ростовъ, другому Бѣло озеро. И по тѣмъ городомъ
лотескъ
суть находници Варязи, а перьвии насельници въ Новѣгородѣ Сло-
находьници прьвии —
вѣне, Полотьски Кривичи, в Ростовѣ Меря, въ Бѣлѣ озерѣ Весь, въ
Полотьстѣ — — —
Муромѣ Мурома. И тѣми всѣми обладаше Рюрикъ. И бяста ѹ него
вьсѣми оболодааше бѣꙗста нѥго
2 мужа не племени его, ни боярина, и та испросиста ся ко Царю-
мужꙗ ѥго къ
городу с родомъ своимъ. И поидоста по Днѣпру, и идуче мимо и
съ родъмь своимь Дънѣпьру
ѹврѣста на горѣ градокъ и упращаста, рѣста: чии се градокъ? Они
увьрѣста въпрашааста,
же рѣша: была суть 3 братья—Кии, Щекъ, Хоривъ, иже сдѣлаша
рѣшꙗ братиꙗ съдѣласта
градокось и изгибоша, и мы сѣдимъ платяче дань родомъ ихъ Ко-
городокъ сь възгыбошꙗ
заромъ. Асколъдо же и Диръ остаста въ градѣ семь, и многи Ва-
Асколдъ мъногы Ва-
ряги совокуписта, и начаста владѣти Польскою землею, Рюрику же
рягы съвъкуписта начꙗста
княжащу въ Новѣгородѣ.
кънꙗжꙗчю —

— Въ лѣто 6387. Умершю Рюрикови предасть княженье свое
Умьрьшю кънꙗжениѥ своѥ
Олгови отъ рода ему суща, вдавъ ему сынъ свои на руцѣ Игоря;
Ольгови
бысть бо дѣтескъ вельми.
дѣтьскъ

Въ лѣто 6389. Поиде Олегъ, поимъ воя многи Варяги, Словѣни,
мъногы Варꙗгы Словѣны
Мерю, и всѣ Кривичи, и приде къ Смоленьску съ Кривичи, и прия
вьсꙗ — Смольньску
градъ, и посади мужь свои. Оттуда поиде внизъ, и взя Любець и
своихъ отътуда вънизъ възꙗ Любьчь

Digitized by Google

посади мужь свои. Придоста къ горамъ хъ Киевскимъ, и Ѵвидѣ
Кыѥвьскыимъ
Олегъ, яко Осколдъ и Диръ княжита, похорони вои в лодьяхъ, а
Ольгъ Аскольдъ кънꙗжита воꙗ въ лодиꙗхъ
другия позади остави, а самъ приде нося Игоря дѣтьска. И приплу
другыꙗ
подъ Угорьское похоронивъ вои своя и присла ко Асколду и Дирови,
воꙗ присъла къ
глаголя, яко: гость есмь, идемъ въ Греки отъ Олга и отъ Игоря
Грькы Ольга
Княжича, да придѣта к намъ к родомъ своимъ. Асколдъ же и Диръ
Кънꙗжичꙗ, къ къ
придоста; выскакав же вси прочии изъ лодья, и рече Олегъ Ас-
выскакавъ лодиꙗ Ольгъ
колду и Дирови: вы нѣста Князя, ни рода Княжа, но азъ есмь роду
Кънꙗзꙗ Кънꙗжꙗ
Княжа, — вынесоша Игоря — и се есть сынъ Рюриковъ. И оубиша
Кънꙗжꙗ вынесошꙗ сь убишꙗ
Асколда и Дира, несоша на гору, и погребоша и на горѣ, еже ся
несошꙗ погрьбошꙗ
ныне зоветь Угорьское, где нынѣ Ольминъ дворъ; на тои могилѣ
нынѣ зъветь къдѣ нынѣ Ольминъ могылѣ
постави Ольма церковь святаго Николу; а Дирова могила за святою
цръкъвь свꙗтааго могыла
Ориною. Сѣде Олегъ княжа въ Киевѣ, и рече Олегъ: се буди мати
Ольгъ кънꙗжꙗ рьче Ольгъ
г*ра*домъ Рускимъ.
Русьскыимъ.

— Въ лѣто 6453. В се же лѣто рекоша дружина Игореви: от-
Въ рькошꙗ
роци Свѣньлъжи изодѣлися суть оружьемъ и порты, а мы нази;
Свѣнелжи оружиѥмь
поиди, Княже, с нами в дань, да и ты добудеши и мы. Послуша
кънꙗже съ въ послушꙗ
ихъ Игорь, иде въ Дерева в дань, и примышляше къ первои дани,
въ примышлꙗаше прьвои
насиляше имъ, и мужи его; возъемавъ дань, поиде въ г*ра*дъ свои.
насилꙗаше възъѥмавъ
Идуще же ему въспять, размысливъ рече дружинѣ своеи: идѣте съ
идущу възъпꙗть разъмысливъ рьче
данью домови, а я возъв*ращ*юся, похожю и еще. Пусти дружину
данию ꙗзъ възъв*оро*чюсꙗ
свою домови, съ маломъ же дружины возъв*ра*тися, желая больша
малъмь възъв*оро*тисꙗ большꙗ

Digitized by Google

имѣнья. Слышавше же Деревляне, яко опять идеть, сдумавше со
имѣниꙗ слышавъше съдумавъше съ

Князем҄ъ своимъ Маломъ: аще ся въвадить волкъ в овцѣ, то выно-
кънꙗзьмь своимь Малъмь влъкъ въ овьцꙗ

сить все стадо, аще не убьють его; тако и се: аще не ꙋбьемъ его,
вьсе убиють такъ убиѥмъ

то вся ны погубить. Послаша къ нему глаголюще: почто идеши
вьсꙗ посълашꙗ къ ниѥму почьто

опять? поималъ еси всю дань. И не послуша ихъ Игорь, и вышедше
вьсю вышьдъше

изъ града Изъкоръстѣня Деревляне ꙋбиша Игоря и дружину его,
Изъкоростѣнꙗ убишꙗ

бѣ бо ихъ мало. И погребенъ бысть Игорь: есть могила его оу Ис-
погрѣбенъ могыла Изъ-

коръстѣня града в Деревѣхъ и до сего дне.
коростѣнꙗ въ дьне

Вольга же бяше в Киевѣ съ сыномъ своимъ съ дѣтьскомъ
Ольга бѣаше въ сынъмь своимь дѣтьскъмь

Святославомъ, и кормилець его Асмудъ, воевода бѣ Свѣнелдъ, тоже
Свꙗтъславъмь кръмильць Свѣнельдъ, тъже

отець Мистишинъ. Рѣша же Деревляне: се князя оубихомъ Рускаго;
отьць Мьстишинъ кънꙗзꙗ Русьскааго

поимемъ жену его Вольгу за князь свои Малъ, и Святослава, и
Ольгу кънꙗзь Свꙗтъслава

створимъ ему, яко же хощемъ. И послаша Деревляне лучьшие мужи
сътворимъ посълашꙗ лучьшиꙗ мужꙗ

числомъ 20 въ лодьи къ Ользѣ, и присташа подъ Боричевымъ в
чисьлъмь лодии присташꙗ въ

лодьи. Бѣ бо тогда вода текущи возлѣ горы Киевския, и на По-
лодии тъгъда възъдолѣ Кыѥвьскыꙗ По-

дольи не сѣдяху людье, но на горѣ; градъ же бѣ Киевъ иде же
долии сѣдꙗаху людиѥ нъ Кыѥвъ идѣ

есть нынѣ дворъ Гордятинъ и Нифовъ, а дворъ княжь бяше в го-
Грьдꙗтинъ кьнꙗжь бѣ въ

родѣ, иде же есть дворъ Демьстиковъ, за святою Богородицею надъ
идѣ

горою, дворъ теремныи, бѣ бо ту теремъ каменъ. И повѣдаша Ользѣ,
теремьныи камьнынъ повѣдашꙗ

яко Деревляне придоша. И возва е Ольга к собѣ, (и рьче имъ):
придошꙗ възъвва ꙗ къ

добри гостье придоша? И рѣша Деревляне: придохомъ, Княгине. И
гостиѥ придошꙗ рѣшꙗ Кънꙗгыне

рече имъ Ольга: да глаголете, что ради придосте сѣмо? Рѣша же
рьче глаголѣте чьто рѣшꙗ

Древляне: посла ны Деревьска земля, рькуще сице: мужа твоего уби-

хомъ, бяше бо мужь твои аки волкъ восхищая и грабя, а наши
бѣаше волкъ възъхычаꙗ

Князи добри суть, иже распасли суть Деревьску землю; да поиди
кънꙗзи оже разъпасли

за Князь нашь Малъ. Рече же имъ Ольга: люба ми есть рѣчь ваша;
кънꙗзь рьче вашꙗ

Уже мнѣ мужа своего не крѣсити; но хочю вы почтити на Утрия
мьнѣ нъ почьтити

предъ людьми своими, а ныне идѣте в лодью свою, и лязите в лоды
нынѣ въ лодию въ лодии

величающеся; азъ Утро послю по вы, вы же рьцѣте: не едемъ на
посълю ѣдемъ

конѣхъ, ни пѣши идемъ, но понесѣте ны в лодьѣ; и възнесуть вы
нъ въ лодии възънесуть

в лодьи. И отпусти я в лодью. Ольга же повелѣ ископати яму
въ лодии въ лодию

велику и глубоку на дворѣ теремьстѣмь внѣ града. И заУтра Волга
вънѣ Ольга

сѣдящи в теремѣ, посла по гости, и придоша к нимъ глаголюще:
въ посъла придошꙗ къ

зоветь вы Ольга на честь велику. Они же рѣша: не едемъ на ко-
зъветь чьсть ѣдемъ ко-

нихъ, ни на возѣхъ, понесѣте ны в лодьи. Рѣша же Кияне: намъ
нѣхъ въ лодии Кыꙗне

не воля, Князь нашь Убьенъ, а Княгини наша хоче за вашь Князь.
Кънꙗзь ѥсть убиѥнъ Кънꙗгыни нашꙗ хочеть Кънꙗзь

И понесоша я въ лодьи. Они же сѣдяху в перегъбѣхъ въ великихъ
лодии сѣдѣаху въ великыихъ

сустугахъ гордящееся; и принесоша я на дворъ к Ользѣ; несъше
гръдꙗщеся къ

вринуша я въ яму и съ лодьею. Приникъши Ольга и рече имъ
вървинушꙗ — лодиѥю рьче

добра ли вы честь? они же рѣша: пущи ны Игоревы смерти. И по-
чьсть рѣшꙗ смьрьти

велѣ засыпати я живы; и посыпаша я. Пославши Ольга къ Дерев-
посълавъши

ляномъ, рече имъ: да аще мя просите право, то пришлите мужа
рьче пришьлите мужꙗ

нарочиты, да в велицѣ чти приду за вашь князь, еда не пустять
въ чьсти кънꙗзь —

мене людье Киевьстии. Се слышавше Деревляне, собраша лучьшие
людиѥ Кыѥвьстии слышавъше събьрашꙗ

мужи, иже дерьжаху Деревьску землю, и послаша по ню. Деревля-
мужꙗ дрьжааху посълашꙗ

Digitized by Google

номъ же пришедъшимъ, повелѣ Ольга мовь створити, рькуще сице:
пришьдъшемъ съторити рькучи
измывшеся придите ко мнѣ. Они же пережьгоша истопку, и влѣзоша
изъмывъшеся къ мьнѣ истьбъку вълѣзошꙗ
Деревляне, начаша ся мыти; и запроша о нихъ истобъку, и повелѣ
начашꙗ запьрошꙗ истьбъку
зажечи я отъ двери; ту изгорѣша вси. И посла къ Деревляномъ,
ю изъгорѣшꙗ вьси посъла
рькущи сице: се Ȣже иду к вамъ, да пристроите меды многи въ
мъногы
градѣ, иде же Ȣбисте мужа моего, да поплачюся надъ гробомъ его,
идѣ мужꙗ гробъмь
и створю трызну мужю своему. Они же то слышавше, съвезоша меды
сътворю слышꙗвъше
многи зѣло, възвариша. Ольга же, поимши мало дружины, легько
мъногы поимъши льгъко
идущи, приде къ гробу его, плакася по мужи своемъ, и повелѣ лю-
своюмь
демъ своимъ съсути могилу велику; яко соспоша, и повелѣ трызну
могылу съсъпошꙗ
творити. По семь сѣдоша Деревляне пити, и повелѣ Ольга отро-
сѣдошꙗ
комъ своимъ служити предъ ними; рѣша Деревляне к Ользѣ: кдѣ
рѣшꙗ къ къдѣ
суть дружина наша, ихъ же послахомъ по тя? Она же рече: идуть
нашꙗ посълаахомъ рьче
по мнѣ съ дружиною мужа моего. Яко Ȣпиша ся Деревляне, повелѣ
мьнѣ мужꙗ упишꙗ
отрокомъ своимъ пити на ня, а сама отъиде кромѣ, и повелѣ дру-

жинѣ сѣчи Деревляне. И исѣкоша ихъ 5000; а Ольга возъвратися
Деревлꙗны изъсѣкошꙗ
Киеву и пристрои вои на прокъ ихъ.
Кыеву воꙗ

Въ лѣто 6454. Ольга съ сыномъ своимъ Святославомъ собра вои
сынъмь Свꙗтъславъмь събьра воꙗ
многи и храбры, и иде на Деревьску землю. Изидоша Деревляне
мъногы хоробьры изъидошꙗ
противу. Сънѣмъшемься обѣма полкома наскупь, суну копьемъ Свя-
съньмъшема пълкома насъкупь копиємь Свꙗ-
тославъ на Деревляны, и копье летѣ сквозѣ Ȣши коневи, Ȣдари в
тъславъ копиє въ
ноги коневи, бѣ бо дѣтескъ. И рече Свѣнелдъ и Асмолдъ: Князь
ногы дѣтьскъ рьче Кънꙗзь

Digitized by Google

Ꙋже почалъ; потягнѣте, дружина, по Князѣ. И побѣдиша Деревляны.
почꙗ дружино Кънꙗзи.

Деревляне же побѣгоша и затворишася въ градѣхъ своихъ. Ольга

же Ꙋстреми ся съ сыномъ своимъ, а Деревляне затворишася въ градѣ
устрьми сынъмь

и боряху ся крѣпко изъ града, вѣдѣху бо, яко сами Ꙋбили Князя,
борꙗаху крѣпько вѣдѣшꙗ убили суть Кънꙗзꙗ

и на что ся предати. И стоя Ольга лѣто, не можаше взяти града,
чьто передашꙗ можѣаше възꙗти

и Ꙋмыслі сице: посла ко граду, глаголющи: что хочете досѣдѣти?
посъла къ чьто

а вси гради ваши предашася мнѣ, и ялися по дань, и дѣлають
вьси передашꙗсꙗ мьнѣ

нивы своя и землѣ своя; а вы хочете изъмерети гладомъ, не имучеся
землꙗ

по дань. Деревляне же рекоша: ради ся быхомъ яли по дань, но
рькошꙗ

хощеши мьщати мужа своего. Рече же имъ Ольга, яко—азъ мьстіла
мужꙗ рьче

уже обиду мужа своего, когда придоша Киеву, второе... и третьее,
мужꙗ къгъда придошꙗ Кыеву третиꙗ

когда творихъ трызну мужеви своему: а Ꙋже не хощю мьщати, но
къгъда нъ

хощю дань имати помалу, смиривъши ся с вами поиду опять. Ре-
съмиривъши съ рь-

коша же Деревляне: што хощеши Ꙋ насъ? ради даемъ медомь и
кошꙗ чьто медъмь

скорою. Она же рече имъ: нынѣ Ꙋ васъ нѣсть меду ни скоры; но
рьче

мало Ꙋ васъ прошю: даите ми отъ двора по 3 голуби да по 3 воробьи;
воробии

азъ бо не хощю тяжьки дани възложити, якоже и мужь мои; сего
тꙗжькы

(дѣлꙗ) прошю Ꙋ васъ мало, вы бо есте изънемогли въ осадѣ, да сего

(дѣлꙗ) Ꙋ васъ прошю мала. Деревляне же ради бывше, и собраша
бывъше събьрашꙗ

отъ двора по 3 голуби и по 3 воробьи, и послаша к Ользѣ с по-
воробии посълашꙗ къ съ по-

клономъ. Вольга же рече имъ: се Ꙋже есть покорилися мнѣ и
клонъмь Ольга рьче ксте мьнѣ

моему дѣтяти, а идѣте въ градъ, (азъ заꙋтра отъстꙋплю отъ града)

и поиду въ градъ. И Деревляне же ради бывше внидоша въ градъ
бывъше въниидошꙗ

Digitized by Google

и повѣдаша людемъ,. и обрадоваша ся людье въ градѣ. Волга же

повѣдашꙗ обърадовашꙗ людиѥ Ольга

раздая воемъ по голуби комуждо, а другимъ по воробьеви, и повелѣ

воробиѥви

комуждо голуби и къ воробьеви привязывати цѣрь, обертываю*ще* въ

— воробиѥви объврьтываюче

платки малы нитъкою, поверзываю*ще* къ коемуждо ихъ; и повелѣ

платъкы повръзываюче

Ольга, яко смерче ся, пустити голуби и воробьи воемъ своимъ. Го-

съмрьче воробии

луби же и воробьеве полетѣша въ гнѣзда своя, ови въ голубники,

воробиѥве голубьникы

в*ра*бьѣве же подъ стрѣхи, и тако възгараху ся голубьници, ово клѣти,

воробиѥве стрѣхы такъ

ово вежѣ, ово ли одрины. И не бѣ двора, иде же не горя*ще*, и не бѣ

вѣжꙗ идѣ горꙗше

льзѣ гасити, вси бо двори възгорѣша ся, и побѣгоша людье изъ

вьси възъгорѣшꙗ людиѥ

г*ра*да, и повелѣ Ольга воемъ своимъ имати е. Яко взя г*ра*дъ и

ꙗ възꙗ

пожьже и, старѣишины же г*ра*да изънима, и прочая люди овыхъ

изби, а другия работѣ п*ре*дасть мужемъ своимъ, а прокъ ихъ остави

изъби другыꙗ

платити дань. И възложиша на ня дань тяжьку: 2 части дани идета

възъложишꙗ чꙗсти

Киеву а третья Вышгороду к Ользѣ, бѣ бо Вышегородъ г*ра*дъ Воль-

Кыѥву третиꙗꙗ Вышьгороду — Вышьгородъ Оль-

зинъ. И иде Волга по Деревьстѣи земли съ сыномъ своимъ и съ

зинъ Ольга сынъмь своимь

дружиною, ꙋставляю*щ*и ꙋставы и ꙋроки, суть становища еѣ и ло-

урокы, гъдѣ суть ѥꙗ

вища. И приде въ г*ра*дъ свои Киевъ съ сыномъ своимъ Свято-

Кыѥвъ сынъмь своимь Свꙗтъ-

славомъ.

славъмь.

Изъ грамотъ.

Ограничиваюсь на этотъ разъ только нѣкоторыми грамотами XIII—XIV вѣка, и для того, чтобы не могло быть сомнѣнія къ выводамъ, беру только тѣ грамоты, въ которыхъ ясно выражаетъ себя фонетика Русская, а не Старославянская.

1. *Вкладная грамота преподоб. Варлаама Хутынскому монастырю, послѣ 1192 года.* (Дополненія къ Акт. Истор. № 5).

Digitized by Google

— Се вдале Варламе стмоу Спсоу. землю и огородъ и ловища рыбьная и гоголиная и пожни. 1. рыль противу села за Волховомь. 2. на Волхевьци коле. 3. корь. 4. лозы. 5. волмина. 6. на островѣ и съ нивами. вхоу же тоу землю Хоутиньскоую вдале стмоу Спсоу. и съ челядию. и съ скотиною. а се.... 1. отрокъ съ женою. 2. вълос... 3. дѣвъка Февронил съ двѣма сы...., 4. недачь. а конь. шестеро и корова. се дроугое село на Своудици за... биею вдале стмоу Спсоу и и божница въ немь. стго Георгия. иниви и пожни и ловищя и еже въ немь. се же все далъ Варламъ Михалевъ снъ стмоу Спсоу. Аще кто диаволемь наоученъ и злыми чловкы наваженъ цьто хочеть ѿяти ѿ нивъ ли ѿ пожьнь ли или ѿ ловищь. а боуди ему противень стыи Спсъ. и въ сь вѣкъ и въ боудоущии.

Во всей этой грамотѣ случилось только два слова съ фонетической формой Старославянской; это—*аще* и послѣднее слово—*будущiи*.

Въ правописанiи видимъ смѣшенiе ъ, ь, *о*, *е*, ѣ. Вмѣсто ъ употреблено *е*: вдал*е*, Варлам*е*, Волх*е*вьци; вмѣсто *е* употреблены ъ и ь: вълосъ, рыль; вмѣсто *о* употреблено *е*: Михалевъ, дiявол*е*мь; вмѣсто ь стоитъ ъ: въху. Такихъ случаевъ очень много въ грамотѣ 1229 года, (см. ниже: II.), и потому при ней удобнѣе говорить о причинахъ этого смѣшенiя. Кромѣ того замѣчательны въ фонетическомъ отношенiи: отличенiе согласныхъ мягкихъ отъ твердыхъ (лови*щя*, божни*ця*), въ слѣдствiе котораго и въ*ху* стоитъ вмѣсто вь*сю* (*х* и *с* противоположны какъ твердый звукъ и мягкiй); употребленiе *и* вмѣсто *ы* (нив*и*) и вмѣсто Старосл. ѧ (пожн*и*); неопущенiе *и* (челяд*и*ю) и т. д.

Въ отношенiи грамматическомъ замѣчательны: употребленiе двойственнаго числа (съ двѣма); отличенiе средняго рода во множеств. числѣ (ловищя рыбь*ная* и гоголи*ная*), краткiй родительный муж. во множ. числѣ (конь шестеро) и т. п.

II. *Договорная грамота Смолен. князя Мстислава съ Ригою и Готскимъ берегомъ*, *1229 года*. (Собр. Госуд. Гр. II. № 1).

Въ грамотѣ этой нѣтъ ни одного случая, который бы могъ подать поводъ думать, что она писана подъ влiянiемъ языка церковныхъ книгъ Старославянскихъ: фонетика вездѣ Русская.

— Что ся дѣютѣ по вѣремьнемь. то ѿидето по вѣрьмьнемь. приказано боудѣте добрымъ людѣмъ. а любо грамотою оутвѣрдать. како то боудѣте всемъ вѣдомъ. или кто посль живыи ѡстанѣться. Того лѣ, коли Альбрахтъ. вдка Ризкии оумьрлъ. оуздоумалъ князѣ Смольнескыи. Мьстиславъ Двдвъ снъ. прислалъ въ Ригоу своюго лоучьшего

попа. крьмеꙗ и съ нимь оумьна моужа Пантельꙗ. и своѥго горда Смольнеска. Та два была послъмь оу Ризѣ. из Ригы ѥхали на Гочкъıи берьго. тамо твердити миръ.

И этихъ начальныхъ строкъ достаточно, чтобы составить понятіе о правописаніи грамоты. Прочетши всю грамоту, можно только увѣриться, что особенности ея правописанія не могли не находиться въ связи съ особенностями выговора.

Между прочимъ это правописаніе допускало безразличность въ употребленіи *ь*, *е*, *ѣ* и *ъ*, *о*. Такъ: *е*, *ѣ* очень часто употреблены одно вмѣсто другого: боудѣте, вѣремьньмь, останѣться, Смолѣнеске,—ѣхали, Ризе, березе, Немчину; вмѣсто *ь* стоитъ *е*: боудѣте, оумрете, поуте, Тоумаше, Латинескомоу, Готескомь, доконечано; вмѣсто *ь* стоитъ *ѣ*: дѣтѣ, свободѣныи, языкомѣ, князѣ; вмѣсто *е* стоитъ *ь*: вѣрьмьнемь, крьмеꙗ, Пантельꙗ, берьго, берьгомь, серьбра, пьрьпрети; вмѣсто *ѣ* стоитъ *ь*: посль, мьсто, тьхъ, старость, оу Смольнеськ; вмѣсто *ъ* стоитъ *о*: ѿидето, берьго, миро, дълго, Ролфо, оустоко; вмѣсто *о* стоитъ *ъ*: вѣдомъ, дъ вѣка, дъбрии, голъвоу, нъга, холъпъ, хълопоу, сърамъ, женъю. Если можно было смѣшивать на письмѣ *ь* съ *е* = *ѣ* и *ъ* съ *о*, значитъ и самые звуки, ими изображенные, смѣшивались въ произношеніи, т. е. что *ь* и *ъ* произносились какъ гласные звуки—*ь* сходно съ *е*=*ѣ*, а *ъ* съ о. А что они выговаривались только сходно, но не всегда совершенно одинаково, это доказываютъ случаи пропуска *е* и *о* въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мѣсто ихъ заступать могли *ь* и *ъ*: горда, сербра, смрти, напсати и пр. вмѣсто города, серебра, смърти, напьсати.

Отличены очень рѣзко *ь* и *ъ* (*е*=*ѣ* и *о*); но есть уже случаи смѣшенія, замѣненія одного другимъ въ противность древнему употребленію: ѿидето вмѣсто отъидеть, Смольнѣскь вмѣсто Смольньскъ.

Отличены также рѣзко *е* и *и*, *о* и *ы*; но есть и тутъ случаи смѣшенія: Іеремеꙗ, Пантелья, оу Роусе, соудиıамк, людѣи—и вмѣстѣ съ тѣмъ: людии, днии, Божии—и постоянно въ прилагательныхъ *ыи* вмѣсто *ои*: живыи, свободѣныи, которыи, правыи и пр.

Смѣшивались *и* съ *ы*: Ризкии, княгини, Ризѣскими, хотя впрочемъ случаи правильнаго употребленія *ы* гораздо чаще: Смольнескыи, Гочкыи, Готскымь, Латинескымъ, всякыи, Ригы, пороукы, погынеть и проч.

Равнымъ образомъ вмѣстѣ съ случаями несоблюденія правила смягчаемости согласныхъ (моужа, бирица, Смолѣнеске и т. п.), стоятъ часто случаи ихъ правильнаго смягченія (оу Ризѣ, березѣ = берьзѣ, послоуси, послоусѣхъ, платежя, княжю, вѣсию, Волоцѣ, Немчицю и проч.

Изъ числа другихъ случаевъ употребленія согласныхъ можно замѣтить постоянное удержаніе *лъ* въ окончаніи причастій прошедшихъ тамъ, гдѣ потомъ звукъ этотъ долженъ былъ исчезнуть: оумьр*лъ*, нальз*лъ*, потоп*лъ*, перевьз*лъ* и пр.

Разсматривая языкъ грамоты въ отношеніи къ склоненіямъ и спряженіямъ видимъ, что хотя древнія формы языка въ ней уже не всѣ вполнѣ всегда соблюдены, но многія употреблены совершенно правильно, однѣ всегда, другія очень часто.

Такъ употребленіе двойственнаго числа можно было видѣть и въ вышеприведенномъ отрывкѣ: *та два* бы*ла* пос*ълъ* оу Ризѣ. Такихъ примѣровъ грамота представляетъ нѣсколько: Роусиноу не оупирати Латинина ѡднемь послухомь, аже не боудѣтѣ дв*ою* послоух*оу*, ѡдиного Немчича, а дроугого Роусина; — Латинескомоу дати ѿ дв*ою* кап*ию* въску вѣсцю коуна Смольнеска*ѧ*; — *та* дв*а* бы*ла* исъ Жата; *та* дв*а* бы*ла* из Мюньстьр*а*, и пр.

Въ склоненіи единственнаго числа кромѣ отмѣченнаго уже обычая смягченія согласныхъ (*г*, *к*, *х*) передъ *ѣ* и *и*, можно замѣтить еще родительный и винительный женскаго: родительный на *е* вмѣсто Старославянскаго *ѧ*: вол*ѣ*, земл*ѣ* (вмѣсто: вол*ѥ*, земл*ѥ*), Бж҃*е*, ст҃о*е*, ино*е*, се*ѥ*; винительный сравненный въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ именительнымъ:—дати ѥмоу гривн*а* серебра; таков*а* правд*а* оузати; дати кмоу ѿ гривны серебра коун*а* Смольнеская, и пр.

Въ склоненія множественнаго числа ясно высказывается отличеніе мужескихъ окончаній отъ женскихъ. Въ мужескомъ именительный не на *ы*, а на *и*, дательный на *емъ* и *омъ*, а не на *амъ*, предложный на *ѣхъ*, а не на *ахъ*: послоус*и*, коупч*и*, дъбр*ии*,—вѣремьн*емь*, коупч*емъ*, люд*ѣмъ*, Рижан*ъмъ*, Вълъчан*ъмъ*,—послоус*ѣхъ*; родительный на *ъ* и *ь*: дворянъ, купьць = купьчь = купьче; творительный на *ы*: Смолняны, колы, купци.

Въ спряженіи: — въ настоящемъ времени 3-е лицо и един. и множ. числа оканчивается на *ь* (или на *е*=*ѣ* вмѣсто *ь*) почти безъ исключенія: дѣет*ѣ*, боудѣт*е*, останѣт*ь*ся, оутвѣрдят*ь*, оубиют*ь*, боудоут*ь* и пр. Есть однако: ѿидет*о*. Очень часто употреблено прошедшее сложное (даже сокращенное безъ *есть* или *суть*) тамъ, гдѣ бы можно было ожидать простого; но и прошедшее простое было, напр. аж *быхъмъ* что тако оучинили.

Неопредѣленное наклоненіе почти постоянно на *и*, но есть уже и на *ь*: оусадит*ь*, оузят*е*, бит*ь*ся; и вмѣстѣ съ этимъ есть случай соблюденія достигательнаго на *ъ*: — Латининоу не звати Роусина на полѣ бит*о*с*ѧ* оу Ризѣ.

Digitized by Google

Причастіе еще не превратилось въ дѣепричастіе; но въ муж. родѣ можно было сказать и заплативъ и явивъше.

Въ отношеніи къ словосочиненію грамота представляетъ 1) очень много случаевъ употребленія неопредѣленнаго наклоненія вмѣсто повелительнаго (Роусиноу не звати Латина на полѣ битъсѧ—вмѣсто ать не зоветь Роусинъ), хотя есть случаи употребленія и повелительнаго (аже самъ въсхочете, тъ *тъ* идѣть; *ате* промьжю събою оурадатесѧ; аже надобѣ кмоу болше помъчи, то *тъ* наимоу*и* при послоусѣхъ; что имъ посулишь то да*и*, а болѣ не да*и*). 2) Не менѣе случаевъ опущенія союзовъ (по оухоу оударите, 3 четвѣрти серебра—вмѣсто: аже по оухоу..., ино...; аже тиоунъ оуслышить, Латинескъıи гость пришелъ—вмѣсто: оуслышить, оже пришелъ; приказано боудѣть добрымъ людѣмъ—вмѣсто: оже приказано боудеть). 3) Мѣстоименіе *ся* употребляется отдѣльно отъ глагола и передъ нимъ (что *ся* дѣкте; оу кого *ся* избикть оучанъ. И т. д.

III. *Та же грамота 1229 года по второму изводу.* (См. Тобина, Die ältesten Tractate Russlands стр. 55 и слѣд.).

Языкъ этой грамоты—Русскій. Случаевъ Старославянскаго употребленія звуковъ очень мало: боудоу*щ*ии, ходя*щ*имъ, нѣсколько разъ: *аще*. Изъ выраженій напоминаютъ церковныя книги развѣ эти: *аще князь възвержеть гнѣвъ*, что въ первой грамотѣ: *аже розгнѣваеться князь; аже возмюбить самъ*, что въ первой грамотѣ: *аже самъ въсхочете*.

— Что сѧ въ которое (в кое) вѣремѧ (врем) начнеть дѣıати то оутвьржають (оутверживаите) грамотою. а (да) быша сѧ не забъıли (забывали) познаите на (и) памать держите нынѣшнии. и по сѣмь веремени боудоучи (боудущии). къ комоу си грамота придеть. Того лѣта. коли еп̃пъ (п̃пъ) Алъбрахтъ Рижьскъıи мьртвъ (мртвъ). князь Мьстиславъ Д̃вдчь (Д̃вдвиць) послалъ свое моуже (свои моужи). Геремеıа (кремѣıа) попа Пантелеıа (Пантелѣя) сотьского Ѿ Смолнанъ въ (в) Ригоу. а из Ригы на Готьскъıи берегъ. оутвьрживати миръ.

По самому началу грамоты этой сравнительно съ предъидущей, можно судить о различіи ихъ правописанія. Впрочемъ это различіе болѣе кажется, чѣмъ есть въ самомъ дѣлѣ: главное различіе заключается въ томъ, что ъ и ь здѣсь гораздо чаще на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ можно ожидать ихъ, чѣмъ *о* и *е*, и не употреблены тамъ, гдѣ должны стоять *о* и *е*. Другіе случаи употребленія буквъ, обозначенныя въ обозрѣніи первой грамоты, повторяются и здѣсь, хоть и не всегда на тѣхъ мѣстахъ. Такъ: *е* и *и* употреблены смѣшано (Гере-

Digitized by Google

меча, Панте*лея*,—жереб*ии*, люд*ии*); есть случаи, гдѣ стоитъ *и* вмѣсто *ы* (Немецьк*ии*, детьск*ии*), но болѣе случаевъ, гдѣ удержано *ы* (Рижьск*ыи*, Русьск*ымъ*, Немецьск*ымъ*, Княгыни, всяк*ыи*); есть случаи несмягченія *г*, *к*, *х* передъ *ы* (Смоленьск*ѣ* нѣсколько разъ), но болѣе случаевъ, гдѣ *г*, *к*, *х* смягчены правильно въ *з*, *ц*, *с* (въ Ри*зѣ*, на бере*зѣ*, на Воло*цѣ*); есть случаи, гдѣ *ж*. *ч*, *ш* и *з*, *ц*, *с* написаны такъ, какъ будто уже они утратили мягкій выговоръ (Немчич*а*, роубе*жа*, тя*жа*), но такихъ случаевъ менѣе, чѣмъ случаевъ противныхъ (ме*жю*, Немчи*чю*, *лицю*, ист*цю*, вѣ*сцю*), и между тѣмъ однако почти постоянно послѣ *ж*, *ч*, *ш* стоитъ не *е*, а *о* (оутвьр*жо*нъ, та*жо*, о*жо*, дол*жо*нъ, *жо*ны, съ *жо*ною, соу*жо*на, разроу*шо*нъ, куп*цо*мъ, Нем*цо*мъ и пр.). Въ причастіяхъ не опущенъ *лъ* (понес*лъ*).

Случаевъ правильнаго отличенія двойственнаго числа очень мало: по большей части употреблено множественное вмѣсто двойственнаго (дати тивоуноу Волочьскому роукавицѣ пърстатыГотьские); но иногда удержано и двойственное (отъ двою капью).

Въ склоненія повторяются тѣ же случаи, что и въ первой грамотѣ: Старославянское ѧ замѣнено посредствомъ *е*, иногда впрочемъ и посредствомъ *и* (Бц҃*е* и Бц҃*и*), а въ винительномъ женскаго посредствомъ *а* съ удержаніемъ именительной формы для прилагательнаго (дати емоу коун*а* Смоленьск*ая*). Замѣчателенъ дательный гост*ьи* вмѣсто гос*тю*, повторенный нѣсколько разъ (та же правда боуди Немецьскомоу гост*ьи* Смоленьскѣ). Другой дательный муж. на *ови* (послови, попови, Богови). Во множественномъ отличенъ мужескій родъ отъ женскаго (послоу*си*, добр*ии*, Смольнян*омъ*, купц*омъ*, моуж*ихъ*, коупц*ихъ*) творительный множ. муж. на *ы* и *и* (Смолнян*ы*, Немц*и*, пенязи, меч*и*).

Въ спряженіи: — Настоящее въ третьемъ лицѣ удерживаетъ *ть* (боудеть, придеть, соуть, дадять); случаевъ несоблюденія этого очень мало (купитъ, оутвьржаютъ).

Прошедшее сложное очень часто и сокращенно (безъ *есть*, *суть*), такъ что причастіе *мьртвъ* съ подразумѣваемымъ *есть* употреблено вмѣсто: *умре*; но есть и случаи употребленія формы простой: а (да) *быша* ся не забыли; и добросердье абы въ вѣкы стояло и князю любо *бы* и всѣмъ Смолняномъ; а *быша* ся тои правде дьржали въ вѣкы; а си грамота написана *бысть*.

Изъ формъ условнаго сложнаго употреблена и съ *будеть*—бу*дуть* (боудеть соулилъ, оурядили боудоуть).

Въ отношеніи къ формамъ будущаго сложнаго замѣчательны выраженія: или Немѣчьскыи гость иметь сѧ бити межю собою мѣчи; аще къторыи Роусинъ или Немчичь противити въсхочеть сеи правде,

Digitized by Google

да тъ противенъ Бу̃ и сѣи правдѣ; никтоже (не) иметь имъ пакостити.

Неопредѣленное наклоненіе постоянно на *л*.

Причастіе употреблено въ видѣ дѣепричастія: возма, изверяче, извершивши.

Въ отношеніи къ словосочиненію представляются тѣ же случаи, что и въ первой грамотѣ: есть случаи употребленія неопредѣленнаго наклоненія въ смыслѣ повелительнаго (аще иныи боудеть гость Роускыи, тому поити позадоу); часто впрочемъ, гораздо чаще чѣмъ въ первой грамотѣ, употреблено повелительное (напр. та же правда *боуди* Смоленьскѣ и въ Ризѣ, — а въ первой: оу Смольнѣскь тако *платити* и оу Ризе; та же правда и Роусиноу боуди въ Ризѣ, — а въ первой: тако оузати Роусиноу оу Ризѣ); есть и случаи опущенія союзовъ, но не столь свободнаго, какъ въ первой грамотѣ, только передъ неопредѣленнымъ наклоненіемъ; есть и случаи свободнаго употребленія *ся* (аще сѧ вощныи поудъ исказить; или гость иметъ сѧ бити). И т. д. Замѣчательны случаи употребленія предложнаго безъ предлога (та же правда боуди Немцомъ Смоленьскѣ; Роусиноу же не лзѣ позвати Немчича на поле Смоленьске), хотя несравненно чаще предложный употребленъ съ предлогомъ (въ Ризѣ, на Волоцѣ и пр.) Также значительны случаи опущенія второго отрицанія (никако же его въсадити въ дъıбоу—вмѣсто: не въсадити; а никто же иметь имъ пакостити—вмѣсто: никто же не иметь).

IV—VI. *Три договорныхъ грамоты Новгородскихъ. 1. 2. Двѣ грамоты Новгорода съ в. к. Тверскимъ Ярославомъ, 1264—1265 года, 3. Д. грамота Новгорода съ в. к. Т. Ярославомъ, 1270 года.* (Собраніе Госуд. Грам. и Дог. I. № 1—3).

Выписываю первую изъ этихъ грамотъ:

— Бл̃гословлениѥ ѿ вл̃дкы. покланяниѥ ѿ посадника Михаила. и ѿ тысяцьскаго Кондрата. и ѿ всѣго Новагорода. и ѿ всѣхъ старѣишихъ. и ѿ всѣхъ меньшихъ къ кн̃зю Ӥрославоу. На семь, кн̃же, цѣлоуй х̃ръ. къ всѣмоу Новоугородоу. на цѣмь то цѣловали дѣди. и ѡ̃ци и ѡ̃ць твои Ӥрославъ. Новьгородъ ти дѣржати въ старинѣ. по пошлинѣ. Что волостии всѣхъ Новгородьскыхъ. того ти, кн̃же, не держати. своими моужи. нъ дьржати. моужи Новгородьскыми. а даръ имати тобе ѿ техъ волостии. А бес посадника тобе волостии не раздавати. а комоу раздаялъ волости. братъ твои Алеѯандръ. илі Дмитрии съ Новгородци. тобе техъ волостии безъ вины не лишати. А что ти кн̃же пошло на Торожку. и на Волоцѣ.

Digitized by Google

тивоунъ свои държати. на свокі части държати. а Новъгородьць на свокі части държати. А въ Бежицахъ, кн҃же, тобе. ни твокй кнагыни. ни твоимъ бољромъ. ни твоимъ дворѧномъ. селъ не держати. ни коупити. ни даромъ примати. и по всеи волости Новгородьскои. А се, кн҃же, волости Новгородьскык. Волокъ. съ всеми волостьми. Тържькъ. Бежицѣ. городьць Палиць. а то кеме дали Иванкови. потомъ. Мелѣчѧ. Шипино. кгна. Вологда. Заволоцьк. Трѣ. Перемь. Печера. Югра. А въ Роусоу ти кн҃же кздити ѡсень. а лѣ не кздити. кздити на ѡзвадо. звѣри гонитъ. А в Ладогоу ти кн҃же слати ѿсетрьникъ. и медовара. по грамотѣ оц҃ѧ свокго Ӥрослава. А соудъ, кн҃же ѿдалъ Дмитрии. съ Новгородци. Бежичаномъ и Ѿбонижаномъ. на. з. лѣ. судьк не слати. А из Бѣжиць кн҃же. людии не выводити въ свою землю. ни изъ инои волости Новгородьскои. ни грамотъ имъ даѩти. ни закладниковъ примати. ни кнагыни твокі, ни бољромъ твоимъ. ни дворѧномъ твоимъ. ни смерда. ни коупцинъі. А без вины ти моужа волости не лишити. а грамоты ти кн҃же не посоуживати. А пожне кн҃же что пошло тобе и твоимъ моужемъ. то твок. а что былъ ѿѩлъ бра твои Алеѯандръ. пожне. а то ти кн҃же не надобѣ. А что. кн҃же братъ твои Алеѯандръ дѣѩлъ насилик на Новѣгородѣ. а того сѧ кн҃же. ѿстоупи. дворѧномъ твоимъ. и тивоунимъ. погонъ имати како то пошло. А на томъ ти кн҃же на всѣмь х҃ъ цѣловати. бес перевода. прі нашихъ послѣхъ. а мы ти сѧ г҃не кн҃же кланакмъ. А что, кн҃же, мытъ. по твокі земли и по иной волости. и по всеи Суждальской земли. а то кн҃же имати по. 2. векши ѿ лодьк и ѿ воза. и ѿ лну. и ѿ хмелна. короба. А дворѧномъ твоимъ по селомъ оу коупцевъ повозовъ не имати. разве ратнои вести. Тако кн҃же г҃не. пошло ѿ дѣдъ и ѿ о҃ць, и ѿ твоихъ. и ѿ нашихъ и ѿ твоего ѿч҃ѧ Ӥрослава.

Признаковъ Старославянскаго вліянія нѣтъ на этихъ грамотахъ.

Въ отношеніи фонетическомъ замѣчательны слѣдующіе случаи:— *ь* довольно часто употребленъ по древнему обычаю (*семь*, *цѣмь*, *държати*, *городьць*, *осетрьникъ*, *Новгородьци*, *почнеть*), но часто и замѣненъ посредствомъ *е* (*меньшихъ*, *отець*, *держати—дьржати*, *смерда*) а кое гдѣ и пропущенъ (*лну*, *хмелна*); *ъ* также кое гдѣ удержанъ (*Тържькъ*, *нъ*, *любъви*), а кое гдѣ замѣненъ посредствомъ *о* (*Торожку*, *озвадо*); *ы* удержано послѣ *г*, *к*, *х* (*княгыни*, *владыкы*, *Руськыи*, *соцьскыхъ*, *Новгородьскыхъ*). Удержаніе *и* почти постоянно (*Дмитрии*, *волостии*, *людии*, *судий*, *третиюю*, *третиее*, *братиею*, *насилие*); есть впрочемъ случаи опущенія (*нелюбье*, *свиньи*); *е* вмѣсто Старославянскаго *ѧ* (*людье*, *судье*, *пожне*, *купче*). Смягченіе согласныхъ представляетъ случаи довольно разнообразные (*Волоць*, *отьче*, *отця* =

Digitized by Google

от*ча*, Новгород*ця*, Новотор*жця*, Бежи*ць*, Бежи*ча*номъ, *ча*сти), хотя и не постоянны (Бежи*цах*ъ, от*ча*, му*жа*).

Изъ формъ склоненія замѣтимъ: — Имен. муж. прилагательныхъ на *ыи* (Русьск*ыи*, Новгородьск*ыи*, тысяцьк*ыи*) и соотвѣтственный ему родительный на *аго* т. е. *ааго* (Тысяцьск*аго*);— дательный муж. на *ови* (Иванк*ови*);—винительный женскаго на *а* (а т*а* грамот*а* дати ти назадъ; — звательный на *е* (господин*е*, княж*е*, отьч*е*); — предложный на *ѣ* (Волоцѣ=Волочѣ); — именительный множ. муж. на *и* (дѣди);—родительный множ. муж. на ъ и ь (дѣдъ, Волочанъ, отець, мужь); дательный множ. муж. на *омъ* и *емъ*, и предложный на *ѣхъ* (бояр*омъ*, сел*омъ*, муж*емъ*, Новгородьц*емъ*,—посл*ѣхъ*).

Въ отношеніи къ формамъ спряженія въ грамотахъ было не много случаевъ выказаться древнимъ формамъ. Неопредѣленное оканчивается постоянно на *и*. Есть и достигательное: ездити на озвадо звѣри гонитъ. Формы сложныя: отступился есмь, посудилъ еси, далъ еси, пошло, далъ, есме дали, цѣловали,—былъ отьялъ,—еси отъимъ,—позорованъ будеть.

Неопредѣленное наклоненіе постоянно вмѣсто повелительнаго. Мѣстоименіе *ся* употреблено отдѣльно: а мы ти ся кланяемъ. И т. п.

VII—IX. *Двѣ грамоты князя Владимирскаго на Волыни Владимира, 1286 года, и грамота князя Владимирскаго на Волыни и Луцкаго Мстислава, 1289 года.* (Собр. Госуд. Грам. II 4—5, 6).

— Во имѧ Ѡ҃ца и С҃на с҃тго Д҃ха. молитвами с҃тыа Б҃ца и пр҃идвца Мрьꙗ и с҃тхъ агг҃лъ. Се ꙗзъ кнѧзь Володимеръ. с҃нъ Василковъ. вноукъ Романовъ. даю землю свою всю городы по своемь животѣ. братоу своемоу Мьстиславоу и столнъıи свои городъ Володимиръ.

— Въ имѧ Ѡ҃ца и С҃на и с҃тго Д҃ха м҃лтвами с҃тыа Б҃ца. и Пр҃идвца Мрьꙗ. с҃тхъ анг҃лъ. Се ꙗзъ кнѧзь Володимѣръ с҃нъ Василковъ. вноукъ Романовъ. пишоу грамотоу. Далъ есмь кнѧгинѣ своей, по своемь животѣ городъ свои Кобрынь и с людми и з данью. како при мнѣ дали, тако и по мнѣ. ать даютъ кнѧгинѣ моей иже далъ есмь. ей село своё Городелъ. и с мытō, а людьё како то на мѧ страдалѣ тако и на кнѧгиню мою по моемь животѣ. Аже боудеть кнѧзю городъ роубити и ни к городоу а поборомъ. и тотарьщиною. ко кнѧзю. А садовоё ёи Сомино же далъ ёсмь кнѧгинѣ своёи. манастырь свои Ап҃лы же создахи и своею силою. А село есмь коупилъ Березовичѣ оу (Ю)рьевича оу Давыдовича Фодорка. а далъ есмь на немь. 50. гривенъ коунъ а. 5. локотъ скорлата. да бронѣ дощатыё, а тое далъ есмь ко Ап҃ламъ же. А кнѧгини моа. по моемь животѣ. ѡже восхо-

Digitized by Google

четь в черницѣ поити, поидеть. аже не восхочеть ити. а како ей любо. мнѣ не воставши смотрить что кто иметь чинитй по моемь животѣ.

— Се азъ кнлзь Мьстиславъ снъ королевъ. вноукъ Романовъ. оуставлгаю ловчее. на Берестьяны и в вѣкы за ихъ коромолоў. со ста по двѣ лоукнѣ медоў. а по двѣ ѿвцѣ. а по пати десатъ десаткъвъ лноў. а по стоў. хлѣба. а по пати цебровъ ѿвса. а по пати цебровъ ржи. а по 20. коўръ. а по толкоў со всакого ста а на горожанахъ. 4. гривны коўнъ. А хто мое слово пороўшить. а станеть со мною передъ Бм̃ъ.

Вліянія нарѣчія Церковнаго на этихъ грамотахъ не замѣтно.

Въ правописаніи явно смѣшеніе формъ старыхъ и новыхъ. Такъ *ь* часто стоитъ и на ожидаемомъ древнемъ мѣстѣ (своемь, на немь, тотарьщиною, пороушить, станеть); но есть и не на мѣстѣ (Володимерь), и опущено (Василковъ, столныи, людми, по толкоу); такъ и *ъ* часто на мѣстѣ (напр. десяткъвъ); но иногда и противно требованію древняго языка, (напр. боудетъ вмѣсто боудеть); есть и *о* вмѣсто *ъ* (мытомъ, поборомъ). Есть случай употребленія *ы* послѣ *к:* вѣкы, но вмѣстѣ съ тѣмъ *и* вмѣсто *ы* послѣ *г:* княгини. Опущеніе *и* очень часто: Марья, данью, людье. Есть случаи употребленія *ѣ* вмѣсто *и:* страдалѣ, Березовичѣ; въ словахъ: бронѣ дощатые (винит. мн.) и въ черницѣ (имен. множест.) *ѣ* употреблено вмѣсто Старослав. *ѧ*. Согласныя шипящія и свистящія употреблены безъ смягченія: Давыдовича, овса.

Въ отношеніи къ склоненіямъ замѣтить можно: — именительный женскій на *и:* княгин*и*; родительный женскій на *а:* сты*а* Бц̃*а* и присснодѣвиц*а* Марь*я;* родительный муж. множ. на *овъ* или *ъвъ:* цебр*овъ*, десятк*ъвъ*, и вмѣстѣ на *ъ:* аг̃глъ, локотъ*;* предложный муж. множ. на *ахъ* вмѣсто *ѣхъ:* горожан*ахъ*. Есть примѣръ двойственнаго: по двѣ лоукнѣ.—Есть *азъ*, *язъ* и *мя*.

О формахъ глагольныхъ можно замѣтить слѣд.:—Есть неопредѣленное наклоненіе на *ь* и на *и:* смотрит*ь*, чинит*и*. Есть прошедшее сложное; *далъ есмь*, *есмь коупилъ,* и вмѣстѣ простое: *создахъ*. Есть повелительное съ *ать* и безъ *ать: ать дають* и *поидеть* вмѣсто *ать поидеть*. Есть будущее съ *иму: иметь чинити*. Есть условное съ *боудетъ:* аже *боудетъ чинити*.

Есть опущенія союзовъ: а поборомъ.. ко князю—вмѣсто: аже поборомъ, ино ко князю; поидеть — вмѣсто: ать поидеть. Неопредѣленное: мнѣ не воставши смотрить — вмѣсто: язъ не востану смотрѣти:

Digitized by Google

X. *Проѣзжая Новгородская грамота Ганзейскимъ купцамъ 1301 г.* (Дополненія къ Историч. Актамъ. I. № 6).

Ѿ великого кназа Анъдрѣꙗ. Ѿ посадника Смена. Ѿ тысачкого Мапка Ѿ всего Новагорода. се прикха. Иванъ Бѣлъıи. из Любка. Адамъ съ Гочкого берега Инча Олчать. из Ригъı. Ѿ своки братии Ѿ всѣхъ коупѣчь. своихъ. Латиньского ꙗзыка. и дахомъ имъ. 3. поути горнии. по своки волости. а четвертыи в рѣчкахъ гости кхати бесъ пакости. на божии роучѣ. и на кнажи. и на всего Новагорода. ѡже боудеть. нечистъ поуть. в рѣчкахъ. кназь велить своимъ моужемъ проводити сии гость а вѣсть имъ пъдати.

Въ отношеніи фонетическомъ эта грамота представляетъ слѣдующее:—ь (велить, Латиньского), смѣшавшійся съ *е* до того, что и *е*, выговариваясь глухо, могло быть опускаемо (Сменъ); ъ (Анъдрѣꙗ); *ы* передъ гортанными (Ригы); *и* удерживаемое (братии) и не перешедшее въ *е* (сии); смягченіе согласныхъ гортанныхъ (роучѣ).

Въ отношеніи къ склоненію:—Именительный муж. на *ыи* (Бѣлыи, четвертыи); родительный множ. муж. на *ь* (коупѣчь); дательный множ. муж. на *емъ* (мужемъ).

Въ отношеніи къ спряженію замѣчательно употребленіе прошедшаго простого: Се прик*ха* Иванъ; и да*хомъ* имъ.

Опущены союзы: князь велить—вмѣсто: ино князь велить. Неопредѣленное вмѣсто повелительнаго: гости кхати.

Привожу еще нѣсколько выписокъ изъ памятниковъ XIV вѣка, дошедшихъ въ подлинникахъ, ограничиваясь при этомъ отрывками болѣе любопытными въ филологическомъ отношеніи. Обозначаю новыя формы просто *курсивомъ*, а древнія *курсивомъ* же, но для отличія повторяя ихъ въ скобкахъ, равнымъ образомъ ставя въ скобкахъ и опущенныя слова.

XI. *Новгородская рядная 1314—1322 г.* (Акты Юридич № 257: 1).

— Се *би* (*и*) чо*ломъ* староста Азика и Хара*ги*нецъ и Ровда и Игнатецъ, пріѣхавъ отъ своей братьи (къ) князю Оѳонасью на Василья на Матѳеева.... А на то и рядц*и* (*и*) и послус*и* (*и*): Леонтей Остафьевичь, Еремѣй Кривцевъ.... А кто наступитъ на *сій* (*i*) рядъ, дастъ князю и посаднику двадцать гривенъ золота.

Digitized by Google

XII. *Духовная в. князя Ивана Даниловича Калиты* (Собр. Госуд. Грам. I. № 21 и № 22).

— Се *язъ* (*язъ*) грѣшный (ы) худый (ы) рабъ Божий Иванъ пишу душевную грамоту, ид*а* (*а*) въ Орду ни *кимъ* (ѣ) не нуженъ, цѣлымъ (ѣ) своимъ (ѣ) умомъ, въ своемъ (ѣ) здоровьи. Аже Богъ что розгадаетъ о моемъ (ѣ) животѣ, даю рядъ сын*омъ* (*омъ*) своимъ и княг*ини* своей.... Се далъ *есмь* (далъ *есмь*) сыну своему болшему Семену: Можаескъ,... село на Сѣв*ерьсицѣ* (*рьсицѣ*) Похрян*ь*скомъ (ѣ) уѣздѣ.... А къ тому еще далъ *есмь* (*есмь*) ему два чум*а* золот*а* болш*ая* (*а—а—ая*).... А се даю сыну своему Ивану: Звенигородъ,.... Окатьев*а* слободк*а* (*а*),..... Тростн*а* (*а*), Нѣгуч*а* (*а* вмѣсто *я*)... А се далъ *есмь* (*есмь*) сыну своему Андрѣю: Лопастну и пр. А изъ золота далъ *есмь* (*есмь*)... 2 чумк*а* золот*а* меньш*ая* (*а—а—я*)... А се даю княгини своей... 2 сел*ѣ* (*ѣ*) Коломеньски... А по моимъ грѣх*омъ* (*омъ*) ци имуть (ѣ) искати (*и*) Татар*ове* (*ове*) которыхъ волост*ии* (*ии*), а отоимуться вамъ сын*омъ* (*омъ*) моимъ и княг*ини* моей, подѣлити вы *ся* (*ся* отдѣльно) опять тыми волостми на то мѣсто... А что мои люди куплен*ии* (*ии*) въ великомъ свертц*ѣ* (*цѣ*), а тыми *ся* подѣлять (ѣ) сын*ове* (*ове*) мои..., Андрѣю сыну моему бугай собол*ий* (*ий*) съ наплечк*и* (*и* вмѣсто *ы*, что послѣ *ами*)... Стады (ы) моими подѣлятся сын*ове* (*ове*) мои и княг*ини* (*и*) моя. А опрочь Московьскихъ (ѣ) селъ даю сыну своему Семену села *моя* (*я*) купл*еная* (*ая*)... А что село Павло*в*ское бабы наш*ее* (*е*) купля то даю княгини моей.... А что *есмь* (*есмь*) купилъ село въ Ростовѣ Богородичское, а далъ есмь Бориску Ворькову, аже *иметь* (*иметь с:* буд.) сыну моему которому служити, село будетъ (ѣ) за нимъ (ѣ); не *иметь* ли служити (*иметь с.*) дѣт*емъ* (*емъ*) моимъ: село отоимуть (*о* вмѣсто *з*)... А на *се* (*се*) послус*и* (*си*): отецъ (ѣ) мой душевный Ефрѣмъ, отець мой душевный Федос*ий* (*ий*), отець мой душевный попъ Давыдъ.

XIII. *Договорная грамота в. князя Семена Ивановича съ братьями, 1340 года.* (Собр. Госуд. Грам. I. № 23).

— Се *язъ* (*язъ*) князь великий Семенъ Ивановичь всея Руси съ своею братьею молодшею со княземъ съ Иваномъ и съ княземъ Андрѣемъ целовали *есмы* (*есмы*) межи собе крестъ у отня гроба. Быти *ны* (*ны*) за одинъ до живота, а брата своего старѣйшего имѣти *ны* (*ны*) и чтити во отцево мѣсто... А тобѣ, господин*е* (*е*) князь великий, безъ насъ не доканчивати ни съ кимъ... А кто *иметь* (*иметь*—буд.) *насъ*

Digitized by Google

свaживати... исправа (*а*) ны учинити... а опрочь того все на трое и бортници (*ци*)... А гдѣ *ми* (*ми*) *будеть* всѣсти (*будетъ в.*) на конь (*ь*) всѣсти *вы* (*вы*) со мною; а гдѣ ми *будеть* самому не всѣсти (*будеть не в.*), а *будеть* ми васъ послати (*будеть п.*)...

XIV. *Договорная грамота Новагорода съ в. князем Тверскимъ Михаиломъ Ярославичемъ, 1375 года.* (Собраніе Госуд. Грам. I. № 13).

— Отъ посадника отъ Михаила, отъ тысячкого отъ Матфѣя, отъ бояръ, и отъ житьихъ людѣй и отъ чорныхъ людѣй, и отъ всего Новагорода, пос*лаше* (*аше*) Новъгородъ Юрья и Якима къ князю къ Михаилѣ на Тфѣрь, а велѣлѣ (*суть*) миръ имати на семъ. Аже братью на*шю* (*шю*) попущати безъ окупа, Новгоро*дских*ъ бояръ и Новото*рь*скихъ (*рь* вмѣсто *ръжь*) бояръ, житьихъ людѣй и чорныхъ людѣй и сиротъ Новгоро*д*ской волости и Новото*рь*ской волости, или *х*то данъ на порукѣ Новгородѣчь или Новоторжанинъ, а съ тыхъ порука на землю; или кого къ челованью привелъ (*есть*), а съ тыхъ челованье на землю; или грамоты дерноватыи на кого пописалъ, а тѣ грамотѣ (*ать*) подереть. А что князь Михаил*о* товаръ порубилъ братьи нашей до Новото*рь*ского взятья, а того товара весь Новъгородъ велѣлъ (*есть*) Юрью и *Якиму* отступитися; а что товаръ Новгоро*д*скѣй и Новоторьс*кый* въ Торъшку (ъ) взятъ (*есть*) въ полонъ, а того товара весь Новгородъ велѣлъ (*есть*) Юрью и *Якиму* отступится. А землѣ и водѣ старый (ы) рубежь по старымъ грамотамъ. А намѣстник*ы* свои съ Торъшку (ъ) (*атъ*) сведетъ. А на семъ повел*ѣше* (*ѣше*) весь Новъгородъ Юрью и *Якиму* миръ взят*и* (*и*) съ княземъ (ь) съ Михаиломъ; а повел*ѣша* (*ѣша*) печати приложити изо всихъ пяти кончевъ къ сей грамотѣ. Аже князь Михаил*а* почне(*тъ*) посл*овѣ* (*ове*) свои слати въ Новъгородъ, Новъгородъ повел*ѣ* (*ѣ*) Юрью и *Якиму* посл*овѣ* (*ове*) Михаил*овѣ* (*ове*) поняти въ Новъгородъ.

XV. *Новюродская купчая половины XIV вѣка.* (Юрид. Акты № 71. 1).

— Се куп*и* (*и*) Окынфо (*о*=ъ). и Еванъ, и Марк*е* (*е*=ь=ъ), и Ѳедор*о* (*о*=ъ), у Жирятиничей: у Гошкуя, и у Якова, и у Бориса, и ув Ыгната, Разуевъ остров*о* (*о*=ъ), у Пикиничѣ земли; и да*ша* (*ша*) на немъ рублей гривну на 70 лѣтъ, а отъ того лѣта коли Іо. князь мертвь (*есть*) Ивановиче (*срав. выше въ грам. 1229 года*: коли епіпъ Альбрахтъ мьртвь); а боля Жирятиничям*о* (*о*=ъ) не надобѣ;

Digitized by Google

у Пикиничѣ земли, увидаются Гошкуй, и Яково (*о* = ъ), и Борисъ, сами съ своимъ племенемъ; а *у* томъ острови Окинфу 2 *чясти* (*чя*) а Евану и Марку и Ѳедору 3 *чясти* (*чя*). А на то послух*о* (*о* = ъ род. множ.): Дрочила Олексин*о* (*о* = ъ), попъ Сменъ святаго Спаса, Созонъ Ил*е*ѣн*о* (вм. Ильинъ). А псал*о* (*о* = ъ) Олуферій перед*о* (*о*=ъ) об*има* (*има*) истч*и*; а стояло (*о*=ъ) у печяти (*чя*) Гошкуй ото всего племени.

Сличая всѣ памятники нашей Русской письменности XIII—XIV вѣка, нельзя не придти къ заключенію, что смѣшеніе формъ древнихъ и новыхъ, въ нихъ замѣчаемое, не есть смѣшеніе двухъ разныхъ нарѣчій, книжнаго и народнаго, а признакъ переходнаго состоянія языка: вотъ почему формы древнія встрѣчаются все рѣже и рѣже, новыя все чаще и чаще, пока наконецъ однѣ совершенно смѣняются другими. Изъ этого не слѣдуетъ заключать, что въ памятникахъ XV вѣка и слѣдующихъ уже вовсе нѣтъ древнихъ формъ; напротивъ того, нѣкоторыя изъ нихъ уцѣлѣли и до сихъ поръ; тѣмъ не менѣе справедливо, что съ XIV вѣкомъ время господства большей части древнихъ формъ совершенно прошло, и что съ XV вѣка начинается рѣшительное преобладаніе формъ новыхъ, изъ которыхъ большая часть уже выказалась прежде, въ XIII—XIV вѣкѣ только въ смѣшеніи съ формами древними. Въ XIII—XIV вѣкѣ еще можно было воздерживаться отъ употребленія формъ новыхъ; позже это стало невозможно. Въ книгахъ и въ грамотахъ воздерживались отъ нихъ уже только тѣ, которые знали языкъ книгъ; народъ зналъ только ихъ, и все болѣе удалялся отъ разумѣнія формъ древнихъ.

Остальныя дополнительныя примѣчанія не помѣщаются здѣсь потому, что вновь пересмотрѣнныя и передѣланныя они войдутъ въ особенное сочиненіе о нарѣчіяхъ Русскихъ.

Digitized by Google

Цѣна 1 р. 50 к.

Digitized by Google